

**ВОЙНА
и
МИР**

**ВЛАДИМИР
МЕДИНСКИЙ**

**РОССИЯ НИКОГДА
НЕ СДАВАЛАСЬ
МИФЫ ВОЙНЫ И МИРА**

Annotation

Общественный деятель и ученый-историк, министр культуры и известный писатель, Владимир Мединский стал знаковой фигурой нашего времени.

Читателю, без сомнения, известны его книги, разоблачающие черный пиар о нашей стране, объединенные в цикл «Мифы о России» и исторический роман «Стена», посвященный подвигу наших предков — героической обороне Смоленска во времена русской Смуты XVII в.

Бескомпромиссная патриотическая позиция и искреннее, свободное высказывание своих взглядов в СМИ вызывали и вызывают по отношению к автору со стороны одних — признательность и поддержку, со стороны других — крайнюю нетерпимость. Но равнодушных нет. И это о многом говорит.

Какой же он на самом деле, министр культуры эпохи Владимира Путина, вставший в один ряд с другими представителями «путинской когорты» — Сергеем Шойгу, Сергеем Лавровым, Дмитрием Рогозиным?

Эта книга статей, интервью, выступлений дает читателю возможность узнать, что думает Владимир Мединский о политике, обществе, культуре и русской истории. Автор рассказывает много личного и наболевшего — о Родине и о себе.

-
- [Владимир Мединский](#)
 - [Об обществе](#)
 - [Существует ли сейчас спрос на патриотизм?\[1\]](#)
 - [Образованные и неудовлетворенные](#)
 - [«Мы живем в расколотом обществе, это наша общая беда»](#)
 - [«Наша Родина — страна, где Россия и Украина дружны и едины»](#)
 - [Мы сами смирились с тем, что вдыхаем, пьем отраву о своей истории и о своей стране\[5\]](#)
 - [Навстречу 100-летию революции: звено в исторической преемственности и платформа примирения\[6\]](#)
 - [«Мы должны перестать сваливать на Сталина все свои проблемы»\[7\]](#)
 - [Об истории](#)
 - [Единый подход к истории задается либо государством, либо](#)

кем ни попада[8]

- [«За Смоленском в 1611 году не стоял никто. Государства как такового уже не существовало!»\[9\]](#)
- [Мифы войны и мира](#)
- [Куда исчезли 100 тысяч пленных красноармейцев?\[11\]](#)

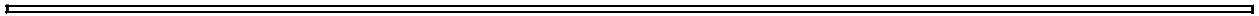
- О культуре

- [Культура. Итоги года\[12\]](#)
- [Необходимо преодолеть разрыв в доступе к культурному наследию страны между столицей и регионами\[13\]](#)
- [«Я рассматриваю себя как управленца в сфере культуры»\[14\]](#)
- [От взглядов я не отказываюсь\[15\]](#)
- [«Воскресный вечер» с Владимиром Мединским\[17\]](#)
- [Владимир Мединский VS Владимир Познер](#)
- [«Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию»\[19\]](#)
- [«Без идеологии человек становится животным»\[24\]](#)
- [«Денег мало, но сделать мы можем многое»\[25\]](#)
- [«Россия никогда не сдавалась»\[26\]](#)
- [«Государственные учреждения культуры сами себя обеспечить не могут»\[27\]](#)
- [Задача культурной политики — вырастить «поколение победителей»\[28\]](#)

- notes

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Владимир Мединский
Россия никогда не сдавалась
Мифы войны и мира

Об обществе

Существует ли сейчас спрос на патриотизм?^[1]

Год 2014-й, хотя и не имеет официального статуса Года истории, обещает сделать тему прошлого первополосной. 100 лет Первой мировой войны — достойный повод еще раз поговорить о «нормальной» науке истории, мифах, патриотизме, госзаказе и правдивых учебниках. Эти темы «Российская Газета» обсудила с министром культуры РФ Владимиром Мединским.

— Война 1812 года только через 25 лет после завершения была объявлена Отечественной. Причина — спрос власти на патриотизм, на героическое прошлое в угоду политической конъюнктуре. Должна ли власть использовать историю в своей текущей политике?

Владимир Мединский: «Должна или не должна использовать» — такая формулировка вопроса уводит в сторону. Реалии современного мира таковы, что любая суверенная власть так или иначе проводит свою историческую политику, то есть, выражаясь вашим языком, «использует историю» в своих интересах. Государство, чья элита отказывается от целенаправленного воздействия на общественное сознание (историческую память), неизбежно отказывается от части собственного суверенитета. Конечно, государство может этим не заниматься — но тогда историей будет заниматься кто-то другой, кто угодно и под любым углом. А у людей будет в голове либо вакуум, либо мусор. Потому что когда тебе в одно ухо говорят, что Александр Невский — герой, а в другое — что он коллаборационист, то, учась в 6-м классе, очень трудно сделать сознательный вывод.

Что касается «спроса на патриотизм» и героическое прошлое, то это фундаментальный, связанный с необходимостью продления своего исторического бытия запрос любого жизнеспособного общества и любого устойчивого государства. Исключая, конечно, те страны, элиты которых лишены политической и иной субъектности. Такое случается в провинции, колонии других более мощных держав.

— В годы войны из исторического небытия (поскольку многие из этих фигур не присутствовали даже в школьных учебниках) были извлечены персонажи Петра Первого, Ивана Грозного, адмирала Нахимова,

Александра Невского... Возник феномен использования уже не истории как таковой, а художественных образов. Получилось, что целые поколения учили историю не столько по учебникам, сколько по фильмам, книгам, спектаклям. Результат — двойное искажение истории: сначала события прошлого подлаживаются под конъюнктуру, а затем «пропускаются» через вымысел, пусть даже художественный.

Владимир Мединский: Все эти исторические персонажи вовсе не были в «историческом небытии», их не исключали из школьных учебников. Что касается кино, в частности, то двухсерийный фильм «Петр Первый» по роману А. Толстого был снят в 1937–1938 годах, фильм Эйзенштейна «Александр Невский» — в 1938-м. «Суворов» — тоже довоенный фильм, его премьера состоялась в январе 1941 года. А был еще фильм 1939 года «Минин и Пожарский»... Эти фильмы снимались на основе романов и повестей, изданных советскими писателями в 20-30-е годы. Пресловутый сталинский «поворот к истории», к русскому патриотизму произошел вовсе не после начала Великой Отечественной войны, как у нас любят говорить и писать, а в середине 30-х.

Что касается упомянутого «феномена», то он имеет вневременной характер — в любые эпохи и при любом режиме. И при царе было то же самое — роман Льва Толстого «Война и мир» оказал на господствовавшие в обществе представления о войне 1812 г. гораздо большее влияние, чем все исследования тогдашних историков вместе взятые.

При этом не надо думать, что образы наших великих предков или судьбоносных для страны событий, «пропущенные» через кино или спектакли, обязательно подвергаются такому дополнительному искажению и мифологизации. Вовсе нет. Политическая конъюнктура, о которой вы говорите, сказывается в первую очередь на проблеме отбора презентуемого обществу содержания — заказываются и снимаются фильмы о Минине и Пожарском, о Суворове (как это было накануне войны с Германией), а не о любовниках Екатерины II или меценатстве русской буржуазии конца XIX века. При этом сами художественные произведения могут весьма достоверно воспроизводить ту или иную историческую эпоху или конкретные исторические факты. Так, например, сценарий фильма «Александр Невский» был подвергнут жесткой критике специалистом по истории Древней Руси академиком Тихомировым и дважды перерабатывался.

— *Возможно ли точное историческое знание? Вообще, история — наука точная или не точная? Чаще всего она сводится к субъективным*

трактовок тех или иных событий прошлого. Может ли такой конфликт, такое столкновение трактовок считаться наукой?

Владимир Мединский: Любое знание, в том числе историческое, — точное. Другое дело, что «истории как она есть», «истории без идеологии» не существует. Любой исторический нарратив — это не случайный набор дат, имен и событий, это всегда выстраивание их в какой-то причинно-следственной связи, исходя из определенной позиции. Любое повествование приписывает соответствующие значения (смыслы) включенным в него элементам, и эти смыслы из истории неустранимы. На этом основании кое-кто пытается отказать истории в праве считаться наукой, и постулирует «равноправность» всех исторических позиций, мнений и интерпретаций. Это — постмодернистская чушь. Дискуссии в экспертном сообществе историков-профессионалов, как и в любом другом научном сообществе, ведутся в определенных, строго очерченных рамках, задаваемых общепризнанными на данный момент времени, «доказанными» теоретическими положениями и утверждениями по поводу тех или иных фактов, явлений, процессов. Точки зрения, выходящие за эти рамки, отвергаются и маргинализируются точно так же, как это происходит в любой другой «нормальной» науке — идет ли речь о физике или естествознании в целом. Поэтому большинство «конфликтов», как вы выразились, на деле представляют собой борьбу за общественное сознание. Эти дискуссии — как раз отражение политизации истории, ее использования в интересах текущей политики — по сути, в интересах пропаганды. Собственно к науке содержание этих дискуссий, как правило, отношения не имеет.

— Что вы скажете тем, кто считает, что история — не более чем набор мифов, а новые трактовки это всего лишь новые мифы, приходящие на смену старым? Мифологизация — процесс естественный и неизбежный или результат чьей-то «злой воли»?

Владимир Мединский: В массовом, в общественном сознании история и не может существовать иначе как набор мифологизированных, образно-символических представлений, и это нормально.

Накопленное наукой знание лишь опосредованно связано с этой системой образов. Другое дело, что в интересах конкретного государства или общества разрыв между этими двумя системами должен быть минимальным — наше историческое самопознание не может строиться на неадекватных, ничего общего с реальностью не имеющих мифах.

Ведь историческое сознание может быть как источником силы, так и

источником слабости народа. Необходимые для движения в будущее ответы на вопросы: «Кто мы?» и «Куда мы идем?» невозможны без ясного понимания собственной истории. Мы заинтересованы в том, чтобы исторический фундамент, на котором строится наше понимание прошлого, а значит, проектирование будущего, был твердым и объективным. Разрушение позитивного образа исторического прошлого СССР в 1980-е — начале 1990-х стало одной из ключевых, если не ключевой предпосылкой его распада. В результате было подорвано доверие граждан к институтам государства, произошла девальвация общих ценностей, была утрачена историческая перспектива. Как закономерный итог — распад государства.

— *Можно ли воспитывать патриотизм на примерах не самых светлых страниц истории? Допустимо ли вообще такое словосочетание, как «историческая политика», неизбежно подразумевающее вмешательство государства в историческую науку и ее производные (учебники, пособия, журналы, художественные произведения)? Не приводит ли госрегулирование в такой чувствительной и индивидуализированной сфере, как история, к расколу общества, хотя в идеале история должна общество сплачивать?*

Владимир Мединский: Главным результатом того, что мы называем «патриотическим воспитанием», должно быть формирование чувства сопричастности своей стране и ее истории, уважение к предкам, а вовсе не бездумная преданность существующему политическому режиму. Лучше всего соответствующая гражданская позиция выражена еще Пушкиным:

«Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражает, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал...»

Поэтому любая национально ориентированная историческая политика нацелена на исключение из публичного дискурса глумливых, ернических, оскорбительных для памяти предков трактовок любых страниц истории — как героических, так и трагических, или, как вы выразились, «не самых светлых».

Что касается раскола общества, то он не выгоден никому — ни государству (власти), ни его гражданам. Так что и в этом вопросе

противопоставлять интересы государства и общества ни к чему. «Госрегулирование» в этой сфере должно быть как раз нацелено на консолидацию, а не на стравливание людей между собой по идеологическим, этно-конфессиональным или каким-то иным основаниям. Распознать, вычленив и, в конечном счете, маргинализировать обладающие конфликтным потенциалом, разрушительные для формирования общегражданской идентичности политизированные, тенденциозные версии истории — прямая задача не только отвечающих за проведение «исторической политики» госструктур, но и гражданского общества в целом. Если, конечно, речь идет о действительно суверенном государстве (а не о чьей-то колонии) и настоящем гражданском обществе, а не его «болотной» имитации.

— На постсоветском пространстве возникло 15 национальных историй, все более расходящихся в принципиальных оценках прошлого. Как все это сказывается на интеграционных процессах? Не мешает ли им активная реабилитация советского периода в России? А заодно — не способствует ли эта реабилитация расколу российского общества?

Владимир Мединский: Прежде всего, никакой «реабилитации» советского периода в современной России не происходит. Никто не собирается замалчивать или утаивать от общества «темные страницы» советской истории. Кроме того, реабилитация нужна в отношении осужденных, что же касается СССР, то мечта наших либералов организовать над нашей страной «второй Нюрнберг», к счастью, реализована не была.

То, что многими сегодня панически интерпретируется как «реабилитация», на самом деле выражает собой нежелание здравомыслящих граждан России говорить о своих предках в глумливо-уничижительном, обвинительном тоне — так, как это делают те, кто считает величайшим несчастьем, что им довелось родиться и жить в России. Вот от этой либеральной «смердяковщины» наше общество сегодня избавляется, и это, на мой взгляд, симптом выздоровления, а вовсе не болезни. Препятствия для модернизации, и вообще любого развития, создаются как раз теми, кто хотел бы внушить нашему обществу «суицидальные» представления о прошлом, — т. е. подтолкнуть к смене идентичности, желанию «свалить из страны», в которой никогда и ничего «нормального», «цивилизованного» не было, а значит, и не будет.

Что касается постсоветского пространства, то, на мой взгляд, пик активности по конструированию собственной, отличной от российской

идентичности, а значит, и истории, здесь уже пройден. Насущные политические цели, связанные с легитимацией независимых от Москвы режимов, в основном достигнуты. Теперь настает период менее политизированного, более вдумчивого, если так можно выразиться, «исторического мифотворчества». Проектируя свое будущее, элиты тех или иных стран с неизбежностью будут приходить к выводу о важности расширения интеграционных контактов с Россией, и это приведет к корректировке политического «заказа» на соответствующую версию нашего общего исторического прошлого. «Конфронтационная» модель истории (неважно, идет ли речь об Украине, Латвии или Грузии) сегодня нужна там только тем политикам, кто связывает свои интересы с превращением страны в страну-вассала, грубо говоря, «сливает» собственный суверенитет.

Образованные и неудовлетворенные

Нужно ли всеобщее высшее и насколько оно должно быть бесплатным?^[2]

В своей первой статье в «Известиях» В. Путин пригласил к диалогу. Статья большая, практически философская — о многом, в том числе — о том, как «образовательная революция» кардинально меняет сам облик российского общества и российской экономики. Имея за спиной годы преподавательского опыта, не могу удержаться от приглашения премьера к дискуссии.

Для чего людям нужно высшее образование? Мотивация всегда, везде одна и та же: приобрести умения и навыки, которые позволят получить интересную работу, высокооплачиваемую специальность, кому-то — подняться в новый слой социального пирога. Ну, и для меньшинства мотивом была просто неистребимая тяга к знаниям. У нас тоже в университеты идут по этим же причинам. Но и еще — по трем другим, лишенным и здорового прагматизма, и романтического стремления к познанию.

Во-первых, так принято. Без диплома «типа не круто». Престиж рабочих и технических специальностей утрачен напрочь. По оценке РСПП, в 2017 году дефицит квалифицированных рабочих составит 83 %, в стране их давно уже меньше, чем дипломированных «белых воротничков».

Во-вторых, для юношей, — банальный «откос» от армии. Путин приводит пример: «Среди наших граждан в возрасте 25–35 лет высшее образование имеют 57 % — такой уровень кроме России отмечен всего в трех странах мира: в Японии, Южной Корее и Канаде». Так вот, в Южной Корее службы в армии можно избежать, только если ты признанный всеми идиот или ужасно и неизлечимо болен. Причем служат там не год, а 2–4. Не так давно один из кандидатов в президенты Кореи со скандалом снял свою кандидатуру, когда выяснилось, что его сын «откосил» от армии.

В-третьих — socializing. Возможность ненапряжно провести время, пять лет потусить и просто-напросто «продлить детство». Еще не знаешь, чем хочешь в жизни заниматься? Папа-мама еще тебя, малыш, содержат? Вот тебе отсрочка от ответственных решений.

Уже сейчас мы имеем колоссальную диспропорцию между потребностями экономики и рынком труда, в качестве балласта —

огромную массу юристов, экономистов, пиарщиков с уровнем подготовки ниже плинтуса. К тому же трудно понять, почему мы, налогоплательщики, оплачиваем подготовку тех, кто сразу идет работать не на государство, а на Абрамовича и Дерипаску. Ведь бизнес, в подавляющем большинстве, не заказывает и не оплачивает подготовку себе специалистов, а получает их «от госВУЗов» (т. е. от налогоплательщиков) безвозмездно, т. е. даром. Пусть плохоньких, пусть учившихся не тому, что надо, а что надо — никогда не учивших, — зато и вкладывать в систему образования ничего не нужно. Дареному коню в зубы не смотрят.

Увы, всеобщее бесплатное высшее в сегодняшних условиях оказывается такой же химерой как строительство коммунизма. Хотя в СССР, признаем, вузовская система, была в большей степени устроена на здравом смысле. Сделав высшее образование бесплатным, государство эти вложения «отбивало», выступая как единый и единственный работодатель. Когда я поступал в МГИМО, в МИДе знали, какой специалист в каком посольстве/торгпредстве Союза понадобится через 5 лет. И я учил чешский не потому, что сам его выбрал и страстно мечтал узнать, что «черствый» — это свежий, «запах» — это вонь, а «вонявка» — духи. А так решил тот, кто за тебя платит, — государство. Ты мог желать работать с английским в Нью-Йорке, но как миленький ехал с португальским в Анголу и с пушту — в Афганистан, ибо так требуется твоему спонсору-заказчику — партии и правительству.

Кстати, представление о том, что в СССР образование всегда было бесплатным — ошибка. По указу СНК, с 1.09.1940 платным стало обучение не только в ВУЗах, но и в техникумах, педучилищах и даже в 8-10 классах. 300–500 рублей в год в институте и 150–200 в школе. Это, конечно, несопоставимо с Америкой, где сейчас обучение в среднем университете стоит 20 тыс. долл. в год, а в элитном — больше 50 тыс. долл. Но все равно — 1–2 месячные зарплаты. Отменили плату за обучение только в 1956 году.

Сегодня на повестке дня — новая индустриализация. Другого пути у России нет. Стране «как хлеб, как воздух» нужны квалифицированные рабочие, техники, а вместо этого — пожалуйста, потенциально безработные, в 80 % — работающие не по профилю юристы, экономисты, политологи.

Многие ВУЗы берут «в студенты» чуть не всех подряд. Бюджет платит за огромное количество ежегодно «выплевываемых» на рынок потенциально безработных юристов/экономистов, при этом «массовом подходе» за каждого студента от государства ВУЗу, естественно, достается немного. Преподаватели, не имея достойного содержания, халтурят в

десятке мест. Качество обучения падает. Студентов, которые косят от армии и продлевают детство, это вполне устраивает. Работодатель, который вроде бы должен охотиться за лучшими молодыми специалистами, принимает как есть: все ж халява... Он, повторюсь, берет с рынка работников, за подготовку которых не платил. Первая фраза, которую слышит выпускник: забудь все, чему тебя якобы учили, теперь начинаем работать!

Порочный круг. Разорвана цепь: работодатель — ВУЗ — человек, и в результате по столицам плещется море неостребованных амбиций, подкрепленных только бумажками дипломов.

Не логичнее ли перестроить экономику высшего образования, изменив сам принцип, который лежит в ее основе?

Необходима система, при которой 90 % или даже 95 % студентов имеют своего конкретного заказчика. То есть того, кто сначала платит за обучение, а потом обеспечивает студента работой.

Таких заказчиков может быть два. Или это государство — по тем профессиям, которые нужны государству: от офицеров, врачей, учителей до геологов и инженеров-ядерщиков, — и тогда молодой специалист должен отработать оговоренный срок, согласно договору, там, где с самого поступления в ВУЗ его ждут (и куда его пошлют).

Или это бизнес, — с последующим «распределением» именно в эти компании. Уверен, бизнес не только обеспечит «своих» студентов матбазой, местом практики, но и — на протяжении всего учебного процесса — будет следить за качеством обучения: он же платит.

Отношения между студентом и его «заказчиком» должны быть договорными, взрослыми — с выплатой полной стоимости обучения и неустоек в том случае, если молодой специалист взбрыкнет и возжелает взять «свободный диплом».

При системе заказа на студента сам собой решается вопрос со стипендиями. Государство фактически берет молодого человека на содержание, как в армии, и сегодняшними символическими стипендиями-подачками ограничиться уже не сможет. А для бизнеса это вообще понятно: достойная стипендия — аванс будущей зарплаты.

Естественным образом также решается и вопрос с оплатой профессуры.

В чистом виде бесплатное обучение — когда государство как сейчас платит за обучение студента без всяких обязательств — также возможно. Но предоставляться — только тем 5-10 % студентов, которые проявили свой талант к будущей профессии. Критерием для зачисления на бесплатные места и получение солидных именных стипендий должна быть

не бедность, а именно талант, одаренность.

Для всех остальных «вольнлюбцев», желающих избежать контракта с будущим работодателем, — обучение платное. Будет ли учащийся ВУЗа разгружать вагоны, оплатит ли его образование родители или будет взят образовательный кредит (это нынче просто) — личное дело студента-платника. И это — его личная свобода после института.

Так будет справедливо. Система простая и внятная.

Но не могу не сказать еще о справедливости. Вроде бы это не относится к высшему образованию... хотя еще как относится! Я про ЕГЭ. У него есть свои плюсы, есть свои минусы, но давайте честно признаем: ни одной из задач, ради которых единый госэкзамен затевался, он не решил. Коррупцию не победил. Новых Ломоносовых выявить явно не способен.

Я, гуманитарий, не возьмусь судить: может, в части химии-физики ЕГЭ является панацеей от всех бед, и без него своих Вернадских, Курчатовых и Королевых нам никогда не вырастить. Но ведь очевидно любому, что для истории, для литературы ЕГЭ может в лучшем случае служить предварительным, предэкзаменационным тестом. Это те предметы, у которых функция поважнее, чем тренировка короткой памяти. Они, с помощью учителей, позволяют развивать ум и сердце. Обществу нужны не ходячие флешки, а граждане и патриоты.

Да и какой может быть единый экзамен и единый образовательный стандарт, когда столь разительно отличается зарплата учителей по субъектам РФ? В Кургане она в среднем 12 тыс. руб. В Москве может быть 50 тыс. руб. и больше. А стандарт подготовки предполагается один?

В регионах в школе — глубокая обида на государство. Это — несправедливо.

Экономика образования должна измениться так, чтобы обеспечить отказ от инфантилизма и патернализма. Нужно связать воедино лучший опыт советской системы образования и западные образовательные технологии.

Будем и дале молиться на Болонскую систему? Или перестанем слепо обезьянничать, словно слепые «болонки»? Мы должны воссоздать Московскую систему образования. Систему, в которой бренды МГУ, СПбГУ, МФТИ, МИФИ, МГИМО, Бауманки etc — снова засияют на весь мир...

Пусть в остальном мире — равняются на нее.

«Мы живем в расколотом обществе, это наша общая беда»

О том, почему, изучая историю, важно понимать, что «твои предки не хотели сделать тебе хуже»^[3]

Минул год с того дня, как президент Владимир Путин дал поручение создать единую концепцию учебника истории. Первые пособия новой линейки появятся не ранее 2015-го, а пока очевидно, что российское общество резко расходится в оценке наших исторических реалий. Свидетельством тому — события, развернувшиеся вокруг празднования 70-й годовщины снятия блокады Ленинграда, в частности, высказывание министра культуры и председателя Военно-исторического общества Владимира Мединского, усомнившегося в изобильном питании ленинградского руководителя Жданова, и реакция на него. Свою позицию Мединский объяснил в беседе с корреспондентом «Известий».

— *Есть мнение, что новый единый учебник истории сродни закону о введении единомыслия в России.*

— *Совсем не так. Начнем с того, что единого учебника нет, есть концепция, согласно ей будет написано несколько линеек учебников. Безусловно, базовые вещи должны преподаваться канонически. Невозможно в 5–6 классе излагать диаметрально противоположные вещи о жизни, к примеру, Александра Невского или Кутузова. Ничего, кроме мусора в головах детей, мы не посеем.*

Почитайте некоторых наших «историков-публицистов» — да у них всё описание войны 1812 года сводятся к тому, что Кутузов был «тайным эротоманом», и поскольку в русской армии, весьма пуританской по нравам, в отличие от французской, не было «маркитанток» и прочих девушек, Кутузов якобы держал при себе кавалергард-девицу в адъютантах — маскировался. Что якобы давало почву для всяких «гусарских баллад». Не пойму, чем это умаляет его полководческий гений, да и вообще — человеку, сохранившему такую энергию и изобретательность до преклонных лет, остается только завидовать.

А если серьезно, то важно, чтобы изучение истории не сводилось к

пересказу сомнительных баек, а изучались смыслы, причинно-следственные связи и главное — мотивация человеческих поступков, их историческое и нравственное, применительно к изучаемой эпохе, предопределение.

— *То есть концепция следующая: ребенку в школе расскажут каноническую, одобренную Минобразования версию, а потом уже его дело. Так?*

— Ребенку в школе расскажут версию, которая является коллективным мнением лучших ученых страны. Самое главное, чтобы наши учебники были правдивы и интересны. И очень многое зависит от учителя.

Несколько лет назад я спросил студентов: «Каковы потери СССР в годы Великой Отечественной войны?» И не получил ни одного правильного ответа. Есть же цифра выверенная — около 26,7 млн. человек. Студенты называли и 12, и 20, и 30, и 50 млн. Дело не только в том, что они плохо знают историю, у нас правильная каноническая цифра теряется на фоне множества версий. А ведь есть еще и литература. У нее свои версии, иногда даже своя статистика. Вот Солженицын о ГУЛАГе...

— *...Солженицын не мог знать статистики НКВД.*

— Да, он опирался на отдельные несистематизированные отрывочные документы, на разговоры, оценки, кто-то где-то посчитал. Цифры жертв репрессий огромны, но они совершенно не те, что приводятся у Солженицына... Поэтому очень важно для историков донести до школьного курса какие-то базовые выверенные цифры, факты, каноны.

— *Есть такое понятие — историческая правда? Как показывает история той же блокады, у каждого из ее участников правда своя.*

— Правдой является то, что ленинградцы совершили великий подвиг, защищая родной город. Правда и то, что руководители Ленинграда совершили практически невозможное по организации этой обороны. Но правдой является и то, что «пайковое питание» в блокадном городе было, конечно, глубоко неравным: иждивенцы получали одну норму, рабочие — другую, деятели искусства и культуры — третью, начальники — четвертую. И это вполне объяснимо — пытались спасти будущую культуру страны, ее научный потенциал.

Да, государственные и партийные работники жили лучше, но какова была альтернатива: оставить город без руководства? Обратит ситуацию в хаос и тем самым сдать Ленинград на милость врагу? Как известно, Гитлер

еще 22 сентября 1941 года однозначно высказался, что не заинтересован в сохранении Ленинграда и его жителей.

Вообще надо стремиться не судить о людях и событиях в истории, не пытаясь понять обстоятельств и мотивов действия. Это то, чем грешит вся историческая публицистика, да и я порой в том числе.

При этом, подчеркну, есть вещи, о которых «в статистическом измерении» вообще рассуждать кощунственно. Безнравственно рассуждать в публичном пространстве, был ли подвиг панфиловцев, сколько их было, 28 или 128. Да окажись ты в окопах под Волоколамском — и считай, сколько там человек с тобой в окопе.

Факт заключается в том, что они фактически без артиллерии остановили и уничтожили немецкую танковую колонну. Это за пределами человеческих возможностей. На этом фоне меркнут любые 300 спартанцев. А таких историй в нашей «военно-исторической» летописи России — сотни. Сотни примеров для воспитания и подражания, о которых надо непременно рассказывать. И на уроках истории и литературы в том числе.

Или взять пресловутую историю с ромовыми бабами. Это ведь пропагандистская фотохроника ТАСС. Из той же серии, что и информация в советских СМИ 1942 года о присуждении директору завода шампанских вин в Москве Фролову-Багрееву Госпремии за создание лучшей в мире технологии массового производства вин резервуарным способом. Надо было показать, что страна живет, что шампанским будут скоро праздновать победу над немцем. Так надо к этому относиться.

А у нас как делают? Берут пропагандистскую фотохронику, берут Жданова, и все дается под определенным углом: вот, люди всегда шли во власть, чтобы есть ложками черную икру — во все времена. Я читаю Facebook, пишу: «Какая Олимпиада? В стране не хватает лекарств. Какая блокада? Простые люди умирали с голоду, а Жданов жрал ромовые бабы».

А Жданов, кстати, один из наиболее «мягких» вождей сталинской эпохи и скромный в быту человек, за компанию оплеванный в годы перестройки. Он перенес два инфаркта на рабочем месте и умер в 53 года. И вообще-то у него был диабет, так что ромовые бабы — это вряд ли к нему.

— В отношении Жданова действует такая правда оценки — я имею в виду гонения на Шостаковича, Ахматову, Зощенко, — что правдой факта ее трудно опровергнуть.

— Да, осудил. Да, грубо выступил. А другой бы на его месте отправил в лагерь. К таким дискуссиям сегодня надо осторожно подходить. Надо

всегда стараться понять мотивацию решения, учитывая при исторической оценке обстоятельства и контекст времени. Но это же неинтересно никому, это копать надо. Всегда проще — или бездумно восторгаться, или столь же бездумно оплевывать.

— *Лишить людей возможности обсуждать историю с неканонических позиций — значит обеднить представление о ней.*

— Изучать и обсуждать нужно со всех позиций, но найдите для этого правильные слова. Подумайте о том, что еще живы люди, пережившие это страшное время, мы и так живем в расколотом обществе, это наша общая беда.

— *Любовь к Родине и критическое отношение к ее истории несовместимы?*

— Разве любовь к своим детям не предполагает критики их за ошибки? Не предполагает, что вы должны их воспитывать? А любовь к своим родителям не предполагает, что вы можете с ними в чем-то не соглашаться? Где-то спорить? Что-то пытаться сделать иначе, чем они? Верить, что теперь, изучив их опыт, вы знаете, как сделать лучше?

Изучая историю, важно понимать, что твои предки не хотели сделать тебе хуже. Иначе тебя бы не было. Бабушка моей жены, недавно скончавшаяся, ей было под 90, вообще никакой критики исторической не хотела слушать. Говорила: «Вот, я жила в деревне, все работали, у нас был колхоз, не было никаких репрессий, и все были счастливы. Муж воевал, кучу орденов получил, никаких ваших штрафбатов и ничего плохого на войне не видел. Никогда не было того, что сейчас по телевизору показывают». У нее вот тоже своя правда.

— *Но это правда оценки.*

— Да. Есть «Архипелаг ГУЛАГ» и есть передовица газеты «Правда». Истина редко бывает строго на одном полюсе.

— *В новых учебниках предполагается только правда факта или правда оценки тоже?*

— В учебнике должна быть правда факта. А оценки должны быть максимально взвешенные, выверенные сквозь призму любви к Родине и уважения к предкам.

— *То, что в 1939 годы СССР и Германия заключили договор о*

ненападении, известный как пакт Молотова-Риббентропа, — это правда факта. Какова, по вашему, правда оценки?

— Этот пакт в контексте происходивших событий был вынужденным и неизбежным шагом советской дипломатии.

— *Так и будет написано в учебнике?*

— Надеюсь, что да.

— *За единой концепцией учебника истории, по логике, последует единая концепция учебника литературы.*

— Этот вопрос адресуйте Владимиру Ильичу Толстому, он литературную тему гораздо глубже меня знает, организует Российское литературное общество, что я, кстати, считаю очень нужным делом.

— *Мой вопрос о соотношении уроков истории и литературы. Вы сказали, что в сознании детей при изучении истории не должно быть путаницы. Но каноническая история ГУЛАГА — одна правда. «Архипелаг ГУЛАГ» — другая. Не перебьют ли правда Солженицына, то есть правда оценки, правду факта? И возникнет та самая путаница.*

— Перебьют. И «Война и мир» перебивает все исторические описания войны 1812 года. Всякое талантливое художественное произведение всегда сильнее сухого исторического факта. Здесь есть два пути. Первый. Делать учебник истории и урок истории интересным. Ведь, по идее, история — это самый интересный урок, он может эмоционально соперничать с литературой. И второе — преподавая литературу, надо предупреждать, что это — литература, видение автора. «Три мушкетера» ни в какой степени не соответствуют историческим событиям, более того, роман Дюма — это исторический перевертыш, и по большому счету «хороший парень» — как раз кардинал Ришелье. Французы понимают, как много он сделал для Франции. А мушкетеры — забияки и бездельники. Но это художественное произведение — и только.

— *Последнее. Как вы, историк, оцениваете церемонию открытия Олимпиады?*

— Как шоу — сделано блестяще. С точки зрения истории там «сглажены» все военные эпизоды — МОК вынуждает предельно сглаживать углы. Хотя обидно — насколько я знаю, по задумке эпизод, посвященный войне, был очень сильным.

«Наша Родина — страна, где Россия и Украина дружны и едины»

Министр культуры РФ призвал иерарха УПЦ помнить и любить нашу общую историю^[4]

Митрополит Черкасский и Каневский Софроний (Дмитрук), управляющий местной епархией Украинской православной церкви (Московского патриархата), выступил с обращением к землякам-черкасцам, которые состоят на государственной службе России, обвинив их в предательстве Родины. Иерарх УПЦ обратился, в частности, к председателю Совета Федерации РФ Валентине Матвиенко и министру культуры России Владимиру Мединскому. «Известия» публикуют ответ Владимира Мединского митрополиту Софронию.

Некий Митрополит Черкасский и Каневский Софроний (Украина) решил публично застыдить «уроженцев Черкасской области» — Валентину Ивановну Матвиенко и меня, заклеив как «пособников агрессоров» и «предателей украинского народа».

Послушал я его страстную проповедь. Забавный человек этот митрополит. Для начала объявил, что меряет работу мозга людей на проценты. Те, значит, кто из украинцев в России за Путина, — у тех мозг работает меньше чем на 4 %. Ну ладно, спасибо хоть меряет мозг, а не череп — циркулем. Об этом многие в новой украинской власти явно мечтают.

Далее Софроний возглашает, что хотел бы посмотреть нам в глаза и спросить, помним ли мы историю и знаем ли о «страданиях украинского народа». Я тоже хотел бы посмотреть в его глаза. Хотел бы заглянуть ему в глаза — и спросить, помнит ли сам святой отец историю Украины?

Помнит ли о страданиях украинского народа, что принесла бандеровская мразь? Та, что уничтожила десятки тысяч украинцев — среди них моего двоюродного деда, распиленного на части за то, что посмел преподавать в сельской школе русский язык, историю и литературу.

О страданиях, которые принесли националисты в 1917–1918 годах, впусившие на землю Украины немецкую армию и устроившие междоусобную резню под флагом борьбы за самостоятельность?

О тех страданиях, что принесло народу Украины расчленение СССР, разрезавшее по живому экономику, культуру, семьи, человеческие судьбы?

О страданиях и издевательствах, которые несет ему сегодня странная недовласть на Украине? Дивная смесь наивных романтиков, циничных политиканов и нацистских выкормышей — словно оборотней, вылезших из сумрака западенских лесов.

Софроний говорит, что «история запоминает только тех людей, которые вопреки обстоятельствам помнят о своем происхождении».

Отвечу: мы о нем помним. Мы помним, в какой стране родились — в единой стране, где Россия и Украина были одной плотью, одним великим народом.

Мы вместе — верой, словом и собственной кровью — объединили бескрайние земли, защитили их от ордынцев, ляхов, шведов и турок, изгнали Наполеона и вошли в Париж, разгромили объединенный фюрером конгломерат стран и освободили Европу.

Мы вместе спасли мир в 1945-м и вместе покорили космос. Вместе создали мировую сверхдержаву, где не было места ни межнациональным войнам, ни организованной преступности в принципе — не то что у власти. Вместе создали величайшую культуру и науку.

От всего этого призывают отказаться манкурты-Софронии.

Всё это сменить — на что? Кого избрать в «отчества отцы»? В образцы своей истории?

Террориста Бандеру? Серийного предателя Мазепу?

На этих примерах вы, Софроний, хотите воспитывать детей Украины?

Софронии — интеллектуальные извращенцы, лишающие великий народ великого прошлого — прошлого Побед и свершений — и предлагающие ему взамен его великих Отцов и Матерей суррогатные поделки.

Нацию титанов — основателей и созидателей Великой тысячелетней Руси — украинцам предлагают заменить на историческую мелюзгу, политических карликов и просто всяческую лесную мразь.

Мы помним и любим нашу общую историю.

Вы, святой отец, ее позабыли. Вспомнили о совести? Только вряд ли имеющий совесть смог бы на политой кровью миллионов наших солдат святой украинской земле служить духовным наследникам Гитлера.

Да, есть малая Родина — но и есть Родина большая. И они не противопоставимы. Наша Родина — страна, где Россия и Украина дружны и едины. И именно так сегодня живут и будут жить вовеки русские и украинцы в Крыму.

Сегодня любить Украину — значит защищать ее от пытающихся осесть при власти неонацистов.

Сегодня думать о будущем Украины — значит бороться за ее свободу и суверенитет вместе с Россией.

Вспомните — каждый, каждый(!) раз, когда Украина отрывалась от России, она становилась легкой добычей: Литвы, Польши, Германии.

Сегодня — чьей добычей станет она? По-жесткому — радикалов-неонацистов? Или по-мягкому — просто подмандатной полуколонией протестантского Запада? Так ли, батюшка православный? К этому призываете?

Я не забыл, что сам по рождению — украинец. Не особо, правда, этнически чистый — с примесью всякой разной крови: и польской, и немецкой.

С такой столь привычной для многонациональной России смесью, что понимаю — я настоящий русский.

И нас — русских великороссов и малороссов, русских украинцев, русских татар, русских чухонцев и мордвин, русских кавказцев и башкир — только в границах России 150 млн. Мы всегда были и будем непобедимы, ибо мы не отличаем друг друга ни по проценту крови, ни мозга, ни по форме черепа.

И вам, отец Софроний, не советуем.

Мы сами смирились с тем, что вдыхаем, пьём отраву о своей истории и о своей стране^[5]

15 апреля компания «Централ Партнершип» отозвала из Министерства культуры РФ заявку на получение прокатного удостоверения для фильма «№ 44», принимая на себя любые вытекающие коммерческие последствия этого решения. По итогам пресс-просмотра в Министерство культуры РФ поступили вопросы, касающиеся содержания фильма, в первую очередь — искажения исторических фактов и своеобразных трактовок событий до, во время и после Великой Отечественной войны, а также образов и характеров советских граждан той исторической эпохи. После данного просмотра мнение прокатчиков и представителей Минкультуры совпали: прокат подобного рода фильмов в преддверии 70-летия Победы недопустим.

Пресс-служба Министерства культуры опубликовала заявление Министра культуры РФ В. Р. Мединского к отзыву прокатной заявки фильма «№ 44».

Я высоко ценю решение прокатной компании «ЦППШ» («Централ Партнершип») об отзыве заявки на получение прокатного удостоверения для фильма «№ 44» (в оригинале «Ребенок номер 44», производство США, кинокомпании Lionsgate).

Важно, что по этому вопросу позиции министерства и коммерческого предприятия совпали.

Повторю главное из нашего совместного с «ЦППШ» заявления: такие фильмы, как «№ 44», не должны выходить в нашей стране в массовый кинопрокат, зарабатывая на нашем кинозрителе, ни в год 70-летия Победы, ни когда бы то ни было еще.

Кратко о фильме. Главные действующие лица — советские солдаты, водрузившие Знамя Победы над Рейхстагом, а потом работающие... следователями МГБ (в качестве прототипов угадываются Герои Советского Союза Михаил Егоров и Мелитон Кантария). В фильме есть все что положено: Сталин устроил «голодомор» специально для Украины и убивает по 25 тысяч человек в день; голодающие дети, как вспоминают герои,

поедают своих ослабевших одноклассников; в СССР запрещается расследовать уголовные преступления, потому что «у нас нет убийств, они есть только при капитализме»; советские солдаты-мародеры с пятью трофейными часами на запястьях; кровавые упыри с офицерскими погонами армии-победительницы и звездами героев расстреливают сограждан, соседей, друг друга и особенно геев (!) во дворах, на улице, в служебных кабинетах и просто мимоходом, на глазах их детей, «чтобы преподать урок»; запуганные советские женщины там отдаются советским же офицерам из страха, что за отказ их тут же отправят, «как принято», — в ГУЛАГ.

Не страна, а Мордор, с физически и морально неполноценными недочеловеками, кровавое месиво в кадре из каких-то орков и упырей — вот в такой стране происходит действие фильма от 30-х до 50-х годов XX века. Так показана наша страна — та самая, которая только что победила в Великой войне, вырвалась в число мировых лидеров и вот-вот запустит первого человека в космос.

Скажу сразу: дело не столько в конкретном фильме — американские кинематографисты могут самовыражаться, как им заблагорассудится.

Нам до того, в общем-то, дела мало.

Принципиально то, что мы должны наконец поставить точку в череде бесконечных шизофренических рефлексий о самих себе.

То, что в самый канун 70-летия Великой Победы нам как само собой разумеющееся суют, иного слова не подберу, нечто «вот этакое», — этот факт сам по себе вынуждает обратить внимание на две важные вещи.

Первое.

Я очень не хочу, чтобы объяснение решения о прокате фильма «№ 44» сводилось, как обычно, только к «стремлению не поранить чувства ветеранов».

За этой удобной формулой — «из уважения к ветеранам» — мне всегда виделась лицемерная попытка нас — сегодняшних — увернуться от самостоятельных решений.

Опять переложить ответственность на плечи наших стариков.

Хватит.

Семьдесят лет прошло. Семьдесят! Четвертое поколение сменяется.

Наши ветераны — и павшие, и те, увы, последние — слава богу, живущие сегодня, — уже сделали для своей страны все. Все, что возможно.

И все, что невозможно, — тоже сделали.

Мы до сих пор живем в той стране, которую они отстроили и отстояли.

Они жили и они умирали для нас — от первого погибшего 22 июня

1941-го пограничника до всех звездных маршалов.

Сколько можно прятаться в принятии решений за их спинами?

Хватит юлить и лицемерить. Наши ветераны нам уже ничего не должны.

Мы лишь унаследовали — и весьма небрежно — легенду, которую создало Поколение Победителей.

И сегодня мы сами делаем историю России, которая будет после нас.

И сами должны отвечать за свои поступки.

Второе.

Руководство «ЦПШ» приняло свое решение по итогам финального просмотра, буквально в последний момент. Фильм должен был завтра выйти в российский прокат, он прошел всю предпрокатную технологическую цепочку — перевод, озвучку, пресс-показ, рекламную кампанию. И на каждом звене этой цепочки с ним имели дело наши люди. Наши сограждане. Современные, образованные, профессиональные люди.

И «это кино» никого не задело! Как? Почему это могло случиться?

Почему для каждого из этих десятков, а может, сотен человек содержание этого «произведения искусства» оказалось в порядке вещей?

В конце концов, просто бизнес? Просто служебные обязанности?

Боюсь, это тот самый случай, когда «мы думали, что достигли дна, но тут снизу постучали».

Но этого дна мы достигли сами. Мы сами смирились с тем, что вдыхаем, пьем отраву о своей истории и о своей стране — и убедительно, — и добровольно себе объясняем, что это и есть воздух, это и есть вода. Что это и есть божья роса.

Это мы сами соглашаемся с ложью и клеветой. Это мы сами наснимали фильмов серии «сволочи из штрафбатов». Это мы сами, по доброй воле решили, что удобнее сверять свое понимание собственной истории с политическими интригами давно минувших дней. С дикими шаблонами, принятыми в иных культурных пространствах.

Это мы озабочены, чтобы наши представления о самих себе непременно были угодны «цивилизованному человечеству».

Позволю себе напомнить: это «цивилизованное человечество» является сегодня цивилизованным ровно и исключительно в той степени, в какой его принудили остаться цивилизованным советский солдат и советский народ в 1945-м.

Пора наконец-то сформулировать свое собственное представление о самих себе как наследниках великой, уникальной российской цивилизации.

Внятно, канонически, без блудливого спотыкания о «трудные вопросы

истории» и бессодержательных рефлексий. Сегодня, в год 70-летия главного события в истории XX века.

Без этого нас сомнут. Или мы будем иметь свое историческое и, соответственно, будущее самоопределение — или нас «самоопределят» без нашего участия.

Мы — на примере наших соседей и братьев — видим как.

И с чего-то надо начинать. Прямо сегодня.

Навстречу 100-летию революции: звено в исторической преемственности и платформа примирения^[6]

Выступление 20 мая 2015 года в московском Музее современной истории России в рамках круглого стола «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации»

Великая российская революция 1917 года навсегда останется одним из важнейших событий XX века. При всём расхождении взглядов на события почти столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на земле нового справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на развитие народов всей планеты. Революционная трансформация России положила начало новому глобальному проекту цивилизационного масштаба.

Прошедшие 100 лет показали, что существует живая преемственность в развитии страны от Российской империи к Советскому Союзу и далее — к Российской Федерации. Причём советская эпоха, наступившая вслед за революцией 1917 года, ознаменована гигантскими достижениями. Сегодняшние поколения должны видеть в них силу человеческого духа, героизм предков. Именно так возможно добиться преемственности в истории и строить современное общество.

При этом объективное изучение периода революции позволяет нам сегодня осознать всю трагичность раскола общества на противоборствующие стороны. Но нельзя постоянно делить предков на однозначно правых и виноватых — ведь 100 лет назад и «красные», и «белые» руководствовались патриотическим стремлением добиться процветания Родины, просто каждая из сторон по-своему понимала это. Да, тогда такая разница в понимании привела к жесточайшему братоубийственному конфликту — но, так или иначе, наши предки этот конфликт исчерпали и в дальнейшем, повторяю, преодолели раскол общества, не допустили раскола истории.

Дань уважения предкам является лучшим стимулом для нового витка духовного развития.

Все согласятся, что мы должны помнить уроки прошлого. И, основываясь на этом знании, предотвращать внутренние конфликты, способные превращаться в острейшие межнациональные столкновения, разрывающие и губящие страну.

Уроки 1917 года учат нас, что столкновения классовые, сословные, национальные, этнические грозят огромными жертвами.

Изучение Революции 1917 года и Гражданской войны даёт и ясное понимание ошибочности ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутривнутриполитической борьбе. В случае с Россией внешнее вмешательство лишь усугубило и ужесточило национальный раскол, увеличило продолжительность и число жертв противостояния.

Войну с памятью развязывать ни в коем случае нельзя. Беспамятство — это вообще страшный диагноз. Сейчас на Украине сносят памятники не только Ленину, но и маршалу Жукову, разведчику Кузнецову. И это, как и в других странах, стимулирует деструктивные настроения, ведёт к распаду гражданского общества. Памятник — это память, свидетельство реалий той или иной пережитой нами эпохи. Разрушить памятник значит отказаться от какого-то периода своей истории, а это недопустимо — все эпохи в совокупности встроены в нашу идентичность.

Научное сообщество сейчас имеет уникальную возможность: выработать единую общегражданскую позицию по основным этапам развития России. Разница во мнениях — повод для диалога, осмысления и единства, а не для конфликта.

* * *

Подводя итог, назову пять коротких тезисов, которые предлагаю использовать для общественного обсуждения при выработке единой платформы национального примирения:

- **признание преемственности исторического развития от Российской империи через СССР к современной России;**
- **осознание трагизма общественного раскола, вызванного событиями 1917 года и Гражданской войны;**
- **уважение к памяти героев обеих сторон Гражданской войны, искренне отстаивавших свои идеалы и не виновных в массовых репрессиях и военных преступлениях;**
- **осуждение идеологии террора как политического инструмента — «революционного» или «контрреволюционного»;**

- **понимание ошибочности ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутривнутриполитической борьбе.**

И последнее. После того, как Крым вернулся в родную гавань, оттуда поступила инициатива установить Памятник Примирения. Эта идея, что называется, витает в воздухе. Зримый и мощный символ, установленный там, где закончилась Гражданская война, станет лучшим доказательством того, что она действительно закончена. Памятник национального примирения должен появиться в результате Всероссийского конкурса. Министерство культуры и Российское военно-историческое общество имеют значительный опыт в проведении таких конкурсов — достаточно вспомнить монумент Героям Первой мировой на Поклонной горе и памятник князю Владимиру в Москве. Время до 2017 года у нас есть.

«Мы должны перестать сваливать на Сталина все свои проблемы»^[7]

Председатель РВИО Владимир Мединский о том, что место вождя — в истории и исторической памяти

3 июля Российское военно-историческое общество (РВИО) открывает в деревне Хорошево Ржевского района Тверской области военно-исторический музей «Калининский фронт. Август 1943 года». Он расположен в чудом сохранившемся деревянном доме, где останавливался Верховный главнокомандующий во время своей поездки на фронт 4–5 августа 1943 года. В экспозицию входит и бюст И. В. Сталина (кстати, как и во многих других музеях Великой Отечественной войны, включая главный музей на Поклонной горе).

Сегодня я хочу обойтись без дискуссий в спекулятивно-оценочных категориях, без «обвинений» и «оправданий».

Тем более не вижу смысла в диалоге с различными сектами «сталинопоклонников», которых штормит от зашкаливающей ненависти к государственному деятелю прошлого века до, наоборот, возведения его в ранг божества. Язычество — дело тонкое.

Думается, в год 70-летия Победы наше общество требует не привычных шельмований и умолчаний, а всё же другого подхода в отношении к истории своей страны.

Какого же именно?

Предлагаю подход очень простой.

Есть Сталин — историческая личность, предмет изучения и оценок академической науки. Причём наука-то изучает именно факты, а не лозунги «за» и «против», художественные домыслы и обвинительные доклады давно не существующих общественных организаций. И наука история даёт оценки, соотносясь с реалиями конкретной эпохи, а не применяет к ней сегодняшние представления о прекрасном.

Этого Сталина оставим науке — истории.

Есть Сталин — государственный деятель. Деятель, соразмерный гигантскому масштабу своей страшной и противоречивой эпохи. Его достижения, его ошибки и провалы — это наш исторический опыт. От нас

самих зависит, какие уроки из этого опыта мы извлекаем, какие «ноу-хау» сегодня годятся, а какие — неприемлемы.

Этого Сталина оставим центрам выработки политических решений.

И есть сама историческая эпоха — эпоха не только наивных заблуждений, «поворотов не туда», жестокостей и несправедливостей (чего, признаемся, хватает в любые времена), но и немыслимых свершений и Победы. В ней есть маршал Жуков и сержант Павлов, режиссёр Эйзенштейн и актриса Орлова, архитектор Щусев и скульптор Мухина, шахтёр Стаханов и полярник Папанин, лётчик Чкалов и конструктор Королёв, писатели Пастернак и Шолохов, музыканты Шостакович и Утёсов.

В ней есть великий народ и великий подвиг. И есть Сталин. Они — так сложилось — не отдельно друг от друга, не «благодаря», но и не «вопреки». Всё вместе и без изъятий — это и есть наша история.

Вот это давайте оставим всем нам.

Сегодня подо Ржевом мы открываем ещё один знак памяти. Один из десятков и даже уже сотен памятников и памятных знаков, установленных РВМО в разных регионах страны и за рубежом. Их герои — маршал Рокоссовский и генерал Скобелев, императоры Александр I и Николай II, полковой священник 1812 года и русские солдаты Первой мировой на Поклонной горе, в Пскове, в Калининграде и во Франции.

Это всё — наша история. Она сделана руками наших предков и передана нам в наследство — такая, какая есть. Мы её, слава Богу, не изменим, да нам другой и не надо. Это то, что нас не разделяет, а, наоборот, объединяет.

И это даже хорошо, что в этой истории есть и Сталин, вызывающий столь противоположные оценки. Но самое естественное, что мы можем и должны сделать сегодня, — это примириться с самими собой. А значит, и покончить наконец с затянувшимся в некоторых головах «культом личности», и перестать сваливать на Сталина все свои сегодняшние проблемы и разногласия. Ведь Сталин уже ничего за нас не сделает, ничего не построит и никого в ГУЛАГ не отправит — он умер 62 года назад.

Место Сталина — в истории и исторической памяти.

Теперь мы отвечаем за страну, которую передало нам поколение победителей.

И только мы — наследники собственного прошлого и созидатели собственного будущего.

P.S. А что касается бережного восстановления за внебюджетные деньги того самого дома, где ночевал в 1943-м Верховный и где сейчас

открывается музей «Калининский фронт», — РВИО объявляет новую программу. Мы готовы по этому примеру взять под охрану, привести в порядок и обустроить и другие дома — памятные места, где жили, боролись и умирали за Отечество другие военачальники самых разных эпох нашей великой Истории.

Об истории

Единый подход к истории задается либо государством, либо кем ни попадя^[8]

Единство отечественной истории, ее нравственный стержень — важнейшая составляющая культурной политики. Об этом говорит историк, политик и писатель Владимир МЕДИНСКИЙ в интервью Андрею Сорокину.

— В одной из своих предвыборных статей Путин легализовал такие понятия, как «общие культурные коды», «единство истории», «культурная политика». Впрочем, вы в своих работах и без Путина этими понятиями руководствовались. У этих понятий в целом какое прикладное значение?

— Собственно, государство может стоять либо на насилии, либо на добровольном объединении общества вокруг системы общепринятых и общепонятных абстрактных ценностей. Понятно, что мы говорим не в категориях «или — или», а в категориях сочетания этих принципов с теми или иными приоритетами. В мирное время это, может быть, проявляется не так ярко, но в моменты кризисов, войн имеет решающее значение. Сила режима определяется не количеством штыков, готовых убивать за деньги, а количеством людей, готовых умереть за этот режим бесплатно. А готовность умереть за абстрактную идею — что, кстати, является главным отличием человека от животного — определяется только идеологией. Как формируется идеология? Она стоит на многих китах, главный из которых — культурный код, а в его рамках — исторический код.

Можно сказать, что исторический код — это часть культурного кода. Культура — это просто более широкое понятие, можно назвать это цивилизационными ценностями.

— Как, по-вашему, должна строиться история в связи с идеологией? Не заузит ли идеология исторический спектр?

— История — самая политизированная из гуманитарных наук. История — политика, опрокинутая в прошлое, как говорил академик Покровский, основоположник большевистской историографии. Она объективно политизирована.

Конечно, государство может ей просто не заниматься — тогда историей будет заниматься кто угодно под любым углом. А у школьника

будет в голове либо вакуум, либо мусор. Потому что когда тебе в одно ухо говорят, что Александр Невский — герой, а в другое — что он коллаборационист, то, учась в 6-м классе, очень трудно сделать сознательный вывод.

Так что лучше уж государство политизирует историю, чем кто попало или чужое государство. Нельзя это пускать на самотек. Понимаете, ведь русскому языку тоже можно не учить — как-нибудь, мол, на улице научатся. Или литература. Вот мы учим сейчас в школе Толстого, Пушкина, Шолохова, но не учим Баркова, Веничку Ерофеева, Лимонова... Это цензура? В какой-то степени да: признано, что вот этих писателей школьникам знать полезно, а остальных — как повезет. Это и есть программа.

Я считаю, что и с историей подход должен быть такой. Должна быть программа — пантеон героев, реперные точки, аксиомы, которые вы должны знать. Причем знать не по датам — в чем порочность принципа ЕГЭ, который сводится к заучиванию цифр, дат, фамилий, — а знать и понимать логику событий, их закономерности, нравственные основы. Ведь не страшно путаться в точной дате Ледового побоища, но важно понимать, чем оно важно для нашей истории, для нашего народа, в чем был исторический выбор Александра Невского. И в таких вещах ЕГЭ не обойдется.

— *Что такое в вашем понимании «единство отечественной истории»?*

— У нас принято «искать историческую правду» только в чем-то одном, частном: то это времена Алексея Михайловича Тишайшего, то правда — это Петр Первый, то правда — это большевики, либо правда — это белогвардейцы. Я склонен говорить, что это все — правда в какой-то степени. Где-то мы ошибались, где-то заблуждались, где-то пошли не по тому пути... Но надо перестать оценивать историю по идеологемам — надо оценивать историю по нравственному критерию, по нравственному служению.

Мы не знаем, почему Михаил Фрунзе, служа красным, проявлял большую порядочность, большой гуманизм, чем многие другие красные командиры. Ну вот решил он почему-то, что служить красным — благое дело, и в своих действиях при этом руководствовался привычными нравственными ценностями. А из таких действий история и складывается. Точно так же мы можем найти в тот же период огромное количество извергов-белогвардейцев, равно как и огромное количество белогвардейцев

с высокими нравственными принципами.

Поэтому надо все-таки людей различать не по идеологическому, временному, преходящему принципу, не по погонам, а по тому нравственному стержню, который ими двигал. И вот если мы с точки зрения нравственного стержня будем свою историю оценивать, тогда она будет для нас единой, а не рваной. Да, будут какие-то пограничные ситуации, но это будет единая Россия.

— *То есть именно нравственный стержень? А, допустим, такой стержень, как интерес государства Российского?*

— Это производная от нравственного. Возьмем историю Отечественной войны 1812 года — она уже далеко, поэтому проще уйти от преходящих идеологем. Каков был интерес правящей, скажем так, элиты государства? Побить Наполеона, не отдать власть и собственность. Интерес духовенства и подавляющего числа верующих — сохранить православие, потому что армия Наполеона шла как армия безбожников. Ну и известен лозунг Французской революции: повесить последнего короля на кишке последнего попа. Вот с чем они шли к нам. И вот в этом отношении нравственные цели — защита своего уклада, Родины, веры — совпали у народа и элиты, и получилась синергия, получилась Отечественная война.

Есть примеры, когда эти вещи идут в разные стороны. Казалось бы, есть государственный интерес проложить железнодорожную ветку от Транссиба до Порт-Артура через Маньчжурию, через китайскую территорию. И дешевле, и эффективнее, и торговать так удобнее — очевидный государственный интерес и интерес крупного капитала. Но никто не удосужился объяснить народу, зачем это нужно, чего русскому мужику там делать, под Порт-Артуром, и насколько нравственна эта война с Японией. Японец что — под Рязанью стоит и вере православной угрожает? Нет вроде. Ага, мы тут, оказывается, государственный интерес на чужой земле защищаем. А на поверку даже не государственный, а интерес концессионеров околопридворных.

Так вот и государственный интерес был логичный и правильный, и политика Николая Второго в движении на Восток была совершенно разумной и отвечала государственным интересам. Но эта политика и порожденная ей война не отвечали интересам народа, не имели нравственного стержня, и войну эту мы с треском проиграли даже не столько в военном, сколько в нравственном смысле. Военный неуспех сейчас вообще ставится под сомнение, и в любом случае он был незначителен на фоне нравственного неуспеха. Когда полураспущенная

армия перла в эшелонах обратно на Запад и солдаты, мобилизованные крестьяне, демонстративно не подчинялись офицерам и могли даже об офицерский орденок цигарку затушить на глазах у всех — вот когда Февраль начинался, вот откуда пресловутый «приказ № 1» взялся. Это было гораздо страшнее, чем усеянные трупами сопки Маньчжурии и заросли кустарника в окрестностях Мукдена. Это было предвестие апокалипсиса Российской империи.

— *Та картинка русской истории, которую вы продвигаете, перпендикулярна «устоявшемуся и общеизвестному», то есть тем самым расхожим мифам, разоблачению которых вы посвящаете свои книги. По сути, сейчас у наших сограждан мозги набекрень с точки зрения понимания собственной истории. Почему? В чем проблема: плохое образование, недоверие официальным версиям истории — тем более что в них и запутаться недолго — и, наоборот, безоглядное доверие всему альтернативному или пресловутое «преклонение перед Западом» как черта русской интеллигенции, а то и вообще русского менталитета?*

— Нет у меня ответа на ваш вопрос. Всего по чуть-чуть, и все оказывает свое воздействие. Пару месяцев назад, когда только-только вышла книжка «Стена», я задал вопрос третьекурсникам МГИМО — ну казалось бы, не самая гуманитарно необразованная аудитория: как звали трех мушкетеров, ну хотя бы «партийные» клички? Все, естественно, в курсе. Хорошо. А как звали кардинала? А следующего за ним кардинала? А герцога, который первый министр при королеве Англии? А королеву Франции? А короля? Оказалось, более или менее знают, только в номере Людовика путаются. Ладно, простительно. А теперь следующий вопрос: назовите имя и фамилию одного российского исторического деятеля — военного, церковного, государственного — той же эпохи. Сколько правильных ответов? Правильно — ноль. Даже не то что правильных — вообще ноль понимания, о каком времени хотя бы идет речь. У нас же в школах до сих пор история России и остального мира идут параллельными потоками, которые не пересекаются. Хорошо, даю подсказку: Минин... Ах, да, конечно, тогда еще и Пожарский. Хорошо — еще одну фамилию? Все. Больше ничего. Какой там Филарет, Гермоген, Шуйский, Лжедмитрий, Скопин...

Это к качеству образования. А на таком качестве образования цветут буйным цветом и воспроизводятся чудовищные фантомы. Я недавно в твиттере выложил забавы ради реальные цифры потерь участников Второй мировой войны — так там изумление. Да не может быть! А как же «семь к

одному»? А как же «трусами завалили»? А были и возмущенные: да что вы, мол, тут агитпроп разводите! Мы же знаем, что трупами завалили, у Солженицына так написано, а вот у Бориса Соколова написано, что мы вообще 40 миллионов положили, а еще один самостоятельный историк подсчитал, что якобы большинство мирных граждан погибло не в нацистской оккупации, не в концлагерях и Хатынях, а на нашей территории, потому что советские власти их сами голодом заморили.

Я даже не хочу в этой ахинее разбираться, не хочу уточнять, откуда что взялось, — я хочу эту ахинею сжечь. Даже не потому, что это антинаучно, а потому, что эта ложь обрушивает фундамент, на котором стоит наше государство: обрушивает нашу уверенность в том, что предки жили и погибали не зря. Есть вещи, которые нельзя ставить под сомнение — просто в целях самосохранения. Тем более что эти вещи — просто правда.

— Хорошо. Имеем факт: мозги набекрень, а нам нужно их еще раз набекрень поставить — в другую сторону. Как вы себе это практически представляете?

— Технически — государственная политика в области культуры и истории. Я считаю, что министерство культуры должно быть одним из главных в России. Потому что соотношение культуры и экономики — это соотношение такое: что первично, материя или сознание? Мы должны понимать, что они равнопервичны. И когда мы ставим культуру на 25-е место, когда мы сводим нашу культурную политику к проведению «дней Франции в Италии», чем у нас любит наша культурная элита успешно и эффективно побаловаться, это все, финиш. У нас же сейчас Год российской истории, вы не забыли? Вот год провозглашен, и ничего не происходит.

У нас же историческая политика в государстве отсутствует как данность. И культурной политики нет — есть некие акции в области культуры, а политики нет. А историческая политика — слов таких не понимают. Не понимают, что история есть мощнейший фундамент национального самосознания, мощнейший источник патриотизма. Вот как у нас была историческая политика при Сталине, так потом про нее и забыли. Можно как угодно оценивать историческую политику Сталина, но она была. Человек знал в этом толк. А мы к этому относимся просто никак.

У нас в итоге вместо исторической политики одна госкомиссия по поводу 200-летия Отечественной войны — что-то там она делает. И, по моему, все уходит на ремонт Бородинской панорамы и Триумфальной арки. А что ее ремонтировать? 44 года всего простояла на новом месте после воссоздания — достаточно было просто помыть. Другая комиссия — 400-

летие преодоления Смуты, вообще не знаю, чем она занимается. Третья комиссия будет, очевидно, к 400-летию дома Романовых, и тоже не понимаю, что она будет делать, как и зачем. Еще есть 150-летие Столыпина — его кое-как отметили, да и то в первую очередь за счет энтузиазма Михалкова. Так у нас на каждую дату не наберется Михалковых с его таранными способностями. Вот Сталинградской битве — 70 лет. Кто о ней вспоминает? Ну хотя бы Бондарчук в формате 3D...

Ну и как венец всему — в связи с Годом российской истории закрыли комиссию по противодействию фальсификации истории. Не могу сказать, что она как-то сильно себя проявила, но это была чуть ли не единственная инстанция, которая хоть как-то занималась идеологией в государстве в рамках своего участка. У нее было неудачное название, и в условиях отсутствия аппарата, без копейки денег она мало что могла сделать. Но хотя бы как-то она задавала вектор в обсуждении тех или иных тем. Сейчас нет и этого. Пакт Молотова — Риббентропа: была целая хорошо организованная кампания на Западе, призванная узаконить принцип равной виновности нацистской Германии и СССР, абсолютно политическая акция, и вот здесь комиссия поработала. И фильмы были, и книги, я сам ездил с лекциями по странам СНГ, у меня книжка вышла «Война» как результат всей этой работы. Второй вектор — Нюрнбергский трибунал: не так широко, но многое было сделано, по крайней мере, в академических кругах.

Сейчас все это затухнет, и будем вместо государственной политики в области истории Триумфальную арку ремонтировать.

— А что, на ваш взгляд, можно было бы сделать?

— На месте гостиницы «Россия» в Зарядье, насколько я знаю, планируется разбить парк. Там было бы логично открыть памятник Гермогену, о котором сейчас говорят. Но почему бы на этом месте вообще не сделать уникальный исторический парк? Эта площадка ведь одним краем упирается в уникальный, чудом сохранившийся историко-архитектурный памятник — палаты Романовых.

Но такой тематический парк в самом центре можно было бы посвятить не только династии Романовых, а вообще истории России. Открыть там памятники историческим личностям разных эпох, проводить там выставки под открытым небом, показывать отрывки из фильмов, давать спектакли, проводить мероприятия исторических клубов. Чтобы это было не просто, стандартно говоря, «любимое место отдыха москвичей», куда можно прийти и ненапряжно выпить пару баночек пива, а чтобы это было такое

место отдыха москвичей, где они сами и их дети могли бы каждый раз узнать что-то новое об истории России, посмотреть ее, прикоснуться к ней. Я даже не знаю, есть где-нибудь еще такой тематический парк, но почему бы нам не перенять чей-то опыт, если есть, или не быть первыми, если нет? Такая идея очень уместна, я считаю, в Год истории, раз уж мы его провозгласили.

— *Вот, к примеру, представим себе: открытие прямо сейчас в Москве памятника Сталину и премьеры фильма про Берию — про настоящего Берию, про «прораба империи», — это какой эффект будет иметь? Восстановление справедливости, шаг к единству истории, провокация раскола в обществе?*

— Я не считаю, что любая позитивизация тех или иных исторических деятелей может вести к расколу. Даже если до этого приучили думать об этих деятелях плохое, а мы найдем хорошее и вытащим это на первый план, хуже не будет. Гораздо хуже, когда в человеке, который уже икона, начинают искать червоточинку. Вот вы порезались. Есть два подхода. Первый — мазнуть йодом, прилепить пластырь и забыть навсегда. Второй подход — взять ржавый гвоздик, начать себе порез расковыривать и приговаривать: «Как же это меня угораздило! Какой же я неаккуратный! Какой я идиот! Какая я скотина! Вот никто не порезался — один я порезался, потому что неполноценный». Вот так и доковыряешься до ампутации.

Наше общепринятое отношение к собственному прошлому, к собственным героям — ровно по второму сценарию. Да заканчивайте вы в прошлом ковыряться — оно уже прожито. В нем не ковыряться надо — им гордиться надо. И не обходить стыдливом молчанием очевидные успехи и заслуги.

Я уже упоминал историю с пактом Молотова — Риббентропа. Я тогда по телевизору отстаивал перпендикулярное общепринятому мнение — ну вы знаете, принято считать, что это очередное кровавое преступление кровавого сталинизма. На самом деле, понятно — наоборот: это очень своевременное решение, благодаря которому мы обскакали всех на полкорпуса на вираже. Сурков тогда смеялся: мол, Мединский так защищает пакт, будто сам его подписывал. Так вот как раз так оно и есть: именно мы, наша страна, его и подписывали. Это наша страна и наша история.

— *Нет ли противоречия между единством истории и*

противоречивостью, неоднозначностью тех или иных событий и их оценок? Демократично ли это — вести дискуссии в академических кругах, а для широкого пользования предоставлять какую-то отобранную версию или трактовку?

— Никакой тут нет недемократичности.

Во-первых, есть вопрос образования. На уровне образования обязательно должны предлагаться канонические версии — максимально взвешенные, максимально выверенные, максимально бесспорные. Не все выпускники общеобразовательной школы станут профессиональными историками и будут рыться в деталях. Но они должны иметь базовый набор знаний, который является самооценностью, тем самым нравственным стержнем. То же самое — русский язык, литература. Не все будут писать стихи и даже не все будут в дальнейшем читать что-то, кроме Донцовой и Марининой. Но все должны знать Пушкина и Гоголя. Это канон, который дается обязательно. Этот гуманитарный канон и закладывает обязательную систему ценностей, на которых и базируется культурный код.

И вот, во-вторых, когда из таких качественных людей путем отбора формируется научное сообщество — в нашем случае историческое, — то пускай внутри него и идут споры, ищутся новые факты. И если в результате этих споров будут убедительно установлены факты, которые противоречат канону, — да, тогда мы подправим канон.

Вот сейчас мы знаем, что за весь период сталинских репрессий с 1921 по 1953 год было вынесено около 800 тысяч смертных приговоров. Предположим, будет научно установлено, что их было больше — только научно, по документам, а не так, что «я прочитал Солженицына и пришел к выводу, что никак не меньше ста миллионов», — тогда мы в каноне к этой цифре добавим новую, доказанную, понимание масштаба трагедии у нас от этого не изменится. Но не надо на этой трагедии спекулировать и бесконечно самоистязаться.

— *Мифы и контрмифы. Так или иначе, отражение истории в произведениях искусства — это вопрос трактовок и даже домыслов. Есть же разница между мифом о 28 героях-панфиловцах и художественным вымыслом о штурме некой «цитадели» гражданскими лицами с черенками от лопат? Какой вы здесь предложите критерий — как отличить «полезный» миф от «вредительского»?*

— Я думаю, по тому же нравственному стержню, о котором мы с вами уже говорили.

Во-первых, домысел или миф не должны противоречить большой

исторической правде, логике событий. Во-вторых, они не должны противоречить базовым цивилизационным ценностям, включающим в себя и гордость за свою историю, за свою страну. С этой точки зрения какая разница — было героев-панфиловцев 28, 50 или 130? Хотя, кстати, есть данные, что тот плакатный образ, запущенный в советскую пропаганду в 1941 году, имел вполне реальные основания. Но, как бы то ни было, независимо от цифры образ 28 героев-панфиловцев более чем правдиво, объективно и исторично отражает героизм наших воинов в битве за Москву. Что касается «черенков от лопат», вы знаете по этому поводу позицию Михалкова: снимал не документальное кино, а «военную сказку-притчу». Здесь работают законы другого жанра.

Но меня с этой точки зрения еще больше разочаровал недавний фильм «Шпион». Там тоже объясняют, что снимали «сказку». Обидно, ведь и актеры замечательные, и отработали хорошо, и режиссерские и технические решения, на мой вкус, интересные. Но все впечатление портит ложный «историзм», когда в угоду «сказочному сюжету» искажаются реальные события, их логика, тем более такое трагическое и определяющее для нашего культурного кода событие, как Великая Отечественная война.

Хочу обратиться к деятелям искусств. Если вы делаете «сказку», то не привязывайте ее к реальным, но искаженным вами историческим личностям, замените их такими же вымышленными персонажами, хотя бы как у Абуладзе в «Покаянии» или у Захарова в «Убить дракона». Поверьте, ваши аллегории выглядят гораздо более органично, когда в них задействованы орки и гоблины, эльфы и гномики или уж совсем канонические Чеширский кот и Мартовский заяц. Во всяком случае, это более естественно, чем когда на сюжет в стиле фэнтези наложены конкретные исторические персонажи, и вписан этот сюжет в знакомый исторический контекст.

— Как вам представляется практическая реализация культурной политики? Какие эффективные политические инструменты вы видите между цензурой сусловского образца и безынициативностью государства?

— Цензура — ни в коем случае. Это омертвляет культуру. В конце концов, мы это уже пробовали, и плохо закончилось. Государство должно сформировать идеологию, элиты должны сформировать идеологию. И дальше в рамках этой идеологии оказывать системную поддержку. Для этого нужно сформулировать свои стратегические цели, а наше государство не хочет или просто боится свои стратегические цели формулировать.

Цель должна быть понятна: допустим, восстановление единого

союзного пространства хотя бы на базе экономического союза с максимальной политической интеграцией РФ, Украины, Белоруссии и Казахстана. Вот понятная цель хотя бы, допустим, на ближайшие десять лет. Дальше просто. Все, что идет в рамках этого, — единая история, общие учебники, строительство домов дружбы, — все во благо. И так каждый день, тысячу раз по тысяче разных важнейших системообразующих вопросов.

Иначе тогда... зачем? Зачем жить? От чемпионата до чемпионата Европы по футболу? Это не масштаб России. Чтобы всенародно мечтать о втором месте на ЧЕ после четвертого, такая огромная, сложная, многомерная страна не нужна. Тогда лучше разделить и существовать в своих бельгиях. Иначе будет несоответствие формы и содержания. Страна такой формы, как Россия, должна иметь соответствующее содержание.

«За Смоленском в 1611 году не стоял никто. Государства как такового уже не существовало!»^[9]

— «Стена» — мой первый опыт художественной книги. Так получилось, что этот роман посвящен Смоленску. Конечно же, в целом он посвящен не только вашему древнему городу, но и всей России. Но так сложилось, что действие книги сконцентрировано вокруг крепостной стены, фотография которой, датированная началом XX века, вынесена на обложку. За стеной просматривается ансамбль Московского Кремля. Сознательный фотомонтаж! Трижды в своей истории Смоленск выполнял функцию стены, на которую накатывались и разбивались притязания врагов России. Щит, прикрывавший сердце России.

В январе Дмитрий Медведев подписал указ о проведении в нашей стране Года российской истории. В этом году мы отмечаем 400 лет со дня окончания Смуты, 200 лет победы над Наполеоном, 70 лет битвы под Сталинградом... И каждый раз Смоленск оказывался на пути армий, в состав которых входили народы большей части континентальной Европы. Кого только не было в войсках Сигизмунда! В 1609 году под Смоленском стояли поляки, венгры, немцы — самая ударная сила польской армии, запорожские казаки, даже французы...

В романе стена сначала фигурирует как фортификационный объект, не более чем кирпичная кладка. Именно поэтому сначала она выведена в повествовании с маленькой буквы, а в конце книги Стена уже пишется с большой буквы. Стена — главное действующее лицо. Стена в сердце и в умах каждого защитника города и страны. Стена — это люди.

Как публицисту мне непонятно, почему в массовых школьных учебниках не упомянут эпизод героической обороны Смоленска 1609–1611 годов. Смоленск в 1812 году — упомянут, Смоленск в 1941 году — всего в двух словах. Это — результат нашего общего безразличия, пренебрежения к собственным корням. Если взять Смоленскую оборону в Смутное время, — на мой взгляд, по страстям и героизму это событие, простите за вульгаризм, гораздо круче, чем Сталинград, блокада Ленинграда и Брестская крепость в одном флаконе! Речь не идет о масштабах боев и жертвах, проявлениях подвига русского духа. Я говорю о другом. За каждым из городов-героев стояла Москва, их защитники верили в поддержку мощного государства и были убеждены — про них не забудут. А

за Смоленском в 1611 году не стоял никто. Государства как такового уже не существовало.

— *Как писалась книга?*

— Тяжело. Три года. История создания «Стены» простая. Мои коллеги рассказали о Смоленской обороне 1609–1611 годов, про которую я точно так же, как и многие другие люди в нашей стране, ничего не знал. История меня потрясла. Кстати, у Карамзина события в Смоленске описаны достаточно публицистично, и мне подумалось, что их нужно преподнести ярче. И в итоге получился не очередной «Миф о России», а целый роман. Но сначала я написал сценарий — мне показалось, что работать в сценарном жанре проще. Я показал его Никите Сергеевичу Михалкову. Он прочитал и сказал: «Знаешь, тема потрясающая, но сценарии так не пишут. Нужно переработать»...

Пока рано говорить об успехе моего литературного опыта, но в Москве книга продается, превосходя самые смелые ожидания.

— *На развороте «Стены» идет перечисление событий XVII века. И вдруг — неожиданность: «Родился д’Артаньян». Этот факт явно выпадает из общего контекста исторических событий, описываемых в романе...*

— В детстве мы изучали историю Франции по д’Артаньяну. В результате историю Франции — я имею в виду массовое сознание — знаем лучше, чем историю России. Однажды я спросил у студентов МГИМО, как звали трех мушкетеров, их «партийные» клички. Отвечают, не задумываясь. Вспомнили даже имя короля, хоть и возникли сложности с нумерацией. «А теперь, — говорю, — вопрос на засыпку: назовите хотя бы одного государственного, военного или религиозного деятеля России той эпохи». Молчание. «Даю подсказку — Минин и...». Удивляются: «А что, они жили в то время?». Какие там патриарх Гермоген, митрополит Филарет, воевода Шеин?! И это лучшие студенты!

О романе Дюма с исторической точки зрения даже говорить смешно. Но он сделал великое дело, создав романтический миф о прекрасной Франции. Посмотрите кино про мушкетеров — там неправда все, начиная от формы мушкетеров, «видов» Парижа и заканчивая фехтованием. Один из моих консультантов, специалист по средневековому фехтованию, много интересного рассказывал о специфике боя того времени: «Возьмите шпагу мушкетера и попробуйте ею драться. Это в принципе невозможно и бессмысленно!»

Конечно же, «Три мушкетера» — не научный труд. Но я пытался быть объективным с исторической точки зрения и старался максимально избежать вопиющих ошибок. Например, помощника воеводы зовут Лаврентий, и он носит круглые очки. Не случайно, конечно! Я даже стал специально выяснять, были ли очки в то время, или нет. Были! Правдоподобная деталь.

Мне очень нравится, как блестяще Акунин пишет исторические романы. Искренне ему завидую, читаю «Беллону», слезами обливаюсь, хотя и стараюсь быть в описании предельно точным. Мою книгу редактировали два серьезных рецензента — дьякон Андрей Кураев и протоиерей Владимир Силовьев. Они нашли миллион ошибок, очень долго правили текст, а затем совершенно неожиданно заявили следующее: «Вот теперь у тебя книга лучше, чем у Акунина». Для меня Акунин — идеал! «А ты „Пелагию“ читал? Это же ужас какой-то! Человек, который имеет хотя бы малейшее представление о церковной жизни, ничего подобного не напишет! Ошибка на ошибке, ляп на ляпе». Я ответил, что «у Акунина не было таких рецензентов, как вы».

— *Есть ли прототип у смоленского «д'Артаньяна»?*

— Мой герой не дворянин, а стрелец. Но суть дела не меняется, это реальный исторический персонаж. В «Стене» фамилии многих действующих лиц взяты из летописи, ряд эпизодов соответствуют подлинным историческим событиям. Штурмы, подземная война... Мне не нужно было ничего выдумывать про подвески королевы. У нас свои подвески! В чем специфика российской истории? У них интрига, где и какие бриллианты и с чьей, простите, ляжки. А у нас цена каждой интриги — тысяча квадратных километров.

Не стоит забывать и о том, что «Стена» написана в жанре исторического детектива, который в чем-то напоминает роман Умберто Эко «Имя Розы». Я пишу об убийствах, коварстве, предательстве, и читатель ни за что не догадается, кто предатель. Виктор Ерофеев любезно согласился прочесть книгу и написать к ней предисловие. Он признался (чем мне очень сильно польстил), что дочитал роман до конца, но так и не угадал развязки. Я понял, что оказался прав. В нашей беллетристике предатель — Плохиш, он таким родился — с бочкой варенья и коробкой печенья. Мои отрицательные герои, даже если и совершают предательство, все равно были и остаются разумными, инакомыслящими людьми. Они искренне думают, что поступают правильно, а Шеин — самолюбивый, тщеславный упрямец, который губит людей, и давно пора открыть ворота, потому что с

Польшей жить гораздо выгодней, чем с Москвой. Польша — цивилизованная европейская страна, какая разница, как креститься? Гораздо интересней вопрос, с кем торговать и когда войти... в ВТО.

— *Три мушкетера в романе Дюма разговаривают, как было принято общаться во времена писателя. А у вас?*

— Я не пытаюсь симитировать язык эпохи Смуты по двум причинам. Во-первых, тогда мне нужно закончить филфак; во-вторых, меня будут читать в XXI веке. Переключка с современностью — часть замысла книги, поэтому я совершенно сознательно вставляю фразы из нашего времени. Но были и достаточно забавные моменты. Рецензент придрался, что у меня один из героев пообещал поляков в «сральне замочить». Понятное дело, русский человек в начале XVII века вряд ли использовал в разговорной речи французское слово «сортир».

— *Как Вы относитесь к роли митрополита Филарета в истории, который вел предательскую политику. Ведь именно он виноват в том, что о героической обороне Смоленска забыли!*

— Он хитрый был. Ловил момент, и не очень-то сильно гордился своей ролью в посольстве. С одной стороны, Филарет уговаривал Шеина сдаться. Но он же не принуждал его сделать это на тех условиях, которые смоляне считали бесчестными? В процессе торга Филарет де-факто занимал сторону Шеина, был его «крышей». Казнить такую фигуру фактически без суда и следствия — ежовщина чистой воды! Обидно другое: Ришелье знает весь мир, а Филарета — только российские историки. Ришелье правил за спиной Людовика, а Филарет — за спиной государя. Но если мы посмотрим на результат, то увидим: правление Филарета было более эффективным для России в плане территориальных приобретений и упрочения страны, чем правление Ришелье. Но мы ничего об этом не знаем, потому что у нас нет своего Дюма, нет Голливуда и правильного отношения к истории. У меня в детстве был любимый приключенческий роман «Наследник из Калькутты». Я его зачитал до дыр. Так интересно, захватывающе написано, но — не про нас. И я задумался, а почему ничего такого про Россию нет? Худо-бедно сделал что-то подобное.

Мифы войны и мира

Одним из бестселлеров последних лет по праву стала трилогия Владимира Мединского «Мифы о России». Талантливый публицист пишет обо всех наиболее распространенных мифах о России и русской истории, легко и изящно развенчивая самые устойчивые стереотипы. Недавно вышла новая книга Мединского «Война» — о мифах, которыми окружена Великая Отечественная. По наиболее острым темам книги автор ведет блог на молодежном сайте «МЫ».

Мы пришли к Владимиру Мединскому с острыми вопросами о войне, об исторической памяти и современной России^[10].

— Владимир Ростиславович, как вы, историк, оцениваете роль Русской православной церкви в войне?

— Это бесконечная тема. Роль Церкви вообще трудно переоценить, а во время войны особенно.

Противостояние врагу ведь зиждилось на многом. Я не думаю, что люди умирали «за Сталина»: когда у тебя брата убили — то тебе уже все равно. Гитлер не понимал, что в нашей православной российской цивилизации геноцид вызовет не рабское послушание, а остервенение.

Может быть, в случае с разумным протестантом террор подавляет сопротивление, а у нас это вызвало народную войну.

Вы знаете, сколько было воздушных таранов (таких как у Талалихина) в армии США? Ни одного — это же нерационально. А у нас это явление носило массовый характер. Не потому что хотели получить Звезду Героя (таран — это практически гарантированная гибель), а потому что остервенение народное было.

И таранов было так много, что мы знаем случаи чудесного спасения. Вот кончился боезапас и один из наших ребят таранит немца, причём делает это хитро — пропеллером отрубает рули, сам сажает самолет, а немец падает. А другой наш летчик, когда боезапас кончился, а немецкие бомбардировщики продолжали бомбить — догнал немца, пользуясь преимуществом в скорости, насел на него и стал давить, пока тот, по законам аэродинамики не упал в озеро. Это нелогичное поведение — человека переключило, как в драке.

Православная Церковь давала мощную поддержку для такого

героизма. Сталин уловил это. Есть известная история о Василевском: у него отец был священник, и он это скрывал по понятным причинам. А Сталин как-то спросил его:

— Поддерживаете контакты с отцом?

— Да, жив-здоров, живет в деревне.

— Священник?

— Да.

— Как вы считаете, образование церковное — есть от него польза?

Что тут ответить? И Василевский сказал:

— От любого образования есть польза!

А Сталин ему на это сказал:

— Попы — самое главное — учат, как понимать людей.

А потом, когда Василевский приехал к родителям, узнал, что в течение нескольких лет они получали деньги из Москвы.

— *Как вы относитесь к изданию «История России XX век» под редакцией А. Б. Зубова?*

— Книга Зубова — это не учебник, и к ней отношусь нормально. Более того, сам с интересом ее прочел. Там есть моменты, о которых я не знал и которые любопытны.

— *Например?*

— Довольно много интересного пишется о Церкви во время войны, о Зарубежной церкви, об эмиграции. Это любопытно. В то же время, когда о борьбе белоэмигрантского движения с фашизмом пишется чуть ли не в пять раз больше, чем про Сталинградскую битву — это коробит. Тогда книга должна называться не «История России», а «История белоэмигрантского движения в период войны».

Когда подвиг Александра Матросова расписывается детально, но основной акцент делается не на том, что это было проявление массового героизма, а на том, что это был башкир-детдомовец и сын алкоголика — осадочек остается.

— *Должны ли быть такие книги в продаже?*

— Любая трактовка имеет право присутствовать. Вопрос только в том, как к ней относится официальная наука, и как — государство. Если бы подобного рода книги получали гриф учебного пособия для школы, это попадало бы под классический термин 30-х годов «вредительство». Как точка зрения ученого «История России. XX век» имеет право на

существование, но там есть ряд, лично на мой взгляд, грубых идеологических ошибок. Таких как, например, термин «советско-нацистская война».

— *Вы сами не хотели написать учебник по истории?*

— Учебник? Нет, у меня нет достаточного количества знаний по всем направлениям. Но войти в авторский коллектив, который будет наблюдать за учебником с точки зрения государственной идеологии — почему бы и нет. В написании учебника вопрос не в том, какие факты будут указаны, а как они будут интерпретироваться. Как с призванием Рюрика — никто не знает правды. Вроде Рюрик прервал династию Кия, но была ли вообще эта династия? А копыя вокруг его мифического призвания ломаются триста лет.

— *Вы за цензуру?*

— Цензура нужна. Но только не «до», а «после». И не политическая, а нравственно-духовная. Требуется нечто вроде цензурно-общественного совета, в который включены представители от Президента, от Госдумы, от сообщества моральных авторитетов...

— *По аналогии с Высшим аудиовизуальным Советом во Франции?*

— Такой совет мог бы отсматривать какие-то вещи и говорить: «Мы считаем появление „Дома-2“ противоречащим принципам жизни в нашей стране». И это предписание отправлялось бы на телеканал. Если канал его игнорирует, то, по требованию Совета, предписание отправляется в соответствующее министерство, которое решает — может ли канал, который такими вещами занимается, иметь лицензию на вещание. Три-четыре показательных порки — и у нас бы такая самоцензура включилась у продюсеров, что они сами начали думать — пускать ли эти сиськи-попки и все остальное на экраны.

Листал недавно книгу для детей — шведский общественный институт проспонсировал — книжка о какашках. Для младшего школьного возраста. Вот это что такое? Но что от них ещё ждать — у них «голубых» в церкви венчают.

У нас свои нормы, свои правила, у них — свои. Один мой приятель эмигрировал в Америку — сейчас же трагедия — идет новая скрытая волна эмиграции — и с придыханием рассказывает, как там хорошо... Но признает, что самое главное там — не заболеть и не попасть в какую-то переделку с юристами. Потому что если ты кого-то зеркалом машины задел (не сбил), то человек падает, ложится на дорогу, и заявляет: «Я умираю». И

если ты не застрахован, то ты до конца жизни его будешь содержать.

Он арендует квартиру и рассказывает: «У меня договор аренды 10 страниц. Там прописано, что я не имею права к себе приводить людей ночью, что имею право только две пары обуви оставлять внизу и что я должен за каждую стирку 1,5 доллара оставлять. А у хозяев кот. Он ко мне ночью пришел, я утром ухмыляюсь, вот, мол, у меня был ночной посетитель. Тут вижу — у хозяина потёк пот, а хозяйка начала отпаивать меня чаем и спрашивать, нет ли у меня аллергии на кошек». Эту историю он рассказал знакомому юристу, который ответил: «Какая досада, что у тебя нет аллергии. Если в контракте нет кота, а мы бы у тебя зафиксировали аллергию, то считай, что эта комната уже твоя».

Вы называете это здоровым обществом? Я называю это кончеными «правовыми» извращениями. Человеческие отношения извращены, не говоря уже о том, что у них в заявлениях на паспорт теперь пишут родитель номер один и родитель номер два. Это не политкорректность, это гибель человечества.

— *Как сегодня сохранять и передавать память о войне молодежи?*

— Нужно просто издавать хорошие книги, снимать фильмы, показывать эти фильмы по телевидению. Возьмем фильм «Спасти рядового Райана» и наш «Брестская крепость». В «Рядовом Райане» — там есть true story на 15 минут экранного времени, а все остальное — масштабная фантазия, спецэффекты. Действительно снято эпохально, и создается ощущение, что вся война была там. У нас же даже в хорошем фильме — «Брестской крепости», после которой люди в кинозале плачут, постеснялись сказать всю правду про героизм ее защитников.

В наши дни военные фильмы — это и есть военно-патриотическое воспитание. Раньше ветераны приходили на встречи в школы — сейчас это уже невозможно.

Надо развивать военно-патриотические клубы, скаутское движение, делать это модным. Чем не занятие для отставных офицеров, которых в армии сокращают? Суворовские училища, от которых Минобороны сейчас открещивается, — наоборот надо клонировать. И они должны иметь максимальную государственную поддержку.

Суворовское училище это:

- порядок
- дисциплина
- здоровый образ жизни
- никаких наркотиков

— образование лучше школьного

Туда по блату детей устраивают олигархи. При том, что вся система финансирования училищ сейчас в корне неправильная...

150 депутатов из ЕР написали письмо президенту. К сожалению, глас наш услышан не был. Но еще не поздно это сокращение остановить.

Беседовала Анна Данилова

Куда исчезли 100 тысяч пленных красноармейцев?^[11]

Председатель Российского военно-исторического общества, доктор исторических наук Владимир Мединский — об одной из громких историй XX века

Есть страшные фото концлагерей без обтянутых кожей скелетов-узников, без гостеприимных лозунгов «Труд освобождает» и без застенчиво торчащих из-за нетопленных человеко-конюшен труб крематориев. Их, эти фото, легко найти в интернете. Приятный лесок над какими-то рытвинами. Цементный заводик. Мусорная свалка на городской окраине. А под ними — слоями — тысячи и тысячи русских людей. Например, запросите в поисковике «Ту холь». Это в сердце Польши. И это — не относится ко страшным временам Второй мировой. Это сделали польские власти с нашими соотечественниками в начале 20-50-х годов прошлого века.

После проваленной Троицким и Тухачевским польской кампании десятки и десятки тысяч красноармейцев попали в плен и оказались в концлагерях. В неразберихе Гражданской войны рядом с ними оказались и белые, отступившие ранее под ударами Красной армии и интернированные в Польше в концентрационные лагеря.

Именно так их называли современники. И Деникин: «Концлагеря с колючей проволокой, скорбные дни и национальное унижение»; и Савинков: «Бедственное положение находящихся в концентрационных лагерях»; и шеф польской делегации на переговорах по обмену пленными полковник Хемпель «...транспортировано вглубь страны в концентрационные лагеря».

Концлагерь в те годы — просто термин, у него еще не было зловещего нацистского смысла. Хотя... Концентрационные лагеря появились во время англо-бурской войны, а вот выражение «лагерь смерти», по-моему, прозвучало впервые именно в Польше в 20-х. «Особенно прославился лагерь в Тухоле, который интернированные называют „лагерем смерти“ (в этом лагере умерло около 22 000 пленных красноармейцев)», — писал полковник польского Генштаба Матушевский (доклад от 1 февраля 1922 г. в кабинет военного министра). Наркоминдел РСФСР Чичерин в ноте от 9 сентября 1921 г. заявлял «о страшной, громадной вине в связи с ужасным

обращением с пленными»: «В течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч».

В работах современных российских исследователей фигурируют разные данные о числе плененных тогда красноармейцев: 157 000 (Мельтюхов), 165 550 (Михутина), 206 877 (Матвеев), 216 000 (генерал Кирилин). Плюс — тысячи белогвардейцев и тысячи бойцов националистических украинских армий.

Число же вернувшихся из плена сомнений и споров не вызывает. Российские историки назвали 67 000, поляки не стали возражать. Остальные (посчитайте разницу сами) остались в польской земле.

При этом поляки — прямо как в занимательной арифметике — считают, что в плену погибло... 16–18 тысяч. Странная арифметика у поляков, при которой «теряется» около СТА ТЫСЯЧ человек!

Почему так получается?

Дело в том, что в польском плену красноармейцы гибли тысячами еще ДО заключения в концлагеря. Раненых бросали на поле боя, без помощи, везли как скот без еды и воды в места заключения. Расстреливали на месте «партиями» при малейшем неподчинении.

«На фронте практикуется отбирание у пленных частей обмундирования... пленных отправляют в лагеря в лохмотьях, часто без обуви и шинелей» — из доклада польского Генштаба с характерным названием «Раздевание пленных фронтовыми частями». В рапорте командования 14-й Великопольской пехотной дивизии от 12 октября 1920 г. сообщалось, что за время боев от Брест-Литовска до Барановичей взято в общей сложности 5000 пленных и оставлено на поле боя около 40 % названного числа раненых и убитых большевиков. После Варшавского сражения в польском военном журнале «Беллона» о поражении Красной армии сообщалось: «Потери пленными до 75 тыс., потери погибшими на поле боя, убитыми нашими крестьянами и ранеными — очень большие». («Пусть твои карающие кулаки, вооруженное вилами, косами и цепями, обрушатся на плечи большевиков» — обращался Пилсудский к польскому народу).

В самих концлагерях, правда, — газом не морили. Пленные просто «мерли» сами — брошенные зимой без одежды, без еды и медикаментов.

«Положение противоречит всем понятиям о гигиене и человечности», — отмечал генерал-майор медицинской службы Бернатович по итогам инспекции лагеря для пленных Полесского фронта. «Этого хватило бы, быть может, для пятилетнего ребенка... Систематическое убийство людей!» — писал о рационе военнопленных

полковник медицинской службы Радзиньский, посетивший лагерь в Пикулице в ноябре 1919 г. «Лагерь пленных при сборной станции для пленных — это был настоящий застеноч... Человек невымытый, раздетый, плохо кормленный и размещенный в неподходящих условиях в результате инфекции был обречен только на смерть», — заместитель начальника санитарной службы фронта майор Хакбейл о сборной станции военнопленных в Молодечно. «Лагерь в Брест-Литовске представлял собой настоящий некрополь», — делала вывод Комиссия Международного комитета Красного Креста.

В 2004 г. появился 912-страничный российско-польский сборник документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.». Несмотря на то, что сборник составлялся при доминирующем влиянии польской стороны, — вывод можно сделать один: такие действия польских властей спустя годы в Нюрнберге квалифицировали кратко — «преступления против человечности».

Польский исследователь Велевейский писал о приказах генерала Сикорского (будущего премьера Польши) расстрелять из пулеметов 300 российских военнопленных, а также распоряжениях генерала Пясецкого вообще не брать живыми в плен российских солдат. Солдаты 49-го пехотного полка 5-й польской армии расстреляли из пулеметов 200 пленных казаков в качестве «возмездия». Польский историк Хандельсман, бывший в 1920 г. добровольцем, также вспоминал, что «наши комиссаров вообще не брали живьем». Это подтверждает и участник варшавской битвы Кавчак, который описывает, как командир 18-го пехотного полка просто вешал всех (!) взятых в плен комиссаров.

Аналогии с событиями, происходившими на 20 лет позже, неизбежны. «Их следует немедленно, то есть еще на поле боя, отделять от других военнопленных. После того как они отделены, их необходимо уничтожать», — это из «приказа о комиссарах» немецкого фельдмаршала Кейтеля. Кейтель, к слову, впоследствии был казнен по приговору Нюрнбергского трибунала как один из главных военных преступников Рейха.

Мрак и туман по-прежнему окутывает тайну массовой гибели красноармейцев в польском плену. Стшалково, Шиптюрно, Ланьцут, Тухоль, а еще Пикулице, Коростень, Житомир, Александров, Луков, Остров-Ломжинский, Ромбертов, Здунская Воля, Торунь, Дорогуск, Плоцк, Радом, Пшемьсл, Львов, Фридриховка, Звягель, Домбе, Демблин, Петроков, Вадовицы, Белосток, Барановичи, Молодечно, Вильно, Пинск, Ружаны, Бобруйск, Гродно, Лунинец, Волковыск, Пулавы, Повонзки,

Ровно, Стрый, Ковель и др. Скорбный список мест/лагерей, где страдали и гибли наши плененные солдаты. Наши!

Российское военно-историческое общество решило установить им памятник. Так, как мы делали этим летом и в других городах и странах. Поблизости, в городе Гагарине-Гжатске, Смоленской губернии, поставили часовенку — памятник 2000 (!) пленным русским солдатам и офицерам, вопреки всем правилам «благородной войны 1812 года» расстрелянными при отступлении солдатами Наполеона (видимо, чтобы не кормить). Кстати, по мнению некоторых исследователей, это бессмысленное преступление, приведшее в бешенство самого императора французов, — тоже совершили тогда поляки. В нескольких городах Франции, в Шампани, поставили увенчанные золотыми орламиobelisks в память русских солдат, погибших в Заграничном походе нашей армии 1813–1814 гг. В городке Вязьма (помните «Вяземский котел» 41-го?) воздвигли монумент в прискорбную память десятков тысяч советских воинов, сгинувших в гитлеровском лагере Дулаг-184. Этот лагерь, цинично названный «пересыльным», был превращен в настоящий конвейер смерти, пересылавший тела и души — исключительно и только — на тот свет. В Италии (Южный Тироль) нами установлены 10 000 имен русских военнопленных, умерших в лагерях периода Первой мировой. Наконец, сейчас ведутся мемориальные работы во Львове (Западная Украина). Везде гибель наших воинов, тем более пленных, особенно на чужой земле и при самых разных обстоятельствах — тема деликатная. Но везде мы встречаем понимание и уважение к нашим инициативам.

А в Польше почему-то поднялась странная шумиха. Министр иностранных дел, глава воеводства, мэр Кракова, какие-то партии и союзы — все начали верещать о подлой «провокации» РВИО. И о чем, по сути, речь? О скромном памятнике с крестом на... кладбище! И только...

Дело, думается, в другом.

После 1945-го тема погибших в концлагерях красноармейцев нами стыдливо не поднималась. За освобождение польской земли от гитлеровцев, «прославившихся» там Освенцимом и Майданеком, отдали свои жизни 600 тысяч советских солдат. Стоило вспомнить про Тухоль, про другие польские лагеря смерти для русских — и неизбежно встал бы вопрос, а ради кого они умирали? Как же так, польские товарищи по социалистическому лагерю?

И мы благородно молчали. В плане «ответной любезности» польские товарищи не вспоминали про Катынь.

Рассуждали просто: жестокостей было в те времена много, пусть

мертвые хоронят своих мертвецов.

А кто помянет старое — тому известно что.

Но вот после крушения соцлагеря — что тут началось... Какая истерика вокруг вины России во всех польских бедах — от разделов времен Фридриха II и Екатерины Великой до Катыни и несчастного самолета. Мы, в общем, по катынскому делу не отнекивались. По Катыни много было и есть споров о точном числе погибших польских офицеров. Но в любом случае — даже один-единственный военнопленный, расстрелянный без суда и следствия, — это военное преступление. Мы это признаем. И факт налицо: в Катыни стоит величественный мемориал польским воинам. Каждый год — туда паломничество поляков.

А в местах массовой гибели наших красноармейцев в той же Тухоли или Кракове? Или Катынь «как бы была», а Тухоли и т. п. «как бы и не было»?

И было бы все совсем мрачно, если бы не один факт.

Не один маленький штрих.

Несмотря на бессмысленную истерику официальных польских властей, простые поляки обращаются к нам — просят дать валютный счет.

Они хотят перечислить личные средства на памятник советским военнопленным в Кракове.

Ибо у простых честных людей — есть совесть.

О культуре

Культура. Итоги года^[12]

Уважаемый Сергей Евгеньевич, уважаемые коллеги!

Чтобы уложиться в регламент, я постараюсь обойтись без пафоса и рассуждений; озвучу лишь факты и цифры, то, чего удалось добиться с момента прошлого отчета в стенах Думы в начале 2013 года.

Итак, по приоритетам. Первое — увеличение зарплаты работников культуры. За последние два года в среднем по отрасли зарплата выросла на 53 процента. В федеральных учреждениях в 2012 году она составляла 26 тысяч рублей, по итогам девяти месяцев этого года — 46 тысяч. В субъектах была 17, сегодня — 27. В муниципальных учреждениях, где, конечно, ситуация самая непростая, рост с 10 до 17 тысяч рублей. Таковы данные Росстата.

Темпы роста зарплаты в сфере культуры сейчас выше, чем в других социальных отраслях. Все это — наглядные результаты усилий Президента, Правительства, при вашей, уважаемые депутаты, непосредственной поддержке.

Театральное дело. За последние два года по всей стране мы открыли более 60 новых и реконструированных сцен. Это как всем известные объекты — вторая сцена Мариинского театра, новая сцена Александринского БДТ, так и региональные театры — Псковский драмтеатр, оперы и балета в Нижнем, в Йошкар-Оле, Марийский кукольный, Тильзит-театр в Калининградской области, Тамбовский молодежный и другие.

Также в регионах открыты 22 концертных зала и филармонии, в том числе в Саратове, Белгороде, Красноярске, Новосибирске.

В конце декабря я всех приглашаю в роскошный, один из лучших концертных залов, который мы открываем в Москве, в Олимпийской деревне. Это Филармония-2. Сейчас думаем, как его назвать.

Кстати, недавно мы запустили Всероссийский виртуальный зал, который объединил 59 точек доступа в 25 регионах. Что это такое? Мы соединили Интернетом региональные филармонии, и если идет концерт Мацуева или Башмета в Москве, то в режиме онлайн на экранах с профессиональным звуком зрители видят это совершенно бесплатно в филармонических залах по всей территории страны. Первые такие концерты уже прошли. Я подчеркну, билет покупается только там, где выступает исполнитель, все остальное бесплатно.

Это, кстати, только первые такие примеры. В следующем году мы планируем расширить и, в идеале, связать такими концертными залами даже малые города России.

В этом году воссоздан — это была советская политика в свое время — федеральный гастрольный центр. И впервые за четверть века с полноценными гастрольями по стране выехали ведущие театры, в том числе МХТ Чехова, Малый театр, Александринский.

Всего же при поддержке Минкультуры за минувший год гастроли московских и ведущих питерских театров посмотрели 350 тысяч зрителей в 40 регионах России.

В целом посещаемость театров выросла за последние два года на 18 процентов — это почти 7 миллионов билетов.

Символично, что в Год культуры мы начали возвращать наш многолетний культурный долг регионам.

Немного о музейно-выставочной работе. За последние два года в регионах открыты 36 новых и 65 реконструированных музеев, среди которых и совершенно новые, такие как Федеральный музей Первой мировой войны в Царском Селе, первый павильон Музея Мирового океана в Калининграде, целый комплекс музеев Эрмитажа в Санкт-Петербурге; сдвинулись с мертвой точки многолетние, стоявшие стройки Третьяковской галереи и Пушкинского музея в Москве, а также заложен камень в основание Государственного центра современного искусства в столице.

Одна из важнейших задач на будущее — открывать филиалы наших больших звездных музеев в регионах. В этом году открыт первый такой филиал Петергофа в Тамбове, а также филиал Государственного литературного музея в Кисловодске. Мы планируем в Екатеринбурге, Омске, Владивостоке сделать филиалы Эрмитажа, соответствующие документы подписаны. Также готовится к открытию в Карелии филиал Русского музея и культурно-выставочные центры Русского музея в Казани, Омске, Самаре, Ярославле. Начато строительство крупнейших инновационных культурных центров в Калуге, на острове Русский и в Первоуральске.

Особо отмечу, что майским Указом Президента с учетом масштабов нашей страны и желанием приблизить музейные коллекции ко всем гражданам, даже тем, кто не может посетить оперативно столицу, поручено к 2018 году создать 27 виртуальных федеральных музеев. Так вот, на сегодня на интернет-портале министерства «Культура. рф» житель даже самого отдаленного уголка России может посетить уже 64 музея. Мы их постоянно улучшаем, в ближайшее время появится еще 20. Таким образом,

Указ Президента в рамках тех же денег будет перевыполнен втрое.

На завершающей стадии — создание двух образцовых виртуальных музеев: это музей русской архитектуры, где будут воссозданы в формате 3D Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле и многие другие архитектурные шедевры России и Советского Союза, а также возрожденный в виртуализированном формате тот самый музей импрессионистов, музей нового западного искусства, который был ликвидирован в 1948 году. Этот музей будет представлен на нескольких иностранных языках, включая, возможно, китайский и японский. Это будет притяжение для иностранных туристов. Коллекция сейчас, вы знаете, в основном находится в Эрмитаже, но и разбросана по другим городам. Широкой публике эти проекты будут представлены в начале следующего года.

На четверть увеличилось количество выставок. Мы реорганизовали старое предприятие «РОСИЗО», которое когда-то называлось «Росизопропаганда». Перед ним поставлена задача стать главным оператором выставочной деятельности по стране и за рубежом. Знаковыми, зачастую уникальными по масштабу стали выставки, посвященные юбилейным событиям: 100-летию Первой мировой, 700-летию Сергия Радонежского, 200-летию Лермонтова. Ну а все исторические рекорды посещаемости побил интерактивная выставка «Романовы». В этом году в Москве, Петербурге, Сибири и в Крыму ее посетило более миллиона человек. Ее продолжение «Рюриковичи» только в Москве за три недели — 250 тысяч посетителей. В следующем году повезем ее при поддержке министерства по регионам.

Образование в сфере культуры. Значимое событие — передача в этом году министерству целого ряда высших учебных заведений: Академии акварели Сергея Андрияки, двух институтов, двух лицеев Российской Академии художеств, Литературного института имени Горького, который, кстати, мы в следующем году начнем наконец-то реставрировать.

Мы добивались и добились права софинансирования программы модернизации детских школ искусств по всей стране. И за последние годы выделили им из нашего внутреннего бюджета более 200 миллионов рублей на закупку музыкальных инструментов, в этом году 40 субъектам Российской Федерации. За счет федерального бюджета под ключ построена новая детская хореографическая школа в Орле.

Мы увеличили грантовую поддержку ведущим творческим коллективам, общая сумма грантовой стипендиальной поддержки в этом году беспрецедентна — 5,7 миллиарда. Со следующего года в два раза

увеличивается количество стипендий творческим деятелям, впервые начали выплачиваться стипендии молодым деятелям культуры, работающим в регионах, по 20 тысяч рублей каждому, всего 30 миллионов ежегодно.

Также в этом году впервые мы учредили гранты на комплексное развитие региональных театров, региональных музыкальных организаций и коллективов, включая негосударственные, на что выделили также из нашего федерального лимита 200 миллионов.

Кстати, отмечу особо, что каждую копейку, которая у нас образуется в результате экономии по концу года, мы стараемся направить в регионы.

В конце прошлого года, когда мы по итогам торгов получили экономию 500 миллионов рублей, у нас стоял выбор, на что их потратить — на большой федеральный музей и театр разово или направить в регионы? Мы понимали, что это деньги большие. Мы решили разделить их на 100 грантов по пять миллионов рублей, и все эти деньги ушли краеведческим музеям и театральным коллективам в регионах, ибо пять миллионов рублей для Большого немного, а для краеведческого музея это зачастую его годовой бюджет, а то и больше.

С 2016 года грантовая система будет реформирована. Мы знаем, что по Указу Президента часть грантов будет также распределяться на конкурсной основе, и мы будем стараться также переориентировать это, в том числе и на регионы.

Цирки. В этом году министерство впервые за последние десятилетия выделило Росгосцирку на капремонт и реставрацию почти 800 миллионов рублей.

Еще 800 миллионов рублей выделено на комплексную реставрацию Санкт-Петербургского Большого цирка. Идут ремонты по капремонту Московского цирка на Вернадского, на это направлено 300 миллионов рублей. То есть государственная субсидия, направляемая циркам, идет на восстановление материальной базы, а не только на корма животным, на проедание, как зачастую случалось раньше.

Работает цирковой конвейер гастролей по регионам, который показал резкий рост прибыли после кадрового укрепления Росгосцирка в этом году.

Впервые за долгие годы мы открыли четыре отреставрированных цирка в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи и Севастополе. Разрабатывается система электронной продажи билетов.

Кстати сказать, в этом году наши артисты в очередной раз подчеркнули, что они лучшие в мире, завоевав высшие цирковые награды на фестивалях в Монако, Италии, Китае и на Кубе.

Реставрация и ремонт памятников культуры. Раньше подход был такой: всем желающим раздать по чуть-чуть, всем сестрам по серьгам, последствия известны — реставрационные работы идут очень долго, людей работает на объектах мало, расценки постоянно растут, сметы все время пересматриваются. Мы прекратили данную практику. Смета утверждается один раз, не индексируется, при этом принцип — выделяются деньги только на завершение объемов под ключ.

Таким образом, в результате я могу констатировать, что ни разу за последние два с половиной года министерство не повысило расценок (а раньше это делало всегда) на реставрационные работы. Это в совокупности со скидками дало нам добавку к реставрационному бюджету более чем в 25 процентов. Означает, что мы на четверть смогли увеличить просто физически объемы данных работ и количество памятников.

В целом я могу с полной уверенностью сказать, что такого количества сданных отреставрированных объектов, как за последние два года, ни разу после августа 1991 года у нас не было. Для сравнения: в 2012 году — это семь объектов, за 2013-й, 2014-й — 76 объектов.

Только на прошлой неделе открылось несколько новых отреставрированных пространств в рамках 250-летия Эрмитажа. По программе «Историческая память», которая, я хочу подчеркнуть отдельно, реализуется благодаря усилиям депутатов, отреставрировано и спасено 28 объектов культурного наследия, включая, например, и храм Сергия Радонежского, который несколько дней назад открывал Президент.

Я не буду занимать ваше время перечислением всех этих объектов. Многостраничный буклет с подробным отчетом Минкультуры о проведенных ремонтно-реставрационных работах находится в холле, можете взять его с собой, посмотреть.

Пару слов о Крыме. Мы занимаемся каждый день, каждый час, добиваемся выделения на восстановление Крыму дополнительных средств из ФЦП. Сейчас есть 7 миллиардов рублей. И есть соответствующее поручение Президента. Более 100 миллионов направили в этом году на гастрольную деятельность в Крыму, поскольку они 20 лет не видели наших коллективов.

Но и два слова о туристах. В прошлом году, по оценкам экспертов, иной статистики в Крыму не велось, на полуострове побывали 1 миллион 200 тысяч россиян. В этом году, понятно, что туристов с Украины было меньше, поэтому мы сделали упор на привлечение российских туристов в Крым. Так вот, на 1 декабря отдохнуло 3,6 миллиона туристов, до конца года — 3,8 миллиона будет гарантированно, из них 3 миллиона — это наши

соотечественники.

Малые города и села. Россия во многом страна малых городов, вы знаете, в них живет пятая часть населения, и в Год культуры впервые в федеральном бюджете было предусмотрено 2,7 миллиарда на обновление материально-технической базы учреждений культуры малых городов и сел, закупку автоклубов для отдаленных сельских территорий, сохранение исторического облика малых городов, выдачу грантов малым городам на реализацию культурных объектов по конкурсу — от 20 до 50 миллионов рублей на каждый из городов.

Я еще раз подчеркну: все целевые средства, которые получило министерство в рамках Года культуры, все до последней копейки были потрачены не на столицы и даже не на крупные города-миллионники, а именно там, где они нужнее всего, — были даны субсидии малым городам и селам.

Пару слов о едином реестре объектов культурного наследия, поскольку на прошлом правительственном часе этот вопрос поднимался из зала, и я обещал этим заняться.

В августе вступил в силу приказ Минкультуры об упрощенном порядке регистрации объектов культурного наследия. В ближайшие месяцы мы запустим автоматизированную систему единого реестра, которая позволит дистанционно формировать список объектов, что значительно упростит процедуру регистрации памятников.

В ближайшие месяцы мы планируем зарегистрировать в этом реестре 20 тысяч памятников. Для сравнения: когда я докладывал в прошлый раз, был зарегистрирован 391.

Пара слов о возрождении и развитии домов культуры, в этом заключается главная цель создания так называемых многофункциональных культурных центров. По Указу Президента нам было поручено создать пять таких центров за федеральные деньги, однако, проанализировав ситуацию, мы решили вместо пяти затратных объектов, которые потом лягут на бюджет малых городов, построить около сорока реально востребованных центров культуры. Таким образом, указ будет выполнен и перевыполнен количественно и качественно. Также мы отработываем программу поддержки сельских ДК. С 2016 по 2020 год в рамках ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий», где Минкультуры — госзаказчик, на реконструкцию действующих сельских учреждений культуры предусмотрено 2,8 миллиарда рублей из федерального бюджета.

Остановлюсь отдельно на нашей совместной законопроектной деятельности. Я не буду здесь много об этом рассказывать, вы все,

коллеги, — непосредственные участники данной работы, лишь несколько слов о долгожданном законе «О культуре». Министерство работало над ним с весны. Этот закон тщательно обсуждался на самых различных площадках — от Академии наук до МГУ. Однако в ноябре членами Комитета Государственной Думы по культуре была внесена собственная редакция законопроекта, над которой также параллельно шла работа. Скажу откровенно, мы далеки от амбиций и борьбы за авторство, поэтому мы договорились полюбовно с депутатами: взять за основу именно депутатский законопроект, разработанный Комитетом по культуре, включив в него те наработки, которые есть в министерском законопроекте, и внести их вместе пакетом. Для нас всех должно быть совершенно неважно, кто автор этого проекта, для нас важно, какой результат для страны это принесет. Я очень надеюсь, что нам удастся рассмотреть этот законопроект уже в весеннюю сессию 2015 года.

Несколько слов о грядущем юбилее Победы. Я хочу особо подчеркнуть эффективное взаимодействие в этом году, которое сложилось предварительно в рамках празднования юбилея 100-летия Первой мировой войны с Российским историческим обществом, возглавляемым Сергеем Евгеньевичем Нарышкиным, в целом по популяризации истории и сохранению нашей исторической памяти. Рассказывать об этом можно долго. Один пример: мы за год с небольшим совместно восстановили и поставили в стране много новых памятников нашим великим деятелям военной истории, от Скобелева до планируемого памятника Рокоссовскому, памятники героям Первой мировой — 25 памятников, все они возведены на внебюджетные средства, под каждый искали спонсоров.

И несколько слов о кино. Сборы в 2012 году российского кино — 6 миллиардов рублей, в 2013 году — уже 8 миллиардов рублей, в 2014-м, мы надеемся, несмотря на непростую экономику, эти сборы увеличатся, потому что уже на сегодня показатель — 7,5 миллиарда.

И особо отмечу, что в этом году фильмы, созданные при поддержке Министерства культуры и Фонда кино, получили более 30 — это беспрецедентная цифра — наград и призов международных кинофестивалей, включая такие престижные, как Каннский и Венецианский.

Хочу, пользуясь случаем, вновь обозначить позицию министерства. Мы начали системно и впредь будем активно поддерживать экранизацию произведений русской и советской литературы, фильмы исторической, военно-патриотической тематики, те, что служат делу культурного, нравственного и духовного возрождения общества. И если мы говорим о

70-летию Победы, то у нас запланирован не только конкурс сценариев, у нас запланировано снять 6 игровых и 60 неигровых фильмов, посвященных этой дате, включая «Битву за Севастополь». Мы снимаем и поддерживаем и фильмы, и сериалы по классике: «Бесы», «Тихий Дон», «Молодая гвардия», «Декабристы», «А зори здесь тихие», документальные драмы, посвященные историческим событиям — от войны 1812–1814 годов до Первой мировой — и великим полководцам России, Великой Отечественной войне.

Я расскажу лишь одну историю: фильм «28 панфиловцев». Они стали собирать деньги сами, рассчитывая снять народное кино, и совершили подвиг, собрали в Интернете по нитке почти 25 миллионов. Но процесс этот долгий, съемки растянулись. И мы сейчас договорились совместно с Министром культуры Казахстана (мы понимаем, что там много казахов воевало, дивизия формировалась в Казахстане) выделить дополнительные гранты. Казахи дадут миллион долларов, мы, со своей стороны, дадим грант, чтобы появилось настоящее к юбилейной дате кино, которое скажет правду о нашем подвиге. Сколько же можно слушать эти завывания псевдоисториков о том, что панфиловцев не было, были они не те, молодогвардейцы занимались там непонятно чем.

Мы, я подчеркну еще раз, не намерены впредь финансировать проекты, носящие явно очернительский, антиисторический характер, которые оплевыывают нашу историю и дела наших предков.

Я знаю, что эта заявленная наша жесткая принципиальная позиция вызывает где-то в СМИ неоднозначную оценку, кому-то там мерещится цензура, это не так. Минкультуры никому ничего и никогда не запрещает, но оно реализует государственную политику. И финансировать то, что вредит стране, не будет. Кстати, это касается не только кинематографа.

Уважаемые коллеги, я абсолютно уверен, этих результатов мы бы никогда не добились и не добьемся впредь никаких результатов без тесного сотрудничества с депутатским корпусом. Поверьте, я, как человек, который отработал здесь восемь лет, знаю это, как никто. Поэтому позвольте поблагодарить каждого из вас за поддержку, за ваше отношение к российской культуре как к важнейшему государственному приоритету. И позвольте выразить скромную надежду и на дальнейшую плодотворную работу во благо России и во благо отечественной культуре.

Спасибо за внимание.

Необходимо преодолеть разрыв в доступе к культурному наследию страны между столицей и регионами^[13]

В этом году Министерство культуры РФ продолжит реконструкцию крупнейших объектов культуры, а также изменит критерии в поддержке искусства: будет помогать не элитному и модному, а талантливому и социально значимому. Об этих и других планах ведомства ИТАР-ТАСС рассказал министр культуры РФ Владимир Мединский.

— Если посмотреть на то, что происходит в сфере культуры, глазами историка, писателя, а не только федерального министра, отвечающего за культурную политику, то как бы вы охарактеризовали текущую ситуацию? Можно сказать, что культура в тренде?

— Культура не может быть в тренде, как бы нам ни хотелось использовать в своей речи модные слова. Культура всегда была знаковой составляющей жизни общества вне зависимости от взглядов и векторов развития государства. Недаром в самые трудные вехи истории именно творческие личности становились деятельными борцами. Отрадно, что спустя столетия художники и музыканты, писатели и историки — творческая элита общества — занимают активную общественную позицию. Именно благодаря этому фактору, а также их конструктивному диалогу с государственной властью 2014 год объявлен президентом Годом культуры в России.

На каждом этапе развития общества культура выполняет свою миссию. Еще 20 лет тому назад понятие «культура» очень редко употреблялось в официальных речах, о федеральных целевых программах в области культуры даже не задумывались. Да что говорить, Министерство культуры России — самое маленькое из всего блока министерств. Но, как известно, «из искры возгорится пламя», и сегодня звучат принципиально важные слова:

«Культурная сфера не должна быть на задворках развития, она так же важна для полноценного существования государства, как рост ВВП, как внедрение инноваций в производство, как

формирование правовой системы и гражданского общества».

Культура воспитывает, создает смыслы, объединяет; была, есть и будет основой, формирующей базовые ценности и ориентиры общества. Поэтому Год культуры нужен не только для того, чтобы праздновать наличие у России тысячелетней культуры (хотя и об этом нелишне помнить), главное — добиться коренного перелома в отношении к ней. Этот год призван стать не годом памяти, а годом реальных действий. При этом нужно четко сознавать, что даже любые природные ископаемые, любые технологии, любые самые современные производства останутся скоплением мертвого вещества, если в стране не сложится полноценное осознание национально-государственной самоидентификации. А ведь именно культура как часть истории страны, народа и рождает самоидентификацию.

Важно перейти от видения государства как мецената культуры к рассмотрению его как организатора и соинвестора ключевых культурных процессов.

— *Какие задачи на ближайшее будущее определило для себя министерство?*

— Задачи продиктованы вызовами времени и приоритетами отрасли. Прежде всего необходимо завершить разработку концепции государственной политики в области культуры. Не менее важно перейти от видения государства как мецената культуры к рассмотрению его как организатора и соинвестора ключевых культурных процессов. Также нужно преодолеть разрыв в доступе к лучшим образцам культурного наследия страны между столицами и регионами, сделать их более доступными для людей и актуализировать эффективность науки в сфере культуры и искусства. Кроме того, необходимо продолжить воссоздание и развитие качественного отечественного кинематографа и пересмотреть критерии в поддержке искусства — от «элитное» и «модное» к «талантливое» и «социально значимое». Также министерство должно создать эффективную образовательную модель в сфере гуманитарного и художественного образования. И, как историк, уверяю вас, что в этих задачах нет ничего недостижимого.

— *Что нужно предпринять для решения перечисленных задач?*

— Необходимо сделать особый акцент на потенциале регионов, а также на профессиональном кадровом составе, которым так богата сфера культуры. Уже сейчас Минкультуры России фокусирует внимание на

региональной политике. Впервые за много лет мы изучаем ситуацию в наших подведомственных научно-исследовательских учреждениях. Начинаем активную кампанию по возрождению гастрольной деятельности ведущих российских театров, реформированию цирковой системы страны, изыскиваем финансовые средства для восстановления, реставрации и реконструкции объектов культурного наследия.

— *За прошедшие полтора года удалось хоть что-то реализовать из намеченного?*

— Высокие слова — ничто, если не менять ситуацию, в первую очередь по заработной плате работникам государственных учреждений культуры. Для нас эта проблема была и останется приоритетной. Если сравнивать статистику, в 2011 году средняя зарплата по федеральным учреждениям культуры составляла 19,8 тыс. руб., а по итогам девяти месяцев 2013 года она выросла уже до 35 тыс. руб. и будет в целом по году еще выше. В региональных и муниципальных было 11,7 тыс. руб., по итогам 2013 года будет, надеемся, не менее 20 тыс. руб. Таких темпов роста зарплаты в отрасли, всегда финансируемой по остаточному принципу, страна в своей истории еще не знала. Это результат и дополнительных средств, выделенных президентом, и большой работы руководителей наших учреждений, и более эффективного финансового управления в целом.

Надеюсь, рост зарплат позволит привлечь в библиотеки, театры, музеи молодых сотрудников, создаст более комфортные условия жизни для опытных ценных кадров.

На днях на торжественном заседании, посвященном 200-летию открытия РНБ (бывшая Императорская публичная библиотека в Санкт-Петербурге), директор с гордостью сказал, что теперь он может приглашать молодых специалистов на работу: зарплаты сотрудников в среднем выросли за два года с 10–11 тыс. руб., на которые в принципе никто не шел, до 25–26 тыс. руб.

Вопрос кадровой политики также один из ключевых для нас. При назначении новых руководителей мы исходим из их профессионализма и успешности в своем направлении деятельности, для которых развитие учреждения, отбор лучших специалистов, применение опыта и использование его на практике, вопросы роста доходов сотрудников являются основополагающими. Но и тут важно соблюсти баланс между опытом, знанием специфики отрасли и энергией, менеджерскими амбициями.

— *За последние десятилетия такое обновление руководящего состава — впервые. Кстати, впервые и такое пристальное внимание к циркам, где тоже сменилось руководство...*

— В советские времена цирковая система с ее образовательной базой, методиками подготовки артистов была уникальной. Известно, что с нею стало. Но лучше давайте обозначим то, что сделано на сегодняшний день и обязательно выполнится в ближайшем будущем. К руководству цирками пришли новые, активные и известные профессионалы — Запашные, Полунин, Халилова.

В целом за 2013 год в цирковую сферу министерством было вложено 2,785 млрд. руб. Это впервые за последние 20 лет. 311 млн. руб. было выделено Большому Московскому цирку на проспекте Вернадского на капитальный ремонт стилобатной части здания, которая находится, по сути, в аварийном состоянии уже несколько лет. 644 млн. руб. — Большому Санкт-Петербургскому цирку (в этом году закроем на капремонт). По системе Росгосцирка было направлено около 1 млрд. руб. на капремонт шести цирков — в Сочи, а также Ивановский, Нижнетагильский, Челябинский, Тульский и Рязанский.

Ремонтные работы на этих объектах начнутся весной-летом уже этого года. И это особенно важно, что именно в Год культуры, воссоздавая их, мы тем самым сохраняем историю российского циркового искусства в целом.

Кроме того, четыре цирка будут реконструированы в рамках федеральной целевой программы «Культура России» — Самарский, Омский, по Пензенскому и Курскому работы планируется завершить до конца предстоящего года.

Для того чтобы понять объемы всей предстоящей работы в этом направлении, мы совместно с Росгосцирком провели комплексное обследование тех цирков, которые находятся в сложном состоянии, — это 18 объектов. За ближайшее время как минимум десять цирков будет отремонтировано.

Реконструкция и реставрация объектов культуры — это также наш приоритет, этим мы отдаем дань памяти всем тем, кто создал шедевры архитектурного искусства. Активно сотрудничаем с регионами, у которых есть финансовые ресурсы, призываем их участвовать в реставрационно-строительных работах, вкладывать средства в учреждения культуры. Объясняем, насколько это престижно и перспективно.

— Многие деятели культуры часто высказываются, что

государство, как и законы рынка, должно быть невидимой рукой и очень мягко вторгаться в тонкую творческую организацию. Иными словами, не мешать. Какие законы, на ваш взгляд, должны действовать в столь нематериальной сфере?

— Государство не может ограничиваться ролью менеджера, руководствующегося унифицированными обезличенными критериями, культура по определению не терпит ни унификации, ни обезличенности, более того, отторгает такой подход.

Роль государства-отца комплиментарна, но спорна. Это из прошлых эпох. На мой взгляд, роль государства — в роли уполномоченного обществом организатора.

Художник создает те произведения, которые его вдохновляют на дальнейшее творчество. Государство же обязано поддерживать то, что считает соответствующим интересам страны. Абсурдно, если государственная поддержка будет строиться по принципу «Дай денег и отойди». Никому не приходит в голову придти к предпринимателю с таким предложением, а в Минкультуры, ранее считалось, почему-то можно. Речь не о каком-то ограничении творчества. Испокон веков художники творили, в том числе и не за счет государства. Другое дело, что проекты, финансируемые государством, должны обсуждаться экспертными и общественными советами, в СМИ, на форумах, максимальная открытость ведомства в интересах самого ведомства — защита от тенденциозности и желания авторитарно поуправлять творческим процессом.

Наш принцип — лучше никуда не вторгаться по факту, а стремиться договариваться о принципах взаимодействия. Поэтому мы не оказываем влияния на формирование, скажем, репертуарной политики театров. Однако наша задача — анализировать и определять эффективность учреждения культуры, создавая максимально благоприятные условия для творчества в рамках действующих полномочий.

Что касается законов, то они мало отличаются от экономических. Только в сфере культуры мы говорим об инвестициях в человеческий капитал. Культура — это такая же капиталоемкая отрасль, как и остальные. Более того, она во многом определяет экономическое развитие страны. Человечество толкают вперед высокообразованные и культурные люди. Без них прогресс невозможен.

Говоря сегодня о культуре регионов, малых российских городов, где не хватает привычного для столиц культурного досуга и соответствующей инфраструктуры, следует сделать особый акцент на их культурном насыщении. Культурный голод, который существует во многих малых

городах России, провоцирует агрессию и апатию. Если раньше, еще со времен Ренессанса, книга создавала границу между грамотным и безграмотным, то сейчас и образование, и желание развиваться заменяют компьютер и телевизор. И, к сожалению, эта проблема существует во многих регионах. Поэтому наша глобальная задача — максимально вернуть культуру в самые отдаленные уголки страны. Это невозможно сделать ни за один год, ни за два, но Год культуры должен помочь переломить ситуацию. Сейчас уже очевидно: многое, посеянное в 2014 году, призвано дать свои плоды в будущем.

— *Какие культурные проекты вы можете отметить в первую очередь?*

— Если говорить о заделах на будущее, то их много. Я уже упомянул цирки, далее реставрация и реконструкция ведущих российских театров. Уже в этом году открылся после реконструкции Псковский драмтеатр имени Пушкина, в планах на май — БДТ имени Товстоногова, летом — несколько региональных театров, идут работы по реконструкции Малого театра, которые планируется завершить в 2016 году; создание Музея Первой мировой войны в Царском Селе; строительство второй очереди Третьяковки, Музея космонавтики в Калуге, создание экспозиции Музея оружия в Туле. Все концепции этих проектов обсуждались публично, с участием ведущих экспертов музейной и выставочной индустрии, директоров крупнейших музеев страны, Военно-исторического общества.

Также наконец определимся с концепцией Музейного городка в Москве. Среди объектов культурного наследия выделяю воссоздание Ново-Иерусалимского монастыря, продолжение масштабных работ на Соловках. В 2014 году, к празднованию 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, развернули крупномасштабные ремонтно-реставрационные работы на объектах ансамбля Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Начнутся работы по реставрации Государственного исторического музея, планируем в кратчайший срок запустить новый комплекс Московской филармонии на юго-западе столицы.

Немаловажным проектом считаю строительство Государственного центра современного искусства. 23 декабря 2013 года совет ГЦСИ выбрал победителя проекта — Heneghan Peng Architects. Всего на открытый конкурс было подано невиданное, рекордное число заявок — более 900, 250 из которых прошли отбор. Новый центр объединит людей, занимающихся созданием, развитием, изучением и продвижением российского

современного искусства.

Это все открытые проекты, которые будут реализованы в ближайшие несколько лет. И я не назвал вам даже малой части реализуемого министерством.

— *А есть программа, начатая в 2013 году, которой вы особо гордитесь?*

— Программа массового детского туризма. Не всем семьям, особенно проживающим в глубинке, по карману отвезти своих детей, к примеру, в Санкт-Петербург. Со второй половины сентября прошлого года были организованы поездки учащихся 28 регионов в Санкт-Петербург. Министерство выделило из текущей экономии по торгам 168 млн. руб., что позволило почти 20 тыс. школьников побывать с трехдневной экскурсией в Петербурге, посетить новую сцену Мариинки, Русский музей, Петергоф, Эрмитаж, почтить память дедов на Пискаревском кладбище. Дети — самая благодарная публика, восторг от поездок, по откликам, был неописуемый.

По результатам работы были приняты принципиальные решения о предоставлении льготных тарифов при перевозке учащихся железнодорожным транспортом, о льготных условиях посещения ведущих учреждений культуры. В этом году займемся организацией детских туристических поездок по городам Золотого кольца. Государственный музей-заповедник «Петергоф» готовит специальную культурно-познавательную и туристскую акцию «Петергоф — детям России».

У этой программы большое будущее. Поездки, дающие возможность прикоснуться к высокой культуре, запомнятся детям надолго. И мое личное мнение, не министра, а отца троих детей: показать детям из отдаленных регионов хотя бы часть нашего бесценного культурного наследия — тоже важная задача года культуры.

Беседовала Наталья Барина

«Я рассматриваю себя как управленца в сфере культуры»^[14]

— Владимир Ростиславович, первый вопрос из тех, что нам поступили, связан с теми переменами, которые так или иначе происходят в культурной сфере. И вот такая формулировка: какова программа новой команды, какие ориентиры и приоритеты, какие, может быть, слова ключевые, какие слова и термины являются для вас ключевыми? Я понимаю, что вопрос объемный.

— Вы понимаете, что на эту тему можно говорить часами. Такой вообще вопрос. Мне кажется, ключевое слово в данном случае — «развитие». Мы по каждому из направлений деятельности министерства сейчас расставляем приоритеты, меняем подходы к государственным заданиям, пытаемся оптимизировать структуру.

В первую очередь я вам приведу пример: если мы ведем речь о музеях, например, то речь идет об увеличении количества посетителей, увеличении количества и качества проводимых мероприятий в музеях, продлении времени работы музеев, расширении экспозиции, активизации выставочной деятельности, выездной. Все это поддерживается, и будет еще далее поддерживаться министерством. Те музеи и музейные комплексы, которые идут в рамках данной стратегии, будут у нас в приоритете, в том числе в приоритете финансирования. Если речь идет о театрах, соответственно, количество постановок, количество зрителей.

Если речь идет о библиотеках, тоже масса своих критериев: объем и размер оцифровки литературы, количество постоянных абонентов и посетителей, научная деятельность. Кстати, она же, между прочим, является основной частью музейной деятельности в том числе.

Поэтому мы хотим, чтобы культурная отрасль не была «вещью в себе». Поэтому я никогда не соглашусь с тем, например, что музей является таким закрытым объектом культурного наследия, хранителем некой информации, условно ДНК нации. Он живет не для себя, он должен жить для общества, для людей. Это должен быть центр науки и сохранения культурных достижений. Хотя, конечно, в разной степени — есть более публичные, а есть более научные, менее публичные музейные учреждения.

Мы очень активно ведем сейчас законодательную деятельность. В общей сложности около десяти законопроектов уже разработаны

Министерством культуры, находятся на разной степени согласования и внесения в правительство и Государственную думу.

— Извините, а речь идет о законах о культуре, о базовых каких-то понятиях, о конкретных областях?

— Речь идет о конкретных. Понимаете, можно бы было сидеть три года размышлять и потом выдать глобальный закон о культуре. Мы решили пойти по другому пути. Мы решили точно решать практические проблемы, которые стоят перед отраслью и перед работниками этой отрасли. Например, сейчас находится в финальной стадии согласования закон об освобождении всех учреждений культуры от налога на прибыль. Всех, я подчеркну, даже частных. Мы считаем, что отрасль должна быть в приоритете и пользоваться соответствующими финансовыми льготами.

— Даже, скажем, кинотеатры?

— За исключением кинотеатров. У кинотеатров уже есть свои льготы в части НДС на билеты, как вы знаете. Поэтому — за исключением кинотеатров. Мы очень активно работаем в рамках «открытого правительства». При министерстве создан общественный совет, который заседает по группам практически еженедельно. Завтра только будет заседание по группе общественного совета, связанное с проведением конкурсных процедур министерства. Об этом я тоже отдельно поговорю. Мы создали, не было его раньше, экспертный совет министерства, куда по должности входят мэтры отрасли, это руководители творческих и профессиональных союзов в области культуры.

Ближайшее заседание экспертного совета будет через неделю, 16-го мы будем рассматривать госпрограмму «Культура», которая два года разрабатывалась в министерстве. И вот перед внесением в правительство хотим услышать мнение лучших экспертов культурного сообщества. Так что вот развитие, конкурсность, открытость и конкретика в показателях успеха либо неуспеха работы учреждений культуры. Вот базовые подходы.

— Все, что вы перечислили, это такая стратегия, направленная на «эффективность». Вы хотите добиться эффективности большей от ресурсов, которые есть на балансе Министерства культуры сейчас? Как вообще воспринимаете ваши задачи и ваши цели на этом посту? Именно поддерживать и создавать базу для культуры, техническую? То есть ваша должность и ваши задачи технические, в первую очередь, или культуртрегерские, идеологические?

— Я бы разделил на две части. Первая задача моя — это менеджмент. Все-таки я рассматриваю себя как управленца в сфере культуры. И так позиционирую свои задачи.

Вторая задача — это лоббист, защитник интересов отрасли в правительстве, в руководстве страны и в обществе. Собственно, именно решением этих двух конкретных задач я и занимаюсь каждый день. Я только сейчас приехал с большого, трехчасового совещания в Администрации Президента с участием губернаторов, министров, заместителей министров, где речь шла о развитии историко-культурного комплекса Соловецкого архипелага.

Тут вопрос и развития, и управления, и эффективности средств, которые тратит Минкультуры. Все вместе. Там же музеи были, несколько музеев, объединенных в комплекс Соловецких музеев, от музея ГУЛАГа до музея Соловецкого монастыря. Единый музейный комплекс. Там же тема и туризма, поскольку Соловки посещают сейчас, никто в общем толком не считает, но оценочно около 40 тысяч туристов в год. В этом есть свои плюсы, но есть и определенная угроза эколого-культурному комплексу уникальному, который там есть. Надо просто следить, чтобы там было чисто, убрано, не было лесных пожаров.

Второе совещание, которое сегодня же проходило, даже два, можно сказать, одно с директором музея, второе опять же с руководством, — это перспективы развития музеев Московского Кремля. Музеи Московского Кремля — один из ключевых объектов наших подведомственных учреждений Министерства культуры, один из наиболее посещаемых музейных комплексов, проводящий, наверное, замечательные выставки и весьма эффективно управляемый. Там очень много проблем. В первую очередь недостаточность площадей. Примерно из 10 тысяч квадратных метров, которые занимает весь комплекс Музеев Кремля, экспозиционных — сильно меньше половины. Просто негде показывать эти бесценные экспонаты, каждый из которых составил бы гордость любого европейского музея. [...]

— Что касается ресурсов. Понятно, что Москва и Питер находятся в привилегированном положении, опять же просто по своим возможностям и по статусу. После такого совещания с руководителями региональных министерств культуры, какие, на ваш взгляд, регионы самые ущемленные, ущербные в смысле культуры в стране? Есть какие-то очевидные аутсайдеры?

— Я бы лучше выделил тех, кто очевидно пользуется поддержкой

руководства. Например, недавно я был в Ульяновске. Там много культурных мероприятий. При очень скромном бюджете области большая активность. И, конечно, чувствуется, что проблемы культуры реально волнуют губернатора. Аналогичная ситуация, кстати, в Марий-Эл, в Йошкар-Оле. Много замечательных объектов культуры строится, и строится дешево. То есть чувствуется, что там контроль за расходами бюджетных средств эффективный. Белгород возьмите, например. По доле расходов на культуру в общих расходах областного бюджета, по-моему, одно из лидирующих мест в стране. И, как результат, больше детей ходит в музыкальные школы. И ниже преступность. И так далее.

— Я объясню свой вопрос. Мы начали с того, что вы чувствуете свою обязанность быть лоббистом в этой области в правительстве. Я вижу эту вашу задачу как в том числе и лоббировать соблюдение в регионах как раз как контроль за расходованием бюджета, и губернатору напомнить.

— Мы никаким образом не можем контролировать расходование бюджета в регионах. Это их сфера компетенции. Но мы можем и даем рекомендации, как орган, определяющий политику в области культуры, что мы считаем целесообразным. Ну, например, Москва ввела в качестве эксперимента, приказом просто ввела с этого года, продленный день, по-моему, по четвергам — в московских музеях. Мы, понимая, что страна — это не Москва, сделали то же самое в качестве рекомендации с 1 июля. Где-то это сработало хорошо, например, в Третьяковской галерее. Где-то это сработало чуть хуже. Где-то директора музеев, попробовав, сказали: вот у нас лучше другой день. Эрмитаж сказал: мы хотим лучше в среду, нам тоже кажется, что в среду Эрмитажу будет лучше.

Теперь, изучив опыт, мы не рубанули шашкой, но мы посмотрели реакцию. С 1 января издадим приказ по категориям: какие музеи переходят на единый день, какие музеи имеют возможность выбора, для каких музеев эта норма действовать не будет, а будет действовать, скажем, только в летний период, с мая по сентябрь. Ну потому зимой... а вот если в селе находятся музеи? Что ему зимой делать? Тут же уйдет инструктивное письмо в регионы, которым мы не можем приказать, но можем порекомендовать использовать технологию продленного дня, эти наработки. Конечно, нам бы хотелось, чтобы в крупных городах человек имел возможность пойти в музей после работы. А когда музей закрывается в пять...

— Есть какая-то активность, какая-то повестка, связанная с

реставрацией памятников культуры в Москве. Опять же обозначена какая-то политика: где-то московские власти действуют, где-то бездействуют. Какова политика и программа, что сейчас делает на федеральном уровне министерство именно в плане борьбы за памятники культуры, их отстаивания, реставрации?

— Я хочу сказать, что в Москве мы ничего не реставрируем.

— *Имеется в виду в регионах.*

— Вся реставрационная политика министерства по восстановлению памятников, как правило, это памятники федерального значения, крупные, такие как монастыри, музеи, усадьбы, общественного использования, — как правило, это не Москва. Я могу вам привести крупнейшие примеры, где просто я побывал последнее время, сам посмотрел. Упомянутый Соловецкий монастырь, комплекс крепости в Изборске, и целый ряд музейных объектов, театры, Ораниенбаум в Питере и так далее. То есть это все восстановление памятников вне Москвы.

При этом мы прекрасно понимаем, что мы концентрируемся на самых знаковых объектах: Ново-Иерусалимский монастырь, например. Я был там пару недель назад, а до этого я был там последний раз 10 лет назад. Объем работ, который там происходит — это просто космос, просто фантастика. Если это будет, я уверен, что это будет в сроки завершено, мы получим объект культурного притяжения мирового уровня.

— *То есть правильно ли я понимаю, что именно сосредоточенность на знаковых объектах делается для эффективного использования средств, потому что их немного?*

— В том числе. Мы сосредотачиваемся на знаковых объектах, как эти. Кронштадтский морской собор в Питере, например. И либо мы софинансируем, и мы эту тему будем дальше поддерживать максимально, мы софинансируем региональные объекты. Принципы следующие. Первый принцип — регион сам все построил, но чуть-чуть ему не хватает для запуска. Получается, что объект есть, а, казалось бы, еще добавить туда 10–15 процентов сметы — и он заработает. Тут мы всегда стремимся идти навстречу, где есть высокая степень готовности. Псковский драматический театр, например, мы сейчас экстренно, отрывая средства с других объектов, дофинансируем, чтобы он мог заработать в следующем году. Или сейчас рассматриваем вопрос — архангельский Гостиный двор. Он в реставрации 15 лет. Сейчас там экстренно его будем завершать. Нет смысла растягивать, на растягивании зарабатывают только строители. Растягивать смысла не

имеет ничего.

— Владимир, знаете ли вы, какие суммы разворачиваются на реконструкции и реставрации объектов культуры? При этом часто сами объекты продолжают разрушаться.

— Все в кучу в этом вопросе. Разрушаться — это отдельно, а разворачиваются — это отдельно. Я занимаюсь, и лично в том числе, аудитом строительных реставрационных проектов. Если есть информация, сообщайте! Я сам встречаюсь с директорами строительных фирм-подрядчиков. У нас создан Департамент контроля, которого не было раньше в министерстве, он занимается внутренним контролем, который перепроверяет все сметы. Мы принципиально по-другому подходим к вопросу торгов, и к снижению стартовых цен при торгах. Будем добиваться максимальной эффективности каждой бюджетной копейки. Понятно, что в 2–3 месяца это незаметно, потому что фактически новая команда принимает дела в середине бюджетного года. Самое главное — ничего не испортить. Нельзя ничего испортить — самая главная задача. Одна из приоритетных задач.

— Господин министр, не кажется ли вам унижительным положение, согласно которому иностранцы в наших музеях платят за вход больше, чем граждане РФ? Такого я не встречала ни в одной цивилизованной стране. Напротив, во многих государственных музеях за границей делают скидки работникам культуры, если они имеют членство в международных музейных организациях, а в некоторых иностранных музеях (например, в Великобритании) вход вообще бесплатный для всех. Вы собираетесь обратить внимание на эту проблему? Или мы будем продолжать краснеть за нашу Родину, сопровождая наших друзей-иностранцев в русские музеи?

— Теоретически, наверное, желательно, чтобы цены на билеты были одинаковы. Но вы знаете, у каждого музея в этом отношении своя история, своя политика и своя аудитория. Своя клиентура, можно сказать. И поэтому навязывать здесь какой-то единый подход, единый стандарт в рамках нашей необъятной страны было бы неправильно. Я как-то бывал в одном региональном музее, где вход для школьников составляет три рубля, для взрослого — 10 рублей, а для иностранца — просто другой порядок цены. Вот у них так.

Что нам со своим уставом лезть в их районный монастырь, и начинать говорить о какой-то дискриминации? Мне кажется, самое плохое, что

существует в нашей управленческой практике, — это навязывание единого стандарта в каждом мелком вопросе. Надо дать возможность постепенно людям прийти самим к решению этих вопросов. Кстати, то, что вы называли дискриминацией иностранцев, ваши оппоненты назовут поддержкой наших граждан, которые просто получают скидку от стандартной цены.

— *Господин Мединский, в нашей стране есть огромная, просто гигантская система городских библиотек. Россия унаследовала ее от Советского Союза — и это, наверное, самое совковое, что есть в системе культуры в России. Они, как почта, никак не меняются. Во всем мире, кроме России, библиотеки — это прямо-таки центры районной, городской или университетской жизни: там и ксерокс, и компьютеры с выходом в интернет, и пресса, и литература, и даже иногда кафе. У нас же по-прежнему — бедные, никуда не годные фонды, полное отсутствие каких-то дополнительных опций. Спрашиваю не просто так — я сам проработал после филфака в городской библиотеке, и мне пришлось уйти: скука, пыль, полное отсутствие перспектив. Вы планируете что-то делать с библиотечной системой?*

— Вы знаете, это от человека зависит. Я когда был школьником, и даже раньше, проводил в библиотеке по полдня, в своей районной библиотеке имени Загорского, как сейчас помню, в Москве.

— *Там много народу было, кроме вас? Вы помните, что вас привлекало?*

— Поскольку я читал, мне было все равно, сколько вокруг меня народу, я на это не обращал внимания. Я помню, что вечером, когда библиотека закрывалась, родители меня вытаскивали оттуда, затемно. Другая была жизнь, начнем с того, что просто не было хороших книжек в свободной продаже в СССР. Единственный шанс был почитать в библиотеке, еще при этом отстояв очередь. Книги были по очереди. У Министерства культуры, в ведении Минкульта федеральном находится девять библиотек, девять федеральных библиотек, крупнейших. Таких как Ленинка, Библиотека иностранной литературы, Библиотека Салтыкова-Щедрина, и так далее. Конечно, эти библиотеки поддерживались нами, и будут поддерживаться, и будут развиваться. Развитие во многих направлениях: и оцифровка, и услуги, и конференции научные, создание единого информационного библиотечного ресурса. На который, в идеале, каждый из нас мог бы, подписавшись просто дома, со своего компьютера по номеру читательского билета заходить — в бесконечную базу данных

той же Ленинской библиотеки.

— *То, что вы перечисляете, касается этих девяти библиотек, или это стратегия на всю страну?*

— Это общая концепция, она развивается. И, кстати, в эту единую библиотечную сеть сейчас активно включаются и региональные библиотеки. То есть, вы можете с домашнего компьютера в любую из них войти, там можно прочитать и диссертации, и просто книги. Есть масса своих проблем, связанных с авторскими правами: что-то можно распечатывать, что-то нельзя распечатывать. И законодательство надо совершенствовать в этом отношении. Но это живой развивающийся организм. К слову сказать, физическое количество посетителей, например, Ленинской библиотеки не уменьшается в последние годы. Просто потому, что это удобное место для научной работы.

— *По моей памяти — не очень.*

— Кому как.

— *В Москве много вузов, много людей, которым это реально нужно для такой повседневной работы. А мы-то скорей говорим о регионах, сельских библиотеках, библиотеках в малых городах.*

— Вот мне кажется, что в части, например, федеральных библиотек я вижу свою первоочередную задачу на следующий год — это повышение зарплаты библиотекарей в таких библиотеках. Потому что так сложилось, если библиотеки расположены в Москве и в Питере, и сотрудники федеральных библиотек получают значительно меньше, чем сотрудники местных библиотек, городских. Несколько округленно, федеральный библиотекарь — 20 тысяч рублей, а московский — 30–35. Соответственно, моя задача будет всеми способами довести зарплату в следующем году федеральных библиотекарей до московских. А может быть, и выше, если получится.

Опять же, это не может сделать только один федеральный Минкульт, нам придется работать очень плотно с директорами библиотек городских. Ибо они хозяйственно достаточно самостоятельны, по нынешней системе. Что же касается местных, районных, муниципальных, областных библиотек — тут история другая, на эту тему можно говорить очень долго.

— *Вы на них не можете напрямую воздействовать?*

— Они финансируются отдельно, они деньги получают либо из

бюджета регионального, либо муниципального.

— *Но вы же состоите в контакте с региональными министерствами культуры, опять же?*

— Состоим, конечно, ежедневно.

— *И если у вас есть такие установки и задачи, которые вы ставите перед министерством, вы можете их как-то транслировать и передавать в регионы.*

— Методологически — да, финансово — нет. Хотя Министерство культуры выделяет периодически гранты, в том числе и региональным библиотекам, на закупку копировальной техники, на закупку книг, большому количеству библиотек, на покупку каких-то компьютерных программ специальных учетных. То есть, мы по мере возможности чуть-чуть субсидируем. Но, конечно, основной вал финансовый идет из регионов.

— *Мы все время пытаемся понять: вот Министерство культуры РФ — и Министерства культуры и департаменты культуры в регионах. Есть такое ощущение, что вы и они существуете в каких-то параллельных реальностях. Вы, может быть, делаете одно и то же, может быть, нет. Потому что все время вы упираете на финансирование и на то, что у вас разные источники получения денег, и поэтому вы не можете друг на друга повлиять. Создается впечатление, что нет какой-то общей стратегии министерства. То есть мне кажется, что министерство должно определять какую-то общую стратегию, универсальную, с поправкой на специфику региональную уже. То есть понятно, что культурная составляющая для жителей Северного Кавказа и Санкт-Петербурга очень разная. Есть специфика. Но есть также какие-то установки. Например, опять же, то же самое: развитие библиотек — оно универсально для всех регионов. И если вы для себя понимаете, как федеральный, как глава всей этой структуры, что это нужно...*

— Нет, так это не работает. Безусловно, концептуальные методологические документы едины. Например, сейчас подведомственной нам является смежная отрасль с библиотечной — архивная. И Федеральное архивное агентство, которое непосредственно управляет несколькими федеральными архивами, а дальше начинается огромное количество архивов региональных, городских. Оно, естественно, разрабатывает под нашим руководством единую концепцию развития архивного дела, которая

потом реализуется всеми. По крайней мере, то, что делают регионы, не должно противоречить этой концепции. Так и у нас, есть единая концепция развития библиотечного дела, но реализуется она с поправкой на регионы, региональную специфику и на региональное финансирование уже на местах.

— *К вопросу о культурной политике в регионах. Господин Мединский, интересует ваше мнение по поводу Пермского культурного проекта. Раздражающие красные человечки не нравились пермякам, но, по крайней мере, вызвали в городе дискуссию. Перед выборами были планы сделать «Культурный альянс» — перенести опыт Перми в другие регионы. А теперь о них ни слуху, ни духу — ни в самой Перми, ни в Краснодаре или других городах. Вам не кажется, что полезный опыт просто в землю закопали?*

— Я считаю, что наличие любого культурного проекта лучше, чем его отсутствие. Поэтому пермский опыт полезен.

— *Скажем, опыт провокации, или опыт модернизации?*

— Опыт повышенного внимания региональных властей к культурной отрасли нами всегда приветствуется. У кого-то делается упор на восстановление монастырей как объектов культурного притяжения, туризма, у кого-то древнюю крепость восстанавливают, где-то проводят фестивали. Ну, а где-то красные человечки. Это лучше, чем безразличие и недофинансирование.

— *Свое личное отношение вы не высказываете и не навязываете регионам, да?*

— Свое личное отношение я не навязываю.

— *Вы знаете, я, приезжая в Пермь несколько раз, слышал такое обоснование их культурной стратегии. Есть культура как культурное наследие, как база, а есть культура повседневная, которая сама приходит к тебе. Культура современная, уличная, популярная. У меня такой вопрос: вы при осуществлении своей политики как для себя формулируете функцию культуры — это идеология, это база наследия, это код повседневной жизни, это социальный инструмент?*

— Я подхожу проще: считаю, что культура — это неотъемлемая часть нашей жизни. Такая же, как воздух, вода, еда, сон, работа, отношения в семье. Вот культура — это часть нас, понимаете. У кого-то эта часть

поменьше, у кого-то побольше. [...]

— *Культура как повод и стимул развития общества в том числе — может работать? Как выход, средство избавиться от депрессивности обстановки в регионах?*

— Мы с вами перешли на уровень теоретической дискуссии. Будем откровенны. Если в театре в этот вечер находится тысяча человек, и еще пять тысяч в музеях и на выставках, и еще десять тысяч смотрят какое-нибудь приличное кино в кинотеатрах — то вот мы в совокупности взяли с вами 25 тысяч человек, которые точно не пьют пиво в подъезде. Эти люди — у них другая жизнь. Общество — это как сообщающиеся сосуды, люди они либо здесь, в этом сосуде, либо здесь.

— *Владимир Ростиславович, во всех общеобразовательных школах Татарстана количество уроков русского языка и чтения сокращено почти на половину в сравнении с Москвой, Самарой, Владивостоком и другими регионами России. Нашим детям в Татарстане запрещено изучать родной русский язык в полном объёме. Считаете ли вы это возможным, нормальным в России? Если нет, помогите нашим детям вернуть конституционное право на изучение родного русского языка.*

— Преподавание в школе — это тема Министерства образования. Я завтра встречаюсь с Ливановым и обращаю его внимание, передам ваш вопрос.

Надо понимать, что есть система наша и есть система не наша. Я уже как-то говорил, что любимый вопрос, который мне задают в интернете, это «когда, наконец, Министерство культуры закроет „Дом-2“». Но «Дом-2» — это не наше. Вы знаете, «Дом-2» — это любимая передача бабушки моей жены. Она смотрела ее каждый вечер. И громко потом возмущалась. Это занимало ее досуг. К сожалению, она скончалась недавно, поэтому «Дом-2» своего зрителя потерял. Меня он никогда не интересовал. [...]

— *Владимир, не так давно на совете у Медведева вы произнесли слово «квоты» — имелся в виду, видимо, минимальный процент отечественного кино в прокате. Как вы себе видите квотирование отечественных фильмов? Кто их станет смотреть в таком количестве? Вы понимаете, что кинотеатры будут показывать отечественное кино в туалетных комнатах?*

— Речь идет, я поясню, о квотировании количества отечественного кино в кинотеатрах. Предположим, каждый пятый или каждый шестой

фильм в кинотеатре должен быть отечественным, каждый пятый сеанс. Это, безусловно, достаточно крайняя мера, протекционистская, поддержки отечественного кинематографа. Ну, поживем — увидим. Мне бы не хотелось, чтобы правительство прибегало к столь радикальному протекционизму в отечественном кинопрокате. Однако сейчас мы должны с вами понимать, что резко выросший рынок отечественного кино, по моему, третий по объему в Европе и при этом крупнейший за пределами США рынок проката голливудского кино. То есть наши сборы в России голливудских фильмов вторые после США. Это объективно, мы тратим деньги на поддержку...

— *Может, просто они лучше фильмы снимают, чем мы?*

— Они их, безусловно, хорошо снимают. Еще лучше продвигают. Знаете, как говорят американцы: доллар тому, кто придумал, 10 тому, кто сделал, и 100 тому, кто продал. Именно так построено в США производство и маркетинг всего.

— *Может быть, заставить, то есть, не заставить, а предложить нашим кинопроизводителям...*

— Знаете, вы сразу сказали «заставить». А еще после этого обвиняете Министерство культуры в идеологизированности и цензурировании.

— *Вы хотите заставить нас смотреть то, что мы не хотим.*

— Дело в другом, давайте уж поподробней. Дело в том, что мало сделать хороший отечественный фильм. Надо, чтобы этот отечественный фильм мы имели возможность увидеть. К сожалению, отечественное кино продвигается штучно, а американское кино продается пакетами, в огромном количестве. В том числе сетям, которые, в общем-то, принадлежат иностранному капиталу. У них крупные сетевые контракты. Они просто выдавливают. Это, знаете, как в магазине. Вы можете сделать отечественный «Сникерс» или «Марс», шоколадку, но пойдите попробуйте ее продать в таких же масштабах. Там выдавливают, объективно просто. Большие расходы.

— *Что-то незаметно, чтобы фильмы Михалкова кто-то выдавил.*

— Это исключение из правил. А я, например, некоторое время назад очень хотел с сыном сходить на фильм «Матч» — про футбол. И знаете, он через пять дней сошел с проката отовсюду. У меня была перспектива на вторую неделю посмотреть в каком-то одном кинотеатре, надо было ехать

через весь город. Так что делиться личным опытом можно до бесконечности. Я не пошел, в итоге посмотрели на диске.

Очень многие страны, начиная от Китая и Индии, заканчивая Францией и другими европейскими странами, понимая, насколько важный национальный ресурс кино, принимают самые разнообразные меры по поддержке отечественного кинематографа. Например, во Франции квотируется количество французского кино на телевидении. Или, например, во Франции запрещено показывать на телеканалах в определенные часы художественные кинофильмы. Потому что предполагается, что в это время, условно, я условно говорю, в кавычках, в пятницу вечером, француз лучше сходит в кино, чем посмотрит тот же кинофильм вечером по национальному ТВ.

— *А у нас работает эта модель?*

— У нас же свобода. У нас вообще никаких ограничений ни на что в этой части. Особенно в части телевидения. Свобода абсолютная. Поэтому призрак квотирования, который витает, поверьте мне, еще наиболее мягкая из тех мер, которые реализуются другими странами для защиты своего, национального. Кинематограф — это национальное достояние.

— *Но вы назвали ее достаточно радикальной. А есть ли какие-то менее радикальные меры?*

— Есть и более радикальные меры. Например, которые предлагает Государственная дума, профильный комитет по культуре. Это введение НДС на все иностранные фильмы. Это означает, что иностранный билет стоит на 20 процентов дороже.

— *Я одно понять не могу: как это все может повлиять на качество того, что мы производим? Если мы создадим тепличные условия для производителей кино в России, это снимет для них вообще любой стимул для работы качественной.*

— Еще раз говорю, смотрите, можно сейчас при государственной поддержке произвести в России хороший фильм. Но мало произвести товар, надо, чтобы этот товар лежал на полке в магазине. Желательно около кассы. Иначе его никто никогда не увидит и не купит. Примерно это и происходит сейчас с большим количеством отечественных фильмов. При поддержке Министерства культуры было произведено в прошлом году, помоему, около 70 кинолент. Вы можете сейчас перечислить, сколько из них вышло на большой экран? Большинство просто не вышло. Я думаю, что в

пределах 10–15 процентов, надо посмотреть статистику. Остальные просто не могут попасть в прокат. Давайте с квотирования перейдем на другую тему. Еще раз говорю: это не единственный способ, и вообще он, честно говоря, нежелательный. Но если у нас не будет другого выбора, то я, как министр, буду на этом настаивать. Хотелось бы, чтобы этот выбор был. Чтобы вообще государство поменьше регулировало рынок. Но нет смысла тратить деньги на производство фильмов, которые просто не доходят до кинотеатров.

— *Есть ли принципы у Минкульта, по которым он выделяет поддержку тем или иным проектам? Совсем недавно было объявлен список тех проектов, которые получают поддержку. Формулируется ли каким-либо образом политика Минкульта именно в этом отношении? Каким должен быть фильм, чтобы получить поддержку?*

— Вы знаете, как ни странно, до сих пор никаких официальных требований к фильмам не было, вообще.

— *Одни фильмы же получали поддержку, а другие — нет.*

— Получали. Это носило субъективный, экспертный характер. Причем, эта практика не устраивала ни деятелей кино, и, на мой взгляд, не должна устраивать государство. Принцип был следующий: компания, если она мейджор — получает поддержку через Фонд кино. Например, «Духлесс» — это была компания-мейджор, которая получала поддержку через Фонд кино (Фонд кино получает в свою очередь деньги от Министерства культуры, но является в данном случае полным распорядителем этих средств).

А есть проекты, которые поддерживает Министерство культуры непосредственно, напрямую. Там, к сожалению, большое перемешивание идет функций. Предполагалось раньше, что Фонд кино будет поддерживать отрасль, такие блокбастеры крупные, Министерство культуры будет поддерживать социально значимое кино, документальное кино, детское кино, и так далее. В итоге в последний год это все перемешалось и все занимаются всем. Просто у Фонда кино много больше денег — и все. А у собственно Минкульта — меньше. Поэтому мы сейчас разрабатываем принципы поддержки кино. Эти принципы будут официально зафиксированы. Главный принцип, я думаю — тематика. То есть, мы будем задавать темы, на которые мы бы хотели, чтобы снималось кино. Дальше эти темы отрабатываются кинематографистами, сценаристами. Уже эксперты смотрят сценарные заявки, либо собственно сценарии.

Естественно, конкурс в том смысле, что желающих всегда больше, чем денег. В этом смысле это конкурс. А так до сих пор это было так: вот вы сидите, в потолок смотрите, напишу-ка я фильм о себе любимом, и сниму. Вы пишете сценарий, приносите в Минкульт. Минкульт говорит: хорошо, и отдает это в экспертную комиссию. Экспертная комиссия выносит анонимное решение, немотивированное: ваш сценарий не прошел. Почему? Да по кочану. Причины не объясняются. Кому такая система выгодна, интересно? Никому. Государство не получает то, что хочет, потому что не факт, что вы любимый и есть то, что нужно государству, на что потратить деньги. Вы не получаете никаких ответов на ваши вопросы. Может, я что-то доработаю, давайте вот так вот напишу. Вам говорят: нет, приходите с новой идеей.

— А где гарантия, что при системе госзаказа мы не будем снимать кино каждый год про детство, отрочество и юность Владимира Владимировича Путина? Это же выгодно государству.

— Вы хотите такой фильм посмотреть? Мы учтем ваши пожелания.

— Почему? Фильм к юбилею Путина имел огромный рейтинг на телеканале НТВ. Если государство в лице министерства культуры будет определять темы...

— Темы будет определять государство. А выбор конкретного фильма будет осуществлять эксперт. Я не берусь никогда сам, ни я, ни Демидов, оценивать качество сценария. Это будет слишком субъективно. [...]

— В последнее время заметны попытки ограничения доступа граждан Российской Федерации к мировому культурному наследию. Какие меры собирается предпринять министерство культуры для предотвращения таких эксцессов как «запрещение» провинциальными судами ролика «Невинность мусульман», составление списков запрещенных текстов, запугивание организаторов художественных выставок и перформансов? Пожалуйста, скажите конкретно.

— Министерство культуры никого не запугивает, цензурой не занимается. Вообще у нас цензура запрещена законом.

— Тут скорее читатель ставит вопрос о том, не должно ли Министерство культуры стоять на страже свободы доступа к информации, в том числе такого характера, как «Невинность мусульман».

— Не должно. У нас цензура запрещена, все, точка. Ее нет.

— Должно ли Министерство культуры активно противодействовать цензуре, когда происходят либо перегибы на местах...

— Вы мне приведите пример. Давайте будем ближе к земле.

— Выносится постановление, по которому фильм «Невинность мусульман» является экстремистским, и на основании этого решения отправляется запрос в компанию Google, которой принадлежит видеохостинг YouTube, чтобы этот фильм был запрещен для распространения в русскоязычном YouTube. Должно ли Министерство культуры защищать всякие проявления культуры, вне зависимости от оценки качества, уровня?

— Нет, не должно. Оно не должно ни нападать на объекты культуры, ни защищать их. Мы не являемся правоохранителями в данном отношении. Наша задача — содействовать развитию культуры в ее лучших проявлениях.

— Почему Минкульт хранит молчание в деле Pussy Riot, «Войны», выставки «Духовная брань»? Разве не обязано государство в лице Минкульта определять — что культурная деятельность, а что вандализм, кто художник, а чья деятельность к искусству не имеет никакого отношения? Художников — защищать, а хулиганов называть хулиганами, непричастными к искусству? Отсутствие позиции у Минкульта выглядит как трусость!

— В части культуры Марат Гельман — провокатор, это часть его имиджа. Поэтому я думаю, что он счастлив от того, что к нему казаки пришли на выставку (речь идет о стычках, сопровождавших открытие выставки Icons в Краснодаре — Газета. Ru). Потому что он получил фантастическое паблисити в результате. И он должен был это предвидеть. Когда вы едете с подобного рода — хорошей, плохой, не знаю, не видел выставку, — когда едете в определенную аудиторию, вы должны понимать последствия. Я в молодости читал лекции в институте, по линии общества «Знание», за деньги. Как-то в одном ДК, на дискотеке, мы с товарищем начали читать лекцию о творчестве группы «Битлз». Нам пришлось удирать через туалет, прыгая с третьего этажа на крышу. Потому что нам сказали, что нас просто убьют, ибо разгоряченная местная публика в этом райцентре не хотела в пятницу вечером слушать лекцию по линии общества «Знания» и райкома комсомола о творчестве группы «Битлз», она их в данную секунду не интересовала. Я не учел аудиторию. Винить в этом

должен был только себя, что обижаться на людей? Им хотелось танцевать.

— *Получается, что в случае с Icons и выставкой «Духовная брань» работает логика вроде «что же ты шла по темному переулку одна, в короткой юбке», немножко так получается.*

— Я к чему говорю: я в данном случае абсолютно никого не поддерживаю и не осуждаю. Я просто рассказываю вам, как это есть. Конечно, это все безобразие.

— *Минкульт не должен защищать художника в такой ситуации?*

— Должна милиция защищать в данной ситуации. Задача Минкульта, еще раз говорю, поддерживать художников, обеспечивать высокий уровень художественного образования, в частности. У нас 45 вузов входят в систему культуры, художественные хореографические училища, музыкальные школы. Вот наша сфера ответственности. За это мы отвечаем. Я скажу откровенно, что вопрос оплаты преподавателей в ЦМШ меня волнует в десять раз больше, чем судьба выставки Гельмана в Краснодаре. Вот приоритеты у меня такие. Меня гораздо больше интересует проблема, что у нас с набором в хореографическое училище московское, какие условия у ребят, которые там учатся, потому что это будущее нашей отечественной балетной школы, чем очередная эпатажная выходка. Это наша сфера ответственности, понимаете. Но, конечно, толерантность и терпимость — это базовая установка Министерства культуры.

Я вообще пытаюсь свое частное мнение, которое у меня, поверьте, есть по каждой из перечисленных вами тем, не высказывать. Чтобы это не было истолковано в первую очередь региональными министрами культуры: о, сейчас начнем, вот это нашему федеральному министру точно не нравится, сейчас еще уточним мнение губернатора — и устроим перфоманс. Зачем? Нет у меня, как министра, частного мнения, публично высказанного. Ну, если только вещь до крайности не дойдет, которые тоже бывают, когда не сдерживаюсь. Мы всех поддерживаем.

— *А разве не обязано государство определять, что культурная деятельность, а что вандализм, кто художник, а чья деятельность к искусству не имеет никакого отношения?*

— Слушаете, ну, вы знаете, мне тут хорошую цитату подготовили: «Истина — дочь времени, а не авторитета». Френсис Бекон. Кому-то это сегодня кажется произведением искусства, кому-то нет, кому-то нравится, кому-то не нравится. Мы стараемся не давать этому субъективных оценок.

Конечно, в первую очередь за государственные деньги мы поддерживаем, и будем поддерживать то, что является общепризнанной классикой.

— *Консервативная позиция.*

— Консерватизм — неправильное слово. В свое время балет тоже вызывал много споров. Считался делом весьма безнравственным. Правительство поддерживает, скажем так, с одной стороны, лучшее, общепризнанно лучшее, с другой стороны, то, что вызывает минимум каких-то споров, дискуссий. То, что является общепризнанной классикой. И с другой стороны, поддерживает, безусловно, лучшие образцы.

— *Разве культура может существовать без провокаций?*

— Так мы же не мешаем. Я свожу государственную политику к следующему: государство поддерживает то, что считает правильным, ибо нам эту функцию делегировали избиратели. Мы не от себя действуем. Действуем, поскольку нам нашу функцию делегировали избиратели. Поэтому мы считаем то, что большинство избирателей считает правильным, это мы поддерживаем. Но мы ни в коей степени не мешаем развитию меньшинства. Меньшинство пусть развивается, пожалуйста.

— *У нас достаточно много вопросов о туризме. Кратко, может быть, перечислю. Есть предложения организовывать целенаправленные выезды из провинции в какие-то объекты федерального значения...*

— Я знаю, мы с этим полностью согласны. Это, конечно, организуется не на уровне федерации. Сложно предположить, что федеральное министерство будет оплачивать билеты на автобус или на железную дорогу какой-нибудь школе, просто так система не работает.

— *Почему? Фестиваль «Территория» так делает. Фестиваль «Территория» курсами заводит себе из провинций студентов-актеров.*

— А мы поддерживаем фестиваль «Территория», который курсами к себе заводит. Мы поддерживаем школы актерского мастерства. Мы субсидируем Эрмитаж, который дает бесплатные билеты детям и пенсионерам, в рамках госзадания. Таким образом, мы системно поддерживаем те или иные решения. Мы поддерживаем музей «Прохоровское поле», если про Курскую дугу говорим, для того чтобы они могли для школьников делать бесплатные экскурсии. Да, это, безусловно, наша политика, она будет в этом отношении развиваться. [...]

— Владимир Ростиславович, подскажите, как устроиться на работу в Министерство культуры только что закончившему вуз историку без опыта работы и «нужных знакомств»? Готов рассмотреть от вас предложение работы в Санкт-Петербурге.

— Министерство культуры находится в Москве. В Санкт-Петербурге у нас есть Управление по охране памятников. Можно подать заявление туда. Можно подать заявление в любое из подведомственных учреждений наших, некоторые из них достаточно известны в Петербурге. Например, Петергоф или Эрмитаж, Мариинский театр. Я надеюсь, что соискатель знает про них. Поэтому можно обратиться.

Я не смогу дать ему личную рекомендацию, это будет слишком опрометчиво. Но мы открыты, у нас на самом деле постоянно происходит приток свежих кадров. И в самом аппарате министерства идет обновление. Министерство ведь очень небольшое. В нем работает около 350 человек. Федеральное министерство, аппарат министерства. При этом вы должны понимать, что это не только то, о чем мы сейчас говорили, музеи, театры и кино. Но это еще цирки, музыкальные школы, консерватории, вузы, художественные академии, парки и зоопарки, тоже считается, что мы определяем методологию, хотя их финансируют по-другому. Ну, и так далее. То есть это огромная отрасль с общим числом работающих до миллиона человек по стране.

А министерство очень маленькое. У нас министерство меньше, чем было Министерство культуры РСФСР в составе Советского Союза. То есть, представьте себе, был еще Минкульт СССР, было Госкино отдельно. А мы меньше, чем Минкульт РСФСР. Я думаю, что это единственное министерство в стране, которое не только не раздуло штаты за истекшие 20 лет, но даже серьезно сократилось.

С 1 января мы сокращаемся еще на 10 процентов. Так что чиновничий хлеб в этом отношении достаточно тяжек. Работы много, а людей мало. Мы другим министерствам завидуем в этом отношении.

— Господин Авдеев, перед тем как уходить, говорил о том, что финансирование, которое заложено уже на этот год в бюджете, должно было быть увеличено вдвое.

— А лучше втрое. Лучше чем втрое только впятеро.

— Какое порядка цифр, какого уровня должно быть финансирование для того, чтобы Минкульт все-таки не стеснялся в средствах? Я сейчас понимаю, что не всегда на все хватает бюджетных денег.

— Если исходить из теоретических выкладок, то, конечно, хорошо, когда расходы на культуру исчисляются не долями процента от расходов федерального бюджета, а несколькими процентами, как минимум. Но есть теория, а есть практика. Бюджет будущего 2013 года, очень жесткий. Правительство поступает с деньгами очень рачительно. В том плане, что оно всегда готовится к худшему. К кризису, к обвалу нефтяных цен, к экономическим катаклизмам любого рода (собственно, именно поэтому у нас нет безработицы в 25 процентов, как в Испании, и нет того, что в Греции, а все эти экономики считались еще недавно успешнейшими экономиками мира). Поэтому в этом отношении надо, во-первых, довольствоваться тем, что есть.

Во-вторых, правительство, я считаю, и руководство страны в этом году сделало много шагов навстречу культуре. Во-первых, общий бюджет министерства не только не упал, а вырос. Резко выросли, благодаря решениям Путина и Медведева, ассигнования на зарплату работников федеральных учреждений культуры. Затем, на это увеличение зарплаты нам выделено дополнительно 4 миллиарда рублей. Это увеличение зарплаты беспрецедентное, такого вообще не было раньше. Будет реализовываться поэтапно, с учетом новых госзаданий, повышенных требований. То есть, это не будет раздача ровным слоем всем сестрам по серьгам. Это будет осмысленная задача под выполнение целей и подзадач.

Мы надеемся, что с помощью этих дополнительных государственных субсидий решить вопрос повышения зарплаты в федеральных учреждениях культуры, в следующем году сможем достаточно сильно увеличить зарплату. Плюс к этому, я уже разговариваю постоянно с руководителями регионов, и, конечно, они будут подтягиваться. То есть, для них мы в данном случае — показатель, и они будут также изыскивать ресурсы дополнительные для повышения зарплаты и в районных библиотеках, и в музыкальных школах. Вслед за федеральным уровнем — так всегда происходит.

Это очень мощный импульс. Поэтому надо не заниматься традиционным «плачем Ярославны». Денег всегда на все не хватает, они — такая материя, которой нет никогда и нигде. Стоит попытаться рачительно распорядиться теми ресурсами, что есть, и добиться максимального результата.

От взглядов я не отказываюсь ^[15]

В беседе с «МН», состоявшейся после визита В. Р. Мединского в центр современного искусства «Винзавод», он рассказал, чем должно заниматься Министерство культуры, почему в этой сфере нет конфликта между «старым» и «новым» и как измерить эффективность его деятельности.

— *Вы по образованию журналист-международник, историк. Как вам на посту министра культуры?*

— Это для меня самая интересная работа, которая может быть.

— *А когда вы узнали о своем назначении?*

— Собеседования велись заранее. Но окончательно стало ясно накануне подписания указа.

— *Вы активный пользователь интернета, наверное, видели и негативную реакцию на ваше назначение. Обидно не было?*

— Если оценивать не по количеству блогерского шума и комментов на «Эхе Москвы», а по реакции деятелей культуры, то на 99 % это была поддержка. Даже те, от кого я никакой поддержки не ожидал, например, Дмитрий Быков, Александр Проханов, Ксения Ларина, Виктор Ерофеев, Андрей Макаревич. Казалось бы, «лица» правой и левой оппозиции...

— *Сейчас деятели культуры ждут от вас определенного меседжа, послания о том, каким курсом пойдете.*

— Если в двух словах — это курс на поддержку и развитие общей культуры. Нефть и газ закончатся, а культура вечна.

— *Вы видите разгорающийся в стране конфликт между традиционным и современным искусством?*

— Конфликт может быть только между плохим и хорошим, талантливым и бездарным.

— *Но когда Марату Гельману плюют в лицо...*

— Это бескультурье и хамство. Хотя, если честно, некоторые инсталляции Марата Гельмана являются таким же плевром в лицо

общественному мнению и массовому вкусу. Поэтому, как ни прискорбно, он иногда получает именно ту реакцию, которую сам же провоцирует.

— *А как вы вообще к Гельману относитесь?*

— У него оригинальные идеи. Он раскованный, активный человек. Некоторые его инсталляции бывают, мягко говоря, неоднозначными. Препятствовать его работе, если она будет оставаться в рамках закона, мы, естественно, не станем.

К нам тут официально обращался Павел Астахов^[16] с просьбой запретить спектакль «Сон в летнюю ночь». Но министерство — не орган цензуры, которая запрещает или разрешает те или иные спектакли. Театр пользуется творческой свободой. Если он нам подведомственный, мы можем проверить расходование средств и повлиять на кадровую политику. Например, назначить нового директора. Вот наша работа, а не вмешиваться в ту или иную постановку.

— *Региональные проекты в духе «Пермь — культурная столица» вы готовы поддерживать?*

— Мы готовы по мере сил поддерживать абсолютно любые начинания за границами Москвы и Санкт-Петербурга, которые приведут к культурному росту.

— *В каких конкретно городах вы видите такие проекты?*

— Во всех. В каждом городе можно найти что-то уникальное. Например, я в Думу шел от Кургана. Там замечательные дома-музеи — декабристов, уникальный Далматовский монастырь. Мы уникальны, в России везде можно найти культурный объект для гордости, преклонения. И для развития, конечно.

— *По каким критериям вы сами будете измерять эффективность своей работы?*

— В отличие от бизнеса здесь нет простых категорий. Как измерить эффективность? Количество отреставрированных музеев? Или, может, спасенных от разрушения памятников? Количество кинофильмов или их качеством? Или уровнем образования? Или ростом зарплат у музейных работников? Тысяча факторов, и далеко не все из них зависят от позиции министерства. Не министерство, например, устанавливает уровень окладов музейщиков или работников музыкальных школ. Но ничего — буду стремиться работать во всех направлениях.

— Категорию граждан, которую называют то «рассерженными горожанами», то «креативным классом» (мы в «Московских новостях» называем их «новой интеллигенцией»), вы для себя выделяете? Это ведь одни из главных потребителей культуры.

— Здесь я живу, работаю и не могу этот класс не замечать. Не хотел бы рассыпаться в излишних комплиментах среднему классу, но в принципе это одна из наших ключевых целевых аудиторий. Но не единственная.

Одно из совещаний, которые я проводил сегодня, касается изменений режима работы музеев. Например, Третьяковская галерея работает с десяти утра, а вход для посетителей — до 18.30. Я живу рядом, хотел с сыном сходить, но за год ни разу не смог — расписание просто не совпадает у нас. Недавно был в Иванове, там есть великолепный комплекс музеев, но работает он только по будням с 11 до 17. Получается, что музеи созданы для чего? Для пущей сохранности ценностей и удобства музейных работников? А должны ориентироваться, напротив, на удобство и интересы посетителей. Если мы говорим о «рассерженном горожанине», то как он может сходить в музей, если в 18.00 тот уже закрыт? В лучшем случае пойдет в кино, в худшем — выпьет пива. Поэтому мы сейчас смотрим, как можно изменить расписание — например, ввести лишний выходной, но при этом сделать так, чтобы два дня музей работал до девяти вечера. Возможны разные варианты.

— Кого вы можете назвать для себя авторитетами в культурной сфере?

— Не хочу называть фамилии, потому что министр культуры не должен активно афишировать свои личные вкусы. Авторитеты у меня есть, и я на них внутренне, конечно, ориентируюсь, но вкусовщиной руководствоваться не хочу.

— Вы часто говорите о недостатках исторического образования, в том числе и школьного. В новой должности попробуете что-то изменить?

— Нет, это прерогатива Министерства образования. Мы с [министром образования] Дмитрием Ливановым в частном порядке будем эту тему обсуждать, он очень здравый человек. Но от своих взглядов не отказываюсь.

«Воскресный вечер» с Владимиром Мединским^[17]

Владимир Соловьев: Следующий год объявлен в России Годом культуры. Государство обещает дать творцам больше денег и в обмен хочет получить единое культурное пространство. Между тем, уже сегодня возникла проблема с распределением средств. Режиссеры и критики спорят, какой именно фильм достоин господдержки, директора музеев борются за коллекции, а современное искусство просто увязло в скандалах. Государственные вложения — это благотворительность или идеологические инвестиции? Как вернуть России культурный суверенитет, а россиянам — звание самой читающей нации? В студии «Воскресного вечера» министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский.

Здравствуйте, Владимир Ростиславович. Я вас много раз видел в студии в качестве депутата, при этом вы были самый либеральный депутат от «Единой России». Как только вы стали министром, то негодующая молва окрестила вас самым консервативным министром действующего правительства, таким идеологическим цербером. Не обидно читать про себя всяческие более чем критические высказывания?

Владимир Мединский: А кем еще должен быть министр культуры? Мне кажется, что министр культуры как раз должен быть охранителем, он должен быть в хорошем смысле этого слова цербером. Ну не хулиганом же ему быть от культуры, понимаете? Поэтому наша задача — это... Можно много говорить о конкурентоспособности России, но совершенно очевидно, что в области культуры мы по-прежнему мировые лидеры. И очень важно, чтобы это мировое лидерство сохранялось и развивалось.

Владимир Соловьев: Что для этого надо делать? Как правило, жалуются на то, что мало денег. Это правда, что на культуру выделяется мало денег? Или не совсем так?

Владимир Мединский: Философский вопрос. Потому что с одной стороны, да. Когда мы смотрим долю федеральных расходов на культуру, они всегда очень незначительные, казалось бы, на фоне общего ВВП. Вместе с тем, общее финансирование культуры в стране построено таким образом, что основные деньги должны идти из регионов. Регионы не слишком богаты. В Москве это большие деньги, во многих регионах это небольшие деньги. Вообще в мире, надо понимать, есть три главных

модели отношений государства и культуры. Есть модель рыночная, это американская. Там государство культурой как бы не занимается. Этим занимаются специальные фонды, спонсоры, Голливуд независимый, и прочее. Вторая модель — это модель так называемой протянутой руки, когда государство объявляет гранты и дает тем, кто просит. Великобритания так работает. И третья модель — модель французская, шведская, финляндская, в какой-то степени российская. Это модель государственной поддержки и просветительства. Там есть министерства культуры, и они сознательно финансируют культурную политику. Специфика России в том, что в условиях ограниченного бюджета мы вынуждены опираться на третью модель, но сочетать все три.

Владимир Соловьев: *Переведите на русский язык. Очень умно, я ничего не понял. Так деньги есть или нет?*

Владимир Мединский: Деньги есть. Их мало, конечно, хотелось бы больше. Но я бы не хотел, как все мои предшественники, заниматься исключительно, знаете, плачем Ярославны, с утра до вечера: дайте денег, дайте в два раза больше, в три раза больше. В стране денег столько, сколько их есть.

Владимир Соловьев: *А когда вы пришли на министерство и посмотрели на состояние дел, что больше всего огорчило?*

Владимир Мединский: Меня огорчило то, что даже те возможности финансовые, которые есть, на мой взгляд, не всегда идеально используются. Использование денег может быть более целевым и более эффективным. Я приведу один пример — Росгосцирк. Это наследие, славное наследие советской эпохи. Росгосцирк был в СССР одним из самых прибыльных учреждений культуры. Сегодня это гигантское государственное образование, куда входят сорок два, по-моему, огромных федеральных цирка, расположенных в лучших местах лучших городов, является глубоко убыточным. То есть, он был убыточным на момент моего прихода. Ежегодная дотация Росгосцирку на корм животным и прочее составляла почти 1 миллиард рублей. Все, что зарабатывали они, куда-то растворялось. Цирки не ремонтировались никогда после краха СССР, вообще. Вот всего лишь год работы, мы провели конкурс, выбрали нового руководителя, жестче за этим смотрим. Всего лишь за этот год...

Владимир Соловьев: *Заметьте, вы не успели ничего сказать, но фраза «жестче» вызывает у людей желание аплодировать.*

Владимир Мединский: В общем, я могу сказать таким образом: мы начинаем ремонт восьми цирков, и мы выходим на прибыльность этого предприятия.

Владимир Соловьев: *То есть получается, без дополнительных денег?*

Владимир Мединский: Без единой дополнительной копейки.

Владимир Соловьев: *То есть, не дали воровать?*

Владимир Мединский: Ну, наверное, все равно воруют, но меньше.

Владимир Соловьев: *Воруют, но меньше. На культуре много воровали?*

Владимир Мединский: Ну, это не ко мне вопрос — к прокурору. Не могу сказать.

Владимир Соловьев: *А есть всегда хорошие симптомы: это когда, например, вы меняете механизм финансирования, и вдруг люди уходят с должностей сами.*

Владимир Мединский: Проблемы такие были в министерстве действительно, в паре департаментов после введения инструментов дополнительного финансового контроля, мы сделали дополнительный финансовый контроль сверх того, что было, и несколько поменяли систему финансирования, то есть сделали ее более прозрачной, более публичной, — действительно, были подразделения, где все сотрудники, причем очень толковые, что самое обидное — это толковые люди, — все одномоментно подали заявления. Сказали, что...

Владимир Соловьев: *Не интересно.*

Владимир Мединский: Не интересно. Вот никак. Не было никаких содержательных претензий, понимаете. Мы всем довольны, очень хорошо, спасибо...

Владимир Соловьев: *Зарплата? Спасибо. Оказывается, нам еще и зарплату платят? Не интересно.*

Владимир Мединский: Ну, это лирика, на самом деле это лирика. Действительно, страна уделяет огромное внимание культуре. В чем проблема была? В условиях постоянно ограниченного бюджета сформировалась система глобального кадрового кризиса в культуре. Есть звезды, я бы сказал даже, мегазвезды, это руководители наших крупнейших

учреждений, театров, музеев. Это лидеры мировой культуры. Даже сейчас со средним звеном есть проблемы. Просто не хватает, потому что мало денег, низкие зарплаты. А молодежи нет вообще. Ну как можно было привлечь молодежь на работу в Ленинскую библиотеку, если всего лишь год назад средняя зарплата в Ленинской библиотеке, лучшей, главной библиотеке страны составляла 20 тысяч рублей. Это для Москвы. Это значит, что зарплата молодого специалиста, приходящего туда после Историко-архивного института, будет 11 тысяч рублей или 12. При этом зарплата в районной библиотеке города Москвы — 35. Тут же. А Ленинская, по идее, — это вершина карьеры для библиотекаря. Перейти в Ленинку — через городскую и прочие. Немного усилий — и спустя год, сейчас, средняя зарплата в Ленинской сильно выше 40. Просто надо считать деньги. И я абсолютно убежден, что мы должны даже в Москве добиться того, чтобы переход из районного учреждения наверх, в федерацию — в Эрмитаж, Пушкинский музей, в Третьяковку, — был не только элементом престижа. Там, конечно, очень интересно работать, и многие ради интереса только работают в том же Пушкинском, при очень низких зарплатах до недавнего времени. Но это было элементом естественного конкурентного карьерного роста молодого специалиста.

Владимир Соловьев: *Мне тут на вас жаловались, сказали: вы ретроград и ничего не понимаете в скрипках. Ничего. Что это за печальная история?*

Владимир Мединский: Без комментариев. Не буду.

Владимир Соловьев: *Тогда я вынужден буду...*

Владимир Мединский: Я скажу так. У нас министерство культуры политически курирует систему детских музыкальных школ. Сейчас они называются детские школы искусств, поскольку там объединено много всего, не только музыкальное, но и художественное образование, и другие направления. Это уникальное преимущество, оставленное нам Советским Союзом. Уникальное. Я приведу один факт, насколько выгодно государству финансировать систему детских школ искусств. Знаете, в колониях для малолетних преступников доля попавших туда учившихся в музыкальной школе находится на уровне статистической погрешности. Вообще. А теперь представьте, что нам выгоднее — содержать музыкальную школу или содержать колонию для малолетних преступников? Я не знаю, чем это объяснить, но это так. И конечно, огромные проблемы с инструментами. Поэтому вот туда инструменты покупать надо. И много.

Владимир Соловьев: Я поясню зрителям. Владимир Ростиславович человек скромный. К нему обратился один очень уважаемый человек с требованием, чтобы государство выделило сумасшедшие деньги, мы говорим о десятках миллионов долларов, — на покупку четырех замечательных скрипок Страдивари. И когда министр вежливо заметил, что лучше бы это делать не на государственные деньги, а на деньги частных спонсоров, гражданин был возмущен, пошел жаловаться. Но суть-то другая. Думать надо о культуре, а не только о возможности...

Владимир Мединский: На самом деле, здорово, что у нас есть музыкальный Государственный музей Гнесиных, где находится фантастическая коллекция редких и древних инструментов, бесценная абсолютно. Кстати, звезда может взять оттуда, поиграть, потом вернуть. И конечно, здорово, когда в стране аккумулируются... Они бесценны, и они только дорожают. Но, на мой взгляд, есть другие приоритеты. И главная цель министерства, которое отвечает все-таки за культурную политику, это определять приоритеты финансирования. У нас не настолько много денег, чтобы мы с одной стороны размазывали их тонким слоем по пирогу, а с другой стороны, удовлетворяли пусть и правильные, но иногда, может быть, не самые своевременные амбиции даже самых великих и самых гениальных людей.

Владимир Соловьев: Вы сказали: определять приоритеты финансирования — то есть заниматься идеологией?

Владимир Мединский: Идеология — это слово, которое вызывает у некоторых наших либеральных... Я говорю «либеральных», потому что это не настоящие либералы, они достаточно нетерпимы. Либерал за свободу должен быть, а там какая-то странная нетерпимость, — вызывает такое отторжение. На самом деле, что такое идеология? Идеология — это набор идей. Мне кажется, что идеология как система взглядов, причем она может быть постоянно меняющейся, у меня в двадцать лет была одна идеология, в тридцать — другая, сейчас уже третья. Взгляды меняются вместе с жизнью, с опытом. Это та важная вещь, которая, в числе прочего, отличает человека, простите, от обезьяны. Если у тебя нет набора идей в голове о том, что такое хорошо, что такое плохо, что есть добро, что есть зло, что есть Бог, а что есть дьявол, — если у тебя нет мыслей об этом, то ты ближе туда, по Дарвину, туда. Этого не надо пугаться.

Владимир Соловьев: Но при этом у государства должна быть своя

идеология?

Владимир Мединский: Опять же, сложный вопрос. Мне кажется, что она объективно есть, просто не нужно делать ее, наверное, государственной идеологией. Потому что государственная идеология всегда отбрасывает нас к каким-то постулатам шестой статьи Конституции. Взгляды государства сформированы, как, например, сформулированы были взгляды, мне кажется, достаточно четко в выступлении Путина на Валдае — это есть абсолютно нормальное проявление государственной идеологии.

Владимир Соловьев: *Но когда министерство культуры общается с выдающимися творцами современности и определяет, кому из них выделить деньги на картину, — какие критерии, идеологические или...*

Владимир Мединский: Нет, идеологические — никогда. Вы знаете, критериев много, на самом деле. И мы стараемся, чтобы решения максимально принимались в открытой конкурсной и экспертной борьбе. Я приведу пример, как поменялась в этом году система финансирования государственной поддержки кино, один из примеров. До сих пор система была следующая. Желаящий получить госфинансирование на кино писал заявку, она попадала в черный ящик, дальше с ней что-то происходило, оттуда выходил ответ, без подписи. Анонимно. Анонимное голосование экспертной группы: ваша заявка не прошла. Или: ваша заявка прошла. Но какие там включались факторы при принятии решения, помимо известности и таланта режиссера, можно догадываться. При этом объемы государственной поддержки не малы. Например, в части документального кино на момент моего прихода в министерство государство выделяло деньги почти 500 документальным фильмам в год.

Владимир Соловьев: *А куда они все делись?*

Владимир Мединский: А вот не знаю. По центральному телевидению из них прошли — на пальцах одной руки, еще лишние останутся. Остальные куда-то девались, в архив. Бездонные архивы в Красногорске.

Владимир Соловьев: *Оказывается, выгодно быть кинодокументалистом?*

Владимир Мединский: Мы ввели системы открытого конкурса. Вы сдаете заявку, три экспертных совета эту заявку смотрят и дают свои рекомендации. После этого кто бы вы ни были, какие бы у вас ни были ранги — народный артист, заслуженный, — вы приходите на открытую защиту в Министерство культуры и публично, в присутствии прессы, — вы

знаете, там канал «Россия-24» даже показывал это в прямом эфире — защищаете свой проект. После чего идет открытое голосование. Мы знаем, как голосовали эксперты. И на основании всех этих процедур министерство выносит свой вердикт. Я могу сказать, что по итогам открытого питчинга в министерстве не было ни одного фильма, который бы получил единодушную поддержку всех и был бы потом отвергнут министерством, вне зависимости... Знаете, многие продюсеры не верили, они приходили и говорили: вы знаете, это же фильм, который очень жестко критикует власть, — ну на уровне действительно, губернатор, мэр — там негативные герои. Хотя сценарий эксперты сочли талантливым. «Мединский четко вычеркнет». Нет, получил. Вот этот фильм Кирилла Серебренникова, «Мы знаем взгляды Мединского-охранителя, Серебренников не пойдет». Но он занял объективно второе место на голосовании. И ни один из экспертных советов не нашел в сценарии ничего предосудительного. Он также получит государственное финансирование. И знаете, в этой системе попытаться договориться абсолютно невозможно, потому что надо договариваться с таким количеством людей, сидящих в зале и голосующих. Практически невозможно.

Владимир Соловьев: *Но государственное финансирование не обозначает, что просто мы берем и выкидываем деньги на кино? А как они вернутся в бюджет? Какой толк государству от этих вложений?*

Владимир Мединский: Опять же, начиная с этого года, мы пошли по следующему пути. Если раньше деньги на кино просто раздавались безвозмездно, причем, на мой взгляд, системы раздачи была на уровне плохого анекдота. Мы выделяли средства студиям-лидерам, хорошим студиям, толковым, — не спрашивая, что они будут за эти деньги снимать. Дальше студии снимали то, что они считали нужным, иногда это получались гениальные ленты, иногда это просто не выходило на экраны вообще, две копии. Содержанием не интересовался никто. Это называлось «прямое дотирование киноиндустрии». По этому же принципу можно раздать деньги строителям и сказать: ну вы следите в целом, чтобы фасады были приличные. А вопрос, какие здания мы будем реставрировать, за сколько денег, в каком порядке и почему — это вы там сами решайте, на уровне самоорганизации. Даже наши строители до этого не додумались. А вот здесь было именно так. Начиная с этого года, мы, во-первых, финансируем конкретные проекты, то есть надо защитить проект. Если ты лидер — одна система защиты, если ты начинающая студия, к тебе гораздо строже подойдут, потому что у тебя нет истории успеха. Но ты тоже

имеешь право пробиться к госфинансированию, чего раньше не было. Ну и второе: мы разделили деньги на несколько частей. Лишь одна часть из них — это безвозмездная поддержка, — мы вынуждены дотировать, мы ведь поддерживаем безвозмездно театры, понимая, что не окупается. Но другая часть — это стопроцентный возврат, и третья часть — это компенсация процентов по кредиту. То есть, ты можешь прийти в банк, и многие уже пошли, взять кредит, тут же получить у государства стопроцентную поддержку по процентам по этому кредиту и спокойно на эти бесплатные деньги в течение двух лет делать хорошее кино. В идеале, конечно, первая часть должна сокращаться, чтобы безвозмездно мы поддерживали дебютантов, авторское кино, может быть, фестивальные картины. А вот вторая часть, рыночная — максимально расширяться. Только таким образом мы выйдем на реальную рыночную структуру.

Владимир Соловьев: *Владимир Ростиславович, количество талантливых людей, работающих в культуре, очень велико, и у каждого из них очень сложный характер. И они все друг другом недовольны. Мы все наблюдали за баталиями в Большом театре, театральный мир, драматические истории вечные... Эрмитаж бодался за коллекции с Пушкинским... И все потом бегут к министру, естественно. И говорят: господин министр, ну... И если что-то сделал не так, говорят: плохой министр. Если сделал так, говорят: «У какой... можно разговаривать...» Какое ваше отношение к этим людям, как вам удастся этот террариум единомышленников направить на продуктивную работу?*

Владимир Мединский: Знаете, я просто искренне восхищаюсь этими людьми, и я стараюсь просто прислушаться. Потому что каждый из них в своем вопросе объективно — в театре, разбирается в сто пятьдесят тысяч раз лучше, чем министр. Поэтому надо просто слушать. Слушать его и слушать параллельные оценки. Опять же, приведу пример. Большой драматический театр, мы ведем огромную работу по его реконструкции, она должна закончиться в мае следующего года, это театр Товстоногова в Питере. И потратили на эту реконструкцию огромные деньги. Туда весной этого года был назначен новый художественный руководитель, молодой талантливый режиссер Андрей Могучий. И сразу создал нам массу проблем. Он отказался принимать почти готовый театр, категорически. Ну, практически в министерстве все рвали на себе волосы, говорят: вот не было проблем, возникла на пустом месте. Новый начальник, кто бы думал? И он ходил по всем кабинетам, убеждал, что потратив, — мне даже сумму страшно называть, — сколько на реставрацию, реконструкцию театра,

нельзя оставлять ту самую сцену, которая была в театре в девятнадцатом веке, потому что сейчас сцены другие в театрах. Они как в новой Мариинке. Ее можно ругать сколько угодно, новую Мариинку, на вкус и цвет товарища нет. Но технически это абсолютное совершенство. Сцена и так движется, и вот так, и вниз, и вверх, и одновременно можно держать декорации для четырех-пяти спектаклей, не меняя, ставить несколько постановок в течение дня. Он настоял на том, чтобы мы остановили реконструкцию, пересмотрели проект. Мы отправляли туда несколько комиссий. Выделили опять же, — никто нам денег не даст дополнительных, только если мы сами сэкономим на других стройках, поджав известный механизм. И выделили дополнительные средства на полную переделку сцены. Скажу честно, вот когда мы видим, что у талантливого человека душа болит за дело, он там готов сидеть в этой яме, копать со строителями, — потому что он хочет сделать выдающееся современное учреждение, — мы всегда и во всем поддержим.

Владимир Соловьев: *Но при этом вы, говорят, не любите современное искусство, требуете различать современное искусство от Contemporaryart и считаете, что это все обман граждан и бездумное использование денег.*

Владимир Мединский: Это знаете, опять же, культурологический спорт. Там есть понятия Modernart, Contemporaryart, — я вникать в это не хочу. Я просто хочу сказать, что... Кстати, в целом финансирование по статье «современное искусство» в министерстве за последний год выросло. И я, наверное, больше был на мероприятиях по современному искусству, чем даже, боюсь, те мои предшественники, которые его меньше критиковали. Потому что мне очень интересно посмотреть, что это. Мне просто кажется, что современное искусство разное. И собственно, все, что я говорю, прошу цитировать дословно. Это не то, что оно плохое или хорошее, — оно разное. И надо понимать, что современное искусство — это не только какие-то кубики, черточки или там груды битого кирпича, как в Манеже на Московской биеннале сейчас. Не хочу осуждать, кому-то нравится. Или там сложенная стопками...

Владимир Соловьев: *Если кому-то нравятся груды битого кирпича, я могу дать несколько адресов, где можно посмотреть, не отправляясь в Манеж. Вот чего-чего, а грудой битого кирпича россиянина не удивишь!*

Владимир Мединский: Поскольку наше министерство профессионально занимается реставрацией, то я дам список адресов на

много страниц, причем по всей стране, не выходя из дома можно посмотреть, очень артистично и качественно разложено. Но дело не в этом. Там есть, например, ряды, выложенные китайскими каким-то тапочками и коробочками, и в этом есть некая философия, может быть, не всем понятная. Но я просто хочу сказать, что современное искусство этим не исчерпывается. Современное искусство — это не только эпатаж, современное искусство — это балет Эйфмана, я был на прошлой неделе. Это современный балет, это современное искусство. А позавчера я был на новом спектакле Льва Додина, бесподобная абсолютно Ксения Раппопорт, такое довольно нетривиальное прочтение Шиллера. Это современное искусство, понимаете? И когда мы идем в цирк братьев Запашных, которые возглавили сейчас московский Цирк на Вернадского, который будет впервые ремонтироваться в следующем году, мы должны понимать, — это современное искусство. Просто надо смотреть на это шире. И государство, когда поддерживает современное искусство, должно понимать, что это будет не только китайские тапочки в рядок, — оно просто больше.

Владимир Соловьев: *С вами пытаются бороться разными образами. Известно, что вы замечательный популярный писатель, популяризатор российской истории и борец с мифами. Доктор наук. Вашу докторскую проверяли?*

Владимир Мединский: Да. Вы знаете, поскольку проверка диссертации — специальная такая платная программа, мне руководитель одного из учреждений даже сказал, что учреждение немало заработало. Как только меня назначили министром, несколько десятков интересантов за деньги внимательно проверили мою докторскую. Ничего не нашли.

Владимир Соловьев: *Вынужден уже в режиме блица, так как время заканчивается, а вопросов к вам миллион. Теперь, когда вы Авгиевы конюшни постепенно стали расчищать, и финансирование стало доходить действительно до тех, кому деньги нужны, и не позволяете воровать, и произвели гигантскую кадровую смену в министерстве, — и кто-то, наконец, стал не только слушать, но и слышать деятелей культуры. У вас еще гигантский тяжелейший блок, связанный с туризмом. Как сделать Россию туристической державой?*

Владимир Мединский: Да, действительно, у нас в отношении туризма... У нас все хорошо с выездным туризмом, понимаете. Некоторые страны, как-то Турция, только на этом и живут в значительной степени. Но проблема большая с въездным туризмом, проблема с внутренним

туризмом. Для этого, конечно, одних административных усилий недостаточно. Для этого нужно развивать инфраструктуру, это в первую очередь задача регионов, и мы через Ростуризм софинансируем региональные проекты, активно нацеленные на развитие туризма. Грубо говоря, за бюджетный счет мы подводим трубу и дорогу, а вот гостиницу построй сам. Мы впервые в этом году начали новый проект, опять же полностью из сэкономленных денег, поскольку на это никогда не выделялось ни копейки и не должно, наверное, выделяться специально. Начали проект по развитию детского туризма. В этом году в пилотном режиме 18 тысяч детей из России бесплатно поедут на несколько дней в Петербург. Причем, чтобы правильно меня поняли, это не поход по ночным клубам старшеклассников. За эти несколько дней полностью оплачены гостиница, дорога, — это за несколько дней посещение обязательно новой сцены Мариинского театра, Эрмитаж, Русский музей, Петергоф, Пискаревское кладбище.

Владимир Соловьев: *Идеологическая программа?*

Владимир Мединский: Ну, в общем, да.

Владимир Соловьев: *Программа воспитания патриотов.*

Владимир Мединский: Владимир, если это идеология, то я за такую идеологию.

Владимир Соловьев: *Ну что же, к сожалению, вынужден ставить точку, хотя хочется поставить многоточие. Обещайте, что придете к нам еще. Потому что множество вопросов остались не спрошенными. И я представляю, какое количество критиков напишут в своих отчетах: «Ха, министр культуры! А в начале-то стал говорить о цирке! Вот что для него самое важное из искусств!»*

Владимир Мединский: Но мы еще и про кино поговорили.

Владимир Соловьев: *И не сказали ничего о чтении, хотя об этом у нас еще будет возможность обязательно поговорить. Спасибо, Владимир Ростиславович.*

Владимир Мединский VS Владимир Познер

Министр культуры РФ Владимир Мединский отвечает на вопросы Владимира Познера^[18]

Владимир Познер: В эфире программа «Познер». Гость программы Владимир Мединский, министр культуры РФ, член высшего совета Единой России, дважды член Государственной Думы 4 и 5 созыва. Писатель, профессор МГИМО, дважды доктор наук, исторических и политических. Добрый вечер.

Владимир Мединский: Добрый вечер.

Владимир Познер: Я ничего не забыл?

Владимир Мединский: Нет.

Владимир Познер: Ну, отлично. Вы уже полгода работаете в качестве министра культуры, и когда вскоре после вашего назначения в этой программе был премьер Медведев, у нас состоялся обмен мнениями по вашему поводу.

Должен задать конкретный вопрос, есть назначение, которое многих поразило, в частности скажем назначение господина Мединского министром культуры. Это ваш выбор?

Дмитрий Медведев: Это мой выбор, я считаю, что это человек с хорошим потенциалом, а самое главное он энергичный, мне за последнее время надоели министры, которые иногда спят на заседаниях.

Владимир Познер: Энергия может идти в разные стороны.

Дмитрий Медведев: Будем надеяться, что в конструктивную сторону пойдёт, в мирных целях будет использоваться, если будут какие-то проблемы, вы мне расскажите.

Владимир Познер: Обязательно.

Я хочу сказать, что я пока не обращался к Дмитрию Анатолиевичу, но я надеюсь, что он смотрит сегодняшнюю программу, я думаю, что это

может что-то даст. Вы знаете, конечно, что ваше назначение вызвало разные отклики, причём от крайне положительных до крайне отрицательных. Для наших зрителей я хотел бы дать два примера. Политолог Сергей Черняховский писал так: «Назначение Мединского, политика по роли и политолога по специальности, означает признание политической роли не только Минкульта но и самой культуры, у него есть шанс стать неким новым Луначарским, стать создателем новой культурной политики в стране, где четверть века никакой культурной политики не было вообще». Вот такой позитивный отклик, а теперь другой пример — это Андрей Зубов доктор исторических наук, профессор МГИМО и автор двухтомника «История России 20 век», он писал так: «Мы возвращаемся к пагубному состоянию страны, которое было долгое время до революции, от него мы отошли только после революции 1905 года, затем оно вернулось с советской властью, и от него мы, слава Богу, вновь ушли в эпоху перестройки, и окончательно порвали в 1991 году, это состояние очень много вреда принесло нашему обществу, сделало его детским, не взрослым, безответственным. Мне кажется сейчас, мы возвращаемся к нему, назначая таких людей, очень характерных людей, во главу, так сказать, самого духовного министерства современной России, министерства культуры». Как вы думаете, почему ваше назначение вызвало такие противоположные, непримиримые оценки?

Владимир Мединский: Это вполне естественно. Дело в том, что я действительно долго работал в Государственной Думе и в партии, был достаточно публичным человеком, как публицист, и никогда не скрывал своё мнение. Не говорил «без комментариев», что для политика и депутата естественно. Поэтому есть те, кто мою позицию, как депутата поддерживали, есть те, кого она раздражала. Я думаю, что гораздо хуже, когда любое назначение воспринимается с абсолютным равнодушием, хотя честно говоря, я сейчас послушал цитату коллеги Зубова, профессора МГИМО, я так и не понял, какая связь между мной и пагубным возвращением куда-то страны.

Владимир Познер: Вы его спросите, вы коллега, вы его увидите, задайте ему вопрос. Определяя, что такое культура вы говорите так: «Культура — это цели, ценности и картина мира, мне бы хотелось, чтобы у всех нас культура стала общей с одними целями и ценностями, потому что только вместе мы сможем сделать нашу страну самой удобной для жизни, при всём её былом, нынешнем и будущем величии». Это вы недавно сказали, это было в октябре этого года. У меня сразу три

вопроса. Первый: согласны ли вы с тем, что никогда ни в прошлом, ни сегодня Россия не была страной самой удобной для жизни?

Владимир Мединский: Сложный вопрос, мы ведь не жили в разные времена, я думаю, что Россия для разных категорий граждан представляла разную степень удобства.

Владимир Познер: *Спора нет, но когда вы сами употребляете выражение: «сделать нашу страну, самой удобной для жизни», вы говорите о чём-то общем, и я задаю вопрос: не кажется ли вам, что никогда Россия самой удобной страной для жизни не была прежде и пока ещё и не является?*

Владимир Мединский: Я думаю, что в России были периоды, когда она сравнительно более удобной страной, чем соседи, но самой ли удобной, такой рейтинг никогда не проводился.

При всех колоссальных минусах России до 17 года, (мы их знаем, бесконечно можно перечислять проблемы от татаро-монгольского ига до крепостного права), тем не менее, есть любопытная статистика. Статистика заключается в том, что как ни странно по совокупности на начало XX века, по количеству эмигрантов, то есть приезжающих в страну, Россия занимала 2 место после США, причём в Россию также переселялись целыми народами, калмыки например. Почему это происходило? Это не говорит о том, что Россия была раем, землёй обетованной, ни в коем случае, но по сравнению с какими-то соседними режимами, условиями, территориями эта страна была более удобная, как Америка была более удобная для протестантов, квакеров.

Владимир Познер: *Потому что их там не преследовали. В чём на ваш взгляд, заключается величие России сегодня?*

Владимир Мединский: Вы ставите бесконечно тяжелые вопросы. Мне кажется, что главное величие России, я постараюсь серьёзно ответить, заключается в том, что несмотря на жуткую мясорубку XX века, и несмотря на бесконечную череду генетического отбора, через который в силу массы объективных и субъективных факторов Россия прошла, она сохранилась и она сохранила свою идентичность и даже сохранила потенциал развития. Мне кажется, величие именно в этой нечеловеческой выносливости наших людей.

Владимир Познер: *Понимаю, просто мне интересна ваша точка зрения. И наконец, третий вопрос. Как может культура стать общей, в*

стране, где проживает множество народностей, с совершенно разными культурами, разными языками, разными религиями.

О какой общей культуре может идти речь в такой стране?

Владимир Мединский: Речь идёт об общекультурных ценностях, безусловно. Мне кажется, что Чайковский велик вне зависимости от вероисповедания.

Владимир Познер: Он велик для американцев, для французов.

Владимир Мединский: Безусловно, но это наш, русский композитор и мы этим гордимся. Когда мы говорим о музыке, о театре, о кино — это общекультурные ценности. Это не говорит об унификации культуры, это разные вещи.

Владимир Познер: Я понимаю, но вы же говорите: «Хотелось бы, что бы культура у нас всех стала общей, с общими целями и ценностями». Видимо она не является такой, если хотите, что бы она стала. Тогда что не так?

Владимир Мединский: Культура всегда претендует на общечеловечность, по крайней мере, в высших достижениях так происходит, я уверен в том, что культура является один из факторов, которые стирают противоречия, объединяет людей. Люди могут быть очень разными, но им нравится одна и та же музыка, одни и те же писатели, нравятся одни и те же картины. И тогда эти люди находят общие интересы и общие темы для разговора на кухне, для дружбы.

Владимир Познер: Согласен.

Владимир Мединский: Культура это такой цементирующий фактор. Нам сложнее, чем французам. Французы как единая нация сформировались достаточно давно, а мы не сформировались, и, наверное, никогда не сформируемся, у нас абсолютно другого типа страна. Поэтому одним из цементирующих факторов в многонациональном государстве может быть культура.

Владимир Познер: Вы утверждаете, и я цитирую вас, что «в новых условиях, Министерство культуры не должно быть цензором или пропагандистом, самое близкое нам амплуа „менеджер“». Вместе с тем, вы говорите: «Цензура нужна, но только не до, а после и не политическая, а нравственно-духовная». Я хотел бы сказать, что мы уже слышали, скажем, о демократии управляемой, о демократии суверенной. Хотя мы

прекрасно знаем, что демократия — это демократия, и где бы она ни была, ей свойственны определенные черты, как мне кажется, цензура это цензура, и как её не украшай разными прилагательными — это цензура. Всё-таки вы за цензуру, называйте её, как хотите, или нет, потому что это важнейший вопрос. И именно цензура, вы понимаете, о чём я говорю.

Владимир Мединский: Не могу не процитировать вашу книгу, про то, как телевизионный менеджер, снимая программу с эфира, американского, там было очень грубо, называйте, как хотите...

Владимир Познер: Вы за это?

Владимир Мединский: Нет, знаете, там была цензура, потому что снимали программу с эфира...

Владимир Познер: После.

Владимир Мединский: Снимали программу с эфира. Я глубоко убежден, что наша страна никогда не должна вернуться к той эпохе, когда существовала цензура, когда существовали художественные советы, которые решали, имеет ли право творец предъявить публике своё творение, либо нет. Когда я говорил о духовно-нравственной цензуре после, давайте назовём этой фигурой речи, я имел в виду, что гражданское общество, всегда имеет право спросить, в том числе и СМИ — вы знаете, решать вам, но нам кажется, что это перебор — выразить свою позицию.

Владимир Познер: Это мнение. Тут нет даже вопроса никакого. Совсем недавно вы сказали, что государство вправе влиять на содержание фильмов, которое само же и финансирует. Сказали так: «Мы считаем, что имеем право от имени народа, сказать, да мы хотим фильм о Бородино, мы не хотим фильм о ваших духовных терзаниях». Так вы сказали, обращаясь к киносудейкам, считая, что это естественно, государство должно платить за то, что оно считает целесообразным в данный момент, добро.

Владимир Мединский: Это сильно творчески обработанная цитата.

Владимир Познер: Нет, я вас уверяю, я этим не занимаюсь.

Владимир Мединский: Не ваша, это вы цитируете речь, процитированную кем-то ещё...

Владимир Познер: Это Лента. ру.

Владимир Мединский: Давайте проясним, в отношении духовных

терзаний. Я сам чуть-чуть писатель, и я скажу вам так, что без духовных терзаний, переживаний, пропускания через себя художественных образов, или если это просто публицистика, история, ничего дельного никогда не получится.

Любое талантливое произведение есть плод бесконечного духовного надрыва автора. Знаете, тут, как говорится, от «Реквиема» до рассказов Чехова, но если говорить о правах государства, то, безусловно, государство, тратя государственные деньги, деньги налогоплательщиков на те либо иные сценарии, безусловно, имеет права сказать, о чём примерно должны быть эти фильмы.

Вот вы, когда заказываете дома ремонт, вы, наверное, приглашаете дизайнера, и не говорите вот ключи, вот деньги, сделай как нравится и уходите. Вы пытаетесь утвердить дизайн проекта, пытаетесь представить, как это примерно будет выглядеть. Степень влияния государства на киноиндустрию крайне преувеличена, максимум, о чём идёт сейчас речь, о том, что в результате социологических опросов, мнений экспертов сформирован десяток тем, общих тем на которые должны сниматься фильмы. И дальше мы говорим, просим вас, если вы хотите получать больше оснований на получение государственного заказа, придерживайтесь примерно этих общих тем.

Владимир Познер: Мне интересно, что за темы, вы можете привести пример.

Владимир Мединский: Хорошо приведу пример. Поскольку приближается 68-летие Победы, то в рамках этих общих тем, есть тема о малоизвестных страницах Великой Отечественной войны, вот так называемый государственный заказ. Вы можете предложить о малоизвестных страницах похода князя Святослава против половцев, но в связи с этой датой...

Владимир Познер: Я могу предложить вам тему Великой Отечественной войны, которая вам не понравится. Это будет Великая Отечественная война, но та сторона, которая лично вам, или министерству в вашем лице не понравится. Например, про Власова, мало ли о чём я могу сделать, и тогда вы мне не дадите денег.

Владимир Мединский: Я хочу вас расстроить, я не читаю сценарии.

Владимир Познер: Вы принимаете это решение, когда говорите государство?

Владимир Мединский: Нет, существует коллегия экспертов, которая голосует и принимает решение. Но до того процесс принятия решения был следующий. Приходит автор, уже с написанным сценарием, о чём-то о своём, и говорит: я хочу снять кино, дайте мне государственную поддержку. Оформляется заявка, эта заявка попадает в чёрный ящик, эксперты голосуют анонимно, после чего чёрный ящик открывают, и ваш сценарий не прошел.

Владимир Познер: Скажите, эксперты это кто такие? Кто их выбрал?

Владимир Мединский: Когда я пришёл в министерство, они уже были.

Владимир Познер: Вы даже не знаете, откуда они взялись?

Владимир Мединский: Состав их постоянно ротируется, там профессора ВГИКА, ГИТИСА, режиссеры, скажу честно, я вам сейчас ни одну фамилию не назову.

Владимир Познер: Вы понимаете, что неизвестные вам эксперты, не вами подобранные, за меня и за вас, и за зрителя, заранее прочитав сценарий, принимают решение, будете ли вы помогать в производстве этого фильма.

Владимир Мединский: Вы предлагаете другой формат, чтобы сценарий читал министр культуры?

Владимир Познер: Да, у меня есть другой формат, есть такой. Выделяется некая сумма на поддержание кино, и это решают сами киношники, но государство при этом помогает. Как во Франции, которая не решает тематику.

Владимир Мединский: Во Франции не такой формат, хочу вас расстроить, я только несколько дней назад общался с министром Франции.

Владимир Познер: Я имею в виду поддержания кино не на основании содержания фильма.

Владимир Мединский: Я вам рассказываю, как во Франции происходит. Во Франции существует довольно жёсткая система поддержки национального кино, жёсткая и многоуровневая. От ненавидимых всеми квот, в прямом или косвенном виде, до того, что телеканалы отчисляют часть выручки от рекламы в фонд кино. Вплоть до того, что в конкретные

дни ограничен показ фильмов на телевидении, потому что в эти дни французы должны пойти с семьёй в кино и так далее. Поэтому просто бросить деньги в кинособрешество и сказать решайте сами — это киноутопия. На самом деле, мы разделяем разные уровни финансирования кино, мы поддерживаем авторское кино, мы поддерживаем дебютное кино, мы поддерживаем творчество выпускников вузов, кстати, впервые со следующего года выпускники ВГИКа получают возможность (такого не было даже в советские годы), получают возможность сами, это не решает государство, снимать крупномасштабное кино, которое будет иметь шансы выйти на большой экран.

Владимир Познер: *Замечательно, но это не снимает того о чём мы говорили раньше.*

Владимир Мединский: То о чём мы говорили раньше, называется социально значимые фильмы, отвечающие интересам государства. Их размер не велик.

Владимир Познер: *Меня всегда интересует, а кто такой — государство — в данном случае.*

Владимир Мединский: Это мы с вами.

Владимир Познер: *Я к этому не имею никакого отношения. Насчёт кино, коротко, вы недавно признали, что доля отечественного кино в 2012 году упала на 15 процентов, основное — Голливуд. Увы, и ещё упадёт, вторит вам декан высшей школы телевидения МГУ Виталий Третьяков, он говорит: «Потому что отечественное кино такое и эти проценты набираются среди невежественной молодёжи». Так считает он. Как вы думаете, почему россияне так слабо ходят на российское кино, и так любят голливудское, в чём загвоздка?*

Владимир Мединский: Очень много причин, начиная с того, что на голливудское кино попасть проще. Если вы придёте в кинотеатр, то увидите, что голливудских сеансов гораздо больше. Голливуд умеет продавать свои фильмы, продвигать свою продукцию. У них для этого больше денег и технологий. А мы умеем хуже. Во-вторых, мы мало производим качественных кассовых фильмов. В-третьих, у нас мало кинотеатров.

Владимир Познер: *Кинотеатров?*

Владимир Мединский: Да. У нас их мало.

Владимир Познер: *Но голливудские фильмы в наших театрах идут, не в чужих же. Они же не в Америке ходят эти люди. Российский зритель находится в России.*

Владимир Мединский: Кинотеатры, в которых идут голливудские фильмы, дорогостоящие, с дорогими билетами, с Dolby Surround и так далее — это удел в большей степени крупных городов. Огромная киносеть, которая существовала в Советском Союзе, сейчас не работает.

Владимир Познер: *Скажите, Вы можете согласиться, что при прочих равных, если Вы спросите: вот российское кино, вот американское кино, какое Вы хотите? Американское выиграет?*

Владимир Мединский: Выиграет хорошее кино. Я убежден, что выиграет хорошее кино.

Владимир Познер: *Но для этого надо сначала посмотреть его. Априори выбор будет здесь. Нет?*

Владимир Мединский: Думаю, что нет. Я уверен, что имеет шансы победить хорошее кино. И наша задача сделать так, чтобы это хорошее кино дошло до экранов.

Владимир Познер: *Как Вы думаете, почему, как сообщила «РИА-Новости», расходы федерального бюджета на культуру и кинематограф в 2013 году должны сократиться на 2,5 % по сравнению с нынешними? Это что такое происходит? Ведь культура и так всегда по остаточному принципу финансировалось, а сейчас еще хуже будет? В чем дело, как так понимать?*

Владимир Мединский: Это неправда, расходы на культуру в 2013 году вырастут.

Владимир Познер: *А, это ошибка «РИА-Новости»?*

Владимир Мединский: Ну, они просто смотрели предварительные прикидки бюджета. Расходы на культуру в 2013 году, несмотря на достаточно жесткий бюджет, который у нас есть, вырастут. Причем они вырастут и в абсолютных цифрах. Мы в 2012 году тратили достаточно много денег на крупные федеральные стройки, этих строек становится меньше и у нас остаются деньги на другие направления развития.

Более того, нам удалось, благодаря поддержке руководства страны, увеличить финансирование в части заработной платы работников

федеральных учреждений культуры и мы сейчас отработываем схему вместе с регионами, чтобы это повышение шло синхронно.

Владимир Познер: Скажите, пожалуйста, по сравнению с этим годом, на какой процент все-таки вырастут бюджетные финансирования?

Владимир Мединский: Надо посчитать внимательно. Заработная плата складывается из нескольких источников: федеральное дотирование, внебюджетные источники и так далее. Вот федеральная часть где-то на 25–30 %. Это очень большие деньги, такого повышения не было никогда за последние 20 лет.

Владимир Познер: Вы довольно часто публично и весьма жестко высказываетесь относительно того, как должна поступать власть. В феврале этого года за несколько месяцев до того, как Вы стали министром культуры, Вы сказали следующее: «Нужна реформа системы власти. На требование общества надо дать ответ. Но дать не „уступками“ и косметическими мерами, а полноценной реформой политической системы. Провести ее уже весной-летом. Или Россия будет Путиным преобразована, или нас ждет катастрофа. Никаких еще шесть лет судьба ни ему, ни нам не даст. Мы просто не имеем права профукать этот, возможно последний для России, исторический шанс».

Значит, на мой взгляд, я никакого серьезного политического изменения не вижу. Особо никакой реформы я не вижу. Означает ли это, что мы профукали этот шанс? Как это понимать?

Владимир Мединский: Нет, не означает. Реформы идут. Я сейчас компетентен говорить за ту отрасль, которую мне доверили. Мы эту отрасль реформируем. Дело в том, что в культуре сложилась уникальная ситуация. Все преобразования последних 20 лет, отрицательные и положительные, они как бы прошли мимо отрасли.

Владимир Познер: Вашей отрасли?

Владимир Мединский: Так получилось, да. В этом есть свои плюсы, есть свои минусы. Когда я только пришел на работу, то мне замы, опытные старые чиновники, со смехом сказали: «Вы знаете, если бы на Ваше место сейчас пришла Фурцева, то она бы дня за два освоилась и продолжала бы успешно работать, потому что практически ничего не изменилось». И перед нами действительно большой вызов. Деньги не огромные отпускаются на культуру. Культура — это наше колоссальное конкурентное

преимущество. Даже возьмем образование в сфере культуры, оно уникально. Мы должны эту отрасль модернизировать.

Владимир Познер: *Вы поймите, я ведь цитирую Вас и стараюсь очень точно воспроизвести то, что Вы сказали. Вы говорили о полноценной реформе политической системы. Не министерства культуры, а политической системы. И говорили, что это должно быть уже весной-летом этого года. Этого не было весной-летом этого года. И пока этого нет. Полноценной реформы политической системы. И говорите, что если этого не будет, то может быть очень плохо. Может быть, Вы передумали? Чуть-чуть другая оценка? Ведь этого нет, согласитесь.*

Владимир Мединский: Я скажу Вам откровенно, что где-то с декабря по март этого года... Сейчас мы как раз «отмечаем» год, как были митинги на Болотной и так далее. Нам казалось, что все проблемы решаются очень легко. Нам казалось, что нам надо принять раз-два-три решения и все можно сделать. Знаете, я август 91-го года провел в Белом доме, все эти ночи среди защитников.

Владимир Познер: *Да, я был на улице.*

Владимир Мединский: Вот видите, мы могли увидеться. Я тоже выбегал на улицу, я листовки раздавал. Я работал в газете «Россия». Жизнь оказалась гораздо сложнее и труднее. Придя в Министерство культуры, я тоже посмотрел, как работает система и понял, что можно, конечно, помахать шашкой, но что дальше?

Владимир Познер: *Хорошо. То есть все оказалось намного сложнее, чем Вы ожидали?*

Владимир Мединский: Намного сложнее и намного тяжелее. Любые такие резкие действия, как за один день, они могут принести вреда отрасли больше.

Владимир Познер: *То есть, когда Вы снаружи, кажется, что все гораздо проще, чем когда Вы внутри.*

Владимир Мединский: Точно.

Владимир Познер: *Вы коснулись митингов. Как-то Вы сказали по поводу митингов чрезвычайно интересную вещь, говоря о тех, кто принимает в них участие: «Их цели совершенно не совпадают с целями организаторов. Они не рвутся к власти. Это люди состоявшиеся, с*

мнением, с чувством собственного достоинства. Они сами привыкли соблюдать правила и хотят, чтобы это делали те, кто ими правит. Вот этого власть зачастую не понимает, отсюда нелепые попытки занижить число участников, отсюда натянутые обвинения в финансировании протестующих Госдепом. Понятно, что подобные заявления рассчитаны на бабушек в Красноярске, но, во-первых, бабушки не знают, что такое Госдеп, а во-вторых, лучшего способа оскорбить людей, которые пришли высказать свою гражданскую позицию, окончательно оттолкнуть их от себя, просто нет».

Вы отдаете себе отчет, что то, что Вы тут говорите, эту точку зрения не разделяет большинство ваших коллег по партии, и я думаю, что ее не разделяет и Президент страны?

Владимир Мединский: Вы сейчас процитировали мою статью в газете «Известия», которая вышла буквально на следующий день или через день-два после первого митинга на Болотной. И кстати, вот это занижение цифр действительно на первом этапе было.

Владимир Познер: Конечно.

Владимир Мединский: Зачем? Я не понимаю. Я писал о том, и я убежден в этом, что необходимо четко отделять те тысячи людей, которые принимали участие в митингах...

Владимир Познер: Десятки тысяч.

Владимир Мединский: Десятки тысяч, да. От тех десятков организаторов, которые на выходе... Ну, это политика. Каждый преследует свои личные либо узко-корпоративные эгоистичные цели. И шельмовать участников этих митингов было абсолютно неправильно. Кстати, обратите внимание, что сейчас митинги проходят совсем по-другому. Почему это произошло, как мне кажется? Это произошло потому, что десятки тысяч людей увидели, что их собственно никуда не ведут. Понимаете? Они вышли раз, второй, пятый. А что предлагается? А какой конструктив, кроме как прорвать милицееское заграждение на Большом каменном мосту? А кто будет работать?

Вы знаете, я одного из известных деятелей оппозиции пригласил в Министерство на очень важную должность.

Владимир Познер: На какую? Вы можете должность назвать, но фамилию человека не называть, чтобы понять, что это важная должность.

Владимир Мединский: Этот человек, которого я уважаю как специалиста.

Владимир Познер: *Вашим личным заместителем?*

Владимир Мединский: Руководителем Общественного совета Министерства культуры. Я очень уважаю этого человека как специалиста, как эксперта. Не был лично знаком, по телевизору смотрел. Специально прочитал с десятков выступлений и статей этого специалиста, и долго уговаривал. Человек отказался. Я очень расстроился. Расстроился не просто потому, что потерял или не приобрел умного и ценного союзника, а расстроился потому, что подумал: «А ведь действительно, может быть и правы те люди, которые говорят, что оппозиция не хочет работать?»

Владимир Познер: *А кто это говорит?*

Владимир Мединский: Они хотят критиковать со стороны. Для меня это было большим разочарованием.

Владимир Познер: *Владимир Ростиславович, мы же говорим не о руководстве, это другая группа людей. Вы говорили, на мой взгляд, очень правильно о тех, кто просто шли на митинги. И о том, как их оценивать. Как мне кажется, Ваша оценка не совпадает и по сегодняшний день с оценкой Ваших товарищей по партии и не только их оценкой.*

Владимир Мединский: Эта статья в «Известиях» в какое-то время опубликовалась, потом это обсуждали какое-то время в интернете, а потом совершенно неожиданно спустя неделю появилась на титульном листе, как передовица, на сайте партии «Единая Россия». Это говорит о том, что эта оценка действительно совпадает со мнением многих моих товарищей.

Владимир Познер: *История. Предмет, которому Вы уделяете внимание, Вы доктор исторических наук и вообще видимо историей интересуетесь.*

Владимир Мединский: Я просто люблю историю.

Владимир Познер: *Да. Эта тема вообще привлекает в России очень пристальное внимание, являясь предметом яростных споров. Вы говорите: «У нас одна страна. Ее граждане должны как канон знать одну историю». Это как понимать? Как историю фактов? Например, Колумб открыл Америку в 1492 году. Или как толкование фактов, как было в Советском Союзе? Вы что имеете в виду, когда говорите: «Одна*

история»?

Владимир Мединский: Я имею в виду следующее: уровень и объем преподавания истории у нас в школе и в вузах особенно, крайне недостаточный. Дети вообще историю не знают. Дети, да и студенты не знают. Я сам преподаю в вузе и сталкиваюсь с этим постоянно, поэтому необходимо, чтобы была некая каноническая линейка фактов, событий, героев, которая преподается в школе, и которая известна всем. В школе преподается, что Александр Невский — герой. И рассказывается об этом подробно, серьезно и обоснованно.

Владимир Познер: *Так.*

Владимир Мединский: Вместе с тем есть точка зрения некоторых экспертов, которые считают, что Александр Невский был татарским прихвостнем. Поместить в голову пятиклассника...

Владимир Познер: *Почему пятиклассника? Десятиклассника.*

Владимир Мединский: Шестиклассника. Александр Невский изучается не в десятом классе, а гораздо раньше. Поместить эти точки зрения — это значит, человека запутать, не дать ему никаких знаний на выходе и просто поступить крайне несправедливо по отношению к нашему национальному Пантеону. Поэтому я считаю, что должна быть единая историческая линейка и абсолютная свобода узнать любую другую информацию в книгах, на телевиденье, в интернете. Как мы это ограничим? Никак. И не нужно это ограничивать. Но нужно повысить само качество преподавания истории.

Владимир Познер: *Но Вы сами понимаете, что есть экзамен и на экзамене надо отвечать то, чему тебя учили. И если тебя учили, что Александр Невский национальный герой, а ты говоришь: «А Вы знаете, у меня такое впечатление, что он, конечно, герой, но с другой стороны, он татарам поклонялся» и так далее. Я получу два балла или что-нибудь в этом духе. Вам не кажется, что может быть, вообще эту историю... Вот не древнегреческую, не Рим, а вот эту свою историю надо начинать учить, когда человек более сознателен, когда он может думать больше. Где-то с 8-9-го класса, а не с 5-го, когда на самом деле трудновато? Может быть, в этом дело?*

Владимир Мединский: На самом деле, вообще историю учить надо больше и лучше.

Владимир Познер: *Хорошо.*

Владимир Мединский: У нас сам принцип такой, мы сначала учим историю Древней Греции.

Владимир Познер: *Да.*

Владимир Мединский: Потом нашу, потом... То есть она изучается отрезками. В результате, мы прекрасно знаем, как зовут мушкетеров, и как звали кардинала, но вы спросите школьника, назовет ли он вам фамилию одного государственного или политического, военного деятеля современника д'Артаньяна в России?

Владимир Познер: *В России?*

Владимир Мединский: В России. Для нас история разорвана, мы эти вещи не соотносим.

Владимир Познер: *Тут я с Вами согласен. Вы помянули французов, Наполеон Бонапарт, не самый глупый человек, как-то сказал так: «История — это согласованный набор вранья». Ну, понятно, что он имел в виду, и он имел в виду не сам исторический факт, хотя некоторые факты тоже сомнительные и не являются такими, но толкование факта. Когда Вы говорите об одной истории, только что мы говорили, которую наши граждане должны как канон знать, Вы, очевидно, исходите из того, что, может быть, одно только толкование в школе, одно толкование факта, то есть ребенку, учащемуся, не следует говорить, что факт такой, но есть разные точки зрения?*

Владимир Мединский: В зависимости от возраста. В пятом классе — точно нет. Может быть, в десятом-одиннадцатом... Кстати, академик Покровский, основатель большевистской историографии, говорил еще более цинично (большевики были вообще большими циниками), что история — это политика, только опрокинутая в прошлое.

Владимир Познер: *Да. Ну Наполеон-то не циник, он просто точно характеризует, на мой взгляд, то, что делали с историей. Вы — автор трилогии очень популярной, называется «Мифы о России», в которой Вы пытаетесь разоблачить, что ли, эти мифы.*

Владимир Мединский: Дать другое толкование.

Владимир Познер: *Да. Так вот что, во-первых, так: миф, ведь он рождается не просто так, у него есть какое-то основание, правильно?*

Есть мифы о французах, об итальянцах, о немцах, обо всех есть мифы. Такое впечатление, что Вы в этом усматриваете что-то специально направленное против России, в мифах о русских. Почему? Как итальянцы все вороватые и ленивые. Итальянец, он рассмеется Вам. А Вы пишете книги, разоблачая какие? Что русские пьют. Ну да, пьют русские, ну и что? Воруют? Карамзин еще сказал, что да, воруют. Ну и что? Так сказать, поход против кого или за что?

Владимир Мединский: Вы знаете, эти книги писались достаточно давно. Безусловно, все нации являются героями анекдотов, мифов и так далее. Но при этом у русских есть и была всегда удивительная черта, которую можно охарактеризовать как такой национально-исторический мазохизм. Две стороны одной медали: с одной стороны — убежденность в собственном превосходстве, с другой стороны — глубочайшее национальное самоистязание, особенно в историческом ракурсе.

Владимир Познер: *Чувство неполноценности какое-то во второй части?*

Владимир Мединский: В определенном смысле, чувство исторической неполноценности.

Владимир Познер: *Почему?*

Владимир Мединский: Долго и сложно можно об этом говорить. Но, например, если мы ведем речь о пьянстве... Безусловно, пьянство не является мифом, оно является национальной трагедией сегодняшнего дня.

Владимир Познер: *Но это и миф, потому что об этом так рассказывают, скажем, на Западе, что каждый русский человек утро начинает с того, что выпивает стакан водки, ну Вы ж понимаете, да?*

Владимир Мединский: Да, да, но, безусловно, мифом, поскольку книги у меня исторические, то я писал о том, что мифом является наша глубокая предубежденность, что пьянство испокон веков является национальной русской чертой, что христианство выбрали потому, что «веселее на Руси есть пити, и нельзя без этого быть», что там закладывали все, всегда. А это абсолютнейшая неправда. Водка появилась в России где-то в конце XV века, до этого ее просто не было, не умели делать.

Владимир Познер: *Но Вы пытаетесь исправить, чтобы сами русские так плохо о себе не думали?*

Владимир Мединский: Я пытаюсь показать, что национальное

самоистязание, тем более, основанное на незнании собственной истории в части пьянства, ни до чего хорошего никого не доводит. Понимаете, есть там много мифов о шотландцах. И попробуйте самому шотландцу сказать, что он такой-сякой жадный, немывтый и прочее, и прочее.

Владимир Познер: *Жадный, жадный, жадный. Насчет немывтый, не знаю, жадный — точно, да. И что?*

Владимир Мединский: Это вызовет у него возмущение, потому что это не так, это неправда.

Владимир Познер: *Но он рассмеется, скорее.*

Владимир Мединский: Они в это не верят. А мы, к сожалению, в некоторые мифы о себе уже поверили. Это нехорошо.

Владимир Познер: *То есть Вы хотите разоблачить то, во что сами мы верим?*

Владимир Мединский: Я хочу дать то толкование истории и показать ту оборотную сторону медали, которая убедит читателя, что пьянство — это болезнь сегодняшнего дня, а не наследственное и не генетическое.

Владимир Познер: *Хорошо. Когда Вы говорите: «Я убежден, что плохие дороги в России — это исторический миф», — Вы по каким дорогам ездите, можно Вас спросить?*

Владимир Мединский: А Вы откуда это взяли?

Владимир Познер: Я взял из «Комсомольской правды» от 14 февраля 2008 года. Да.

Владимир Мединский: Такое вряд ли я мог написать в своей книге. Дело в том, что дороги в России — это исторически большая проблема. В книге я пишу лишь об одном: почему в России, в сравнении, например, с Древним Римом, мало уделялось внимания строительству дорог. И я это объясняю исторически. Не жалко времени — могу рассказать. Читайте книги.

Владимир Познер: *Это ладно, но Вы согласны, что это не миф?*

Владимир Мединский: Нет, конечно. Равно, как и пьянство — не миф. Владимир Владимирович, я скажу Вам по секрету, и воровство — не миф, понимаете? Вообще, всё, о чем я пишу, — это не миф, это та или иная степень реальности. Вопрос в том, что всё это является болезнями, которые

можно и нужно лечить, а не является генетикой народа.

Владимир Познер: Это второй вопрос, это другое. Я думаю, что никто не будет с Вами спорить. Значит так, миф — ладно. Есть факты, вот тут меня очень заинтересовало. Значит, Вы были в такой очень жаркой программе, которая называется «Клинч», на «Эхо Москвы», Ваш противник была Юлия Латынина, разговор был жесточайший. Я думал, когда вы подеретесь уже, что должно было произойти. И, среди прочих вещей, Вы сказали вот что: «Не было даже пресловутого военного парада в Бресте, который является такой же фантасмагорической ложью, выдумкой и „фотошопом“ того времени, как и то, что Вы сейчас излагаете». Значит, я Вам хочу сказать, я лично знал офицера Красной армии, который был на трибуне со своими товарищами и с немецкими офицерами Вермахта, и принимали этот парад, и мимо них шли наши солдаты и солдаты-немцы. И немцы наших приветствовали вот так. Это реальный человек, который был на этом параде. Кроме того, есть ленты документальные абсолютно, никакой не «фотошоп» и не смонтированные, и это было. Я не хочу вдаваться в вопросы, почему это произошло, как это было, но Вы же — историк. Либо Вы не знали этого, но тогда это странно, либо тогда это что-то другое, кроме незнания. Вот объясните мне, как это можно вот так утверждать, когда это безусловный факт?

Владимир Мединский: Владимир Владимирович, вот Вы интересно говорите. Вы говорите, что любой факт может и должен иметь различные толкования и взгляды, и тут же сами излагаете мне исторический факт — совместный парад Вермахта и Красной армии в Бресте, который, на Ваш взгляд, не может иметь никаких толкований.

Владимир Познер: Толкования любые, но факт — он был. А Вы говорите, что его не было.

Владимир Мединский: Так вот, я Вам рассказываю о толковании, о чем я говорил госпоже Латыниной. Я лично прочитал массу воспоминаний участников, очевидцев и толкователей так называемого парада в Бресте, которые толковали это следующим образом: совместно на трибуне стояли наши и немцы, при этом немцы осуществляли плановый выход войск, а наши за этим наблюдали и стояли не в качестве приветствующих участников, а в качестве, они себя оценивали как наблюдающих за выходом войск. Сначала вышли немцы, потом вошли наши. Вот и всё. Вот Вам и толкование.

Владимир Познер: *Вы знаете, ну это толкование. Я, вот если б Вы сказали, что, вот то, что Вы мне сейчас говорите, но Вы же не отрицаете сам факт парада. А здесь Вы говорите, что это ложь, «фотошоп» и так далее. Понимаете, это не ложь и «фотошоп», это было.*

Владимир Мединский: Нет.

Владимир Познер: *А дальше...*

Владимир Мединский: Что парад проводится совместно с определенными целями. В данном случае, немцы выводили свои войска из Бреста, в организованном порядке — колоннами, а мы вводили наши войска в Брест.

Владимир Познер: *И вместе стояли на трибуне?*

Владимир Мединский: Да. Мы наблюдали за выводом войск, а немцы наблюдали за вводом войск.

Я, кстати, скажу Вам, и это тоже факт, что многократно наши и немцы нарушали так называемую виртуальную границу определенную, протоколы, секретными протоколами к Пакту Молотова-Риббентропа, и неоднократно вступали в боевые действия. И тоже это факт. И в Брест немцы не должны были входить, они влезли на советскую территорию.

Владимир Познер: *Как бы то ни было, как бы то ни было, очень интересное признание с Вашей стороны. Смотрите: «Я пишу не столько о том, что было или не было на самом деле, а о том, что мы думаем об этом, и как это представление влияет на наше мировоззрение и поведение». При этом Вы сами говорите, что Вы берете ту точку зрения, которая работает на книгу: «Поэтому, например, у меня количество жертв в Бородинской битве — не по данным Носовского или Фоменко, а по данным „Сталинской энциклопедии“. Я не знаю правды, и боюсь, что никто не знает правды, но та цифра мне приятнее — она работает на мою концепцию». Вместе с тем, Вы говорите: «Любить надо свою историю и знать правду, а не мифы, тогда жить будет легче и даже веселее». О какой правде речь тогда? Понимаете, Вы сами говорите: «Я беру то, что мне нравится».*

Владимир Мединский: Безусловно, когда я пишу книги — мифы о России, мы знаем, что существует десяток, если не больше версий, и о количестве потерь под Бородино, и под количество участников битвы при Бородино. Наполеон в своих воспоминаниях в конце самом довел

численность русской армии до 280 тысяч, на которых героически напала 60-тысячная армия Бонапарта и в пух и прах её разбила. Наиболее объективные цифры являются только цифры общих потерь, потому что мы платили за захоронение крестьянам, и вот эти общие, они проведены по кассе.

Владимир Познер: Смотрите, вот если Вы как историк, Вы пишете: этот сообщает, что столько, это сообщает — столько, это сообщает — столько, как мне кажется, это более точно. Тогда у меня нет вопроса. Но если Вы мне говорите: я вообще-то не привожу, а беру только то, что мне выгодно — у меня возникает вопрос, а что тогда за история? Вы говорите: «Мне всегда историзм важен». Вы понимаете, о чем я говорю?

Владимир Мединский: Понимаю. Если мы ведем речь с Вами о пропаганде, когда мы ведем с Вами речь о разоблачении мифов...

Владимир Познер: Когда я готовил пропагандистскую книгу, я откровенно, искренне говорил, что из массы фактов все являются недоказанными, я обязан представить нашему читателю тот факт, который почему-то затерт.

Это другое дело.

Владимир Мединский: Цифра потерь под Бородино взята не из «Сталинской энциклопедии», она на батарее Раевского на памятнике написана. На памятнике.

Владимир Познер: Я только говорю то, что Вы пишете, только это. У меня к Вам ещё есть целый ряд вопросов, но время-то уходит, я бы пожертвовал Марселем Прустом, но не имею права, потому что он фигурирует всегда, поэтому я перехожу к Прусту. Первый вопрос: когда Вы лжете?

Владимир Мединский: Это вопрос?

Владимир Познер: Да. Я многим его задавал. Некоторые говорят — при необходимости, некоторые говорят — никогда, ну не знаю. Вот Вы, когда Вы лжете?

Владимир Мединский: Практически никогда.

Владимир Познер: О чем Вы сожалеете больше всего?

Владимир Мединский: Времени не хватает на всё.

Владимир Познер: *О каком таланте Вы мечтаете, которого у Вас нет?*

Владимир Мединский: О, многих талантов, многих.

Владимир Познер: *Нет какого-то одного?*

Владимир Мединский: Послушайте, я вообще завидую талантливым людям, особенно — талантливым по многому. Иногда мне кажется, что жалко, что я не научился играть на фортепьяно, иногда мне кажется, что жалко, что я не научился рисовать, мне страшно обидно, что я не выучил французский язык. Начал и забросил сразу.

Владимир Познер: *То есть, у Вас нет таланта к языкам, Вы считаете? Талант.*

Владимир Мединский: Нет, я знаю то, что положено знать выпускнику МГИМО.

Владимир Познер: *Понятно.*

Владимир Мединский: Вот я Вам в этом отношении завидую, понимаете?

Владимир Познер: *Что Вы прощаете легче всего?*

Владимир Мединский: То, что сделано не специально, не сознательно, эмоционально, всегда надо прощать.

Владимир Познер: *Что Вы никогда не прощаете?*

Владимир Мединский: Непорядочность.

Владимир Познер: *Если бы дьявол предложил Вам вечную молодость без всяких условий — приняли бы?*

Владимир Мединский: Так не бывает.

Владимир Познер: *Какие бы три книги Вы бы взяли с собой, если бы Вас бы отправили на необитаемый остров, и вынуждены были бы выбрать только три?*

Владимир Мединский: Боюсь, буду неоригинален.

Владимир Познер: *Неважно.*

Владимир Мединский: Я бы взял «Войну и мир», «Историю пугачевского бунта».

Владимир Познер: *Так.*

Владимир Мединский: Я бы взял замечательную развлекательную книжку «Наследник из Калькутты».

Владимир Познер: *Если б Вы могли пообщаться с любым из людей, которые когда-либо существовали на Земле, одним, кто бы это был?*

Владимир Мединский: Христос.

Владимир Познер: *Вы согласны с изречением «Патриотизм — это последнее прибежище подлеца»?*

Владимир Мединский: Это неправильная цитата.

Владимир Познер: *Исправьте.*

Владимир Мединский: Даже для негодя патриотизм может стать искупительным прибежищем.

Владимир Познер: *Нет, цитата правильная, она по-английски звучит, могу Вам сказать, я её не придумал, именно так. Имеется в виду, что когда нечем больше прикрыться, подлец прикрывается вот патриотизмом. Так, десятый вопрос.*

Владимир Мединский: Я с Вами поспорю вне эфира об этом.

Владимир Познер: *Давайте. Десятый вопрос. Когда Вы окажетесь перед Богом, что Вы ему скажете?*

Владимир Мединский: Тогда уже поздно что-то говорить, судят по делам.

Владимир Познер: *Это был Владимир Мединский. Спасибо большое.*

Владимир Мединский: И Вам спасибо.

Владимир Познер: *Совсем недавно, будучи на семинаре, я узнал вещь, которая меня совершенно поразила, и я о ней скажу чуть позже. Вот давайте сравним то, как народ жил в 1985 году, и как он живет сегодня. Вот, строго говоря, нечего сравнивать. Если брать такие общепринятые показатели уровня жизни, как, скажем, количество автомобилей на душу населения, реальные доходы, наличие в магазинах продуктов питания и товаров народного потребления, число выезжающих за границу людей, то окажется, что день сегодняшний превосходит 1985 год в десятки и даже*

в сотни раз по этим показателям. Другими словами, вот если исходить из этих и подобных исследований, то надо сказать, что народ живет несравненно лучше сегодня, чем он жил в 1985 год. А теперь то, что меня поразило. Согласно недавнему опросу общественного мнения, очень тщательно проведенному, 68 % опрошенных у нас считают, что в 1985 году они жили лучше, чем живут сегодня, 68 %. Вот как это надо понимать? Вот, по-моему, только так: ощущение того, как человек живет, определяется не только его материальным положением, то есть не хлебом единым. Оказывается, что решающим являются совершенно иные вещи. Ну, например, понимание того, куда идет твоя страна, и какая тебе отведена в этом роль. Например, понимание того, что ждет тебя и твоих детей завтра и послезавтра. Например, ощущение, что ты гражданин страны, а не просто статистическая единица, и тебя рассматривают именно как гражданина. Ну, наконец, скажем, наличие какого-то идеала или хотя бы идеи, ясное представление о приоритетах твоего общества. И, конечно, отсутствие постоянного стресса, опасений, связанных с тем, будет ли у тебя завтра работа. И, как выясняется, никакие материальные блага не могут компенсировать отсутствия, скажем так, элементарного внутреннего равновесия, отсутствия чувства защищенности, справедливости и доверия к власти. Вот отсюда — 68 %.

Удачи вам. И приятных сновидений.

«Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию»^[19]

Должно ли государство тратить на культуру? Да, обязано. Потому что это не благотворительность, а инвестиции в важнейшую отрасль, в которой «производится» главная ценность страны — гражданин. Культура во всем своем многообразии — это пространство созидательного сотрудничества государства, гражданского общества и деятелей искусства. Еще одна обязанность государства в этом симбиозе — обеспечивать сохранение, преемственность и приумножение нравственных ценностей российской цивилизации.

Тема «Государство и культура» вызывает сегодня в профессиональном сообществе «милльон терзаний».

На самом же деле терзаний никакой не милльон. Терзаний всего два: о деньгах и о свободах.

Консервативное большинство гражданского общества возмущается тем, что государство безынициативно, ограничивается раздачей материальных благ и ничего не запрещает.

Творческое же сообщество, напротив, при малейшем проявлении государственной воли не менее возмущенно указывает на «возвращение цензуры» и «долг государства» регулярно финансировать как плоды, так и сам процесс «свободы творчества». Причем критерий, если не лицемерить, прост: чем больше денег и чем меньше требований к результату — тем как бы больше свободы.

От какого наследия мы отказываемся

Если присмотреться, оба терзания и все вытекающие из них лозунги — классический случай подмены понятий: подмены культурной политики цензурой, а свободы — самолюбованием и сомнительным вкусом. Они имеют смысл только в той концепции культурной жизни, которая сложилась на заре постсоветской России.

В 1990-е и «нулевые» под давлением «творческих элит» и под лозунгами «решительного разрыва с тоталитарным советским прошлым» в отношениях государство/культура, по сути, восторжествовала

фантасмагория: «Хотим как при Сталине — только без Сталина». А именно: государство должно оставить за собой обязательство тотального и безоговорочного финансирования творческой деятельности — но получателей «денежного содержания» от каких бы то ни было обязательств великодушно избавить.

Такая концепция ущербна тем, что рассматривает государство, творчество, общество и собственно деятелей культуры как совершенно не связанные друг с другом сущности.

Впрочем, такая модель «культурной политики 1990-х» возникла в конкретных обстоятельствах — то было время ценностной дезориентации общества, и какие претензии задним числом ей ни предъявляй, она художественно способствовала сохранению российской культурной сферы в самые непростые времена.

Культурная политика: постановка задачи

Но эти времена прошли. Вслед за «переходным периодом» и «преодолением последствий» пришло время созидания. В том числе и в сфере культуры.

С принятием в декабре 2014 года «Основ государственной культурной политики» мы вступили в новый период, когда «...государственная культурная политика признаётся неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности», а сама культура «...возводится в ранг национальных приоритетов».

И это не откровение, это констатация очевидного.

Ведь культура — это духовное и материальное выражение того, что мы сами думаем о себе, о своей стране и своих ценностях, о современности и исторических традициях, а также о будущем. В этом качестве она действительно имеет стратегическое значение для развития страны.

Следовательно, культурная политика не может описываться только в терминах экономики или только в терминах «свободы или цензуры». И уж ни в коем случае — в терминах «оказания и потребления услуг».

В этой статье мы рассмотрим следующие составляющие государственной культурной политики:

- экономика культуры;
- ценностное содержание культурного творчества;
- свобода и ответственность творчества в публичной культуре, их соотношение с нашими историческими и культурными традициями;

- механизмы госуправления в культуре.

Чему нас учит история отечественного театра

Я буду опираться преимущественно на историю русского репертуарного театра — первого в отечественной истории феномена публичной профессиональной культурной деятельности (если не считать сказителей-былинников да ярмарочных скоморохов). Именно на примере истории театра начиная с XVIII века можно проследить, как выстраивалось сложное, но созидательное сотрудничество искусства, государства и общества.

И сегодня наш театр остается образцовой классической школой для всех видов искусств. С точки зрения «производственной» он обладает типичными «средневзвешенными» характеристиками. Это, в частности:

- низкий удельный вес доходной составляющей;
- напротив, огромная исторически сложившаяся затратная материальная база (достаточно сказать, что многие театральные комплексы — сами по себе памятники, культурное достояние мирового значения);
- распространенность театральных учреждений по всем регионам России, разнообразие их форм: от академических до студий самодеятельности;
- инфраструктура полного цикла (система образовательных учреждений, специализированная пресса, творческие союзы, премии, фестивали и пр.).

Кроме того, именно современный театр вызвал в последние месяцы громкие дискуссии — и о допустимости нравственно рискованных экспериментов на сцене, и об оправданности вмешательства общества в художественное творчество.

Ну и наконец, именно директор первого русского публичного театра, учрежденного императрицей Елизаветой в 1756 году, А. П. Сумароков (1717–1777) точно сформулировал триединую суть симбиоза государства, общества и искусства. Во-первых, государство призвано активно поддерживать «высокое» искусство, а просвещенные сословия призваны ему в том споспешествовать. Во-вторых, сами деятели искусства должны не самовыражаться, а «воспитывать вкусы» в народе. В-третьих, художник, власть и общество должны стремиться действовать заодно, руководствуясь общими ценностями.

Собственно, «Основы государственной культурной политики» в XXI

веке — всё о том же.

Экономика культуры: от монарших милостей до госзадания

Присматриваясь к зарубежному опыту, мы увидим сегодня, по большому счету, три модели экономики культуры: китайскую, европейскую и американскую. Все три предполагают субсидирование культуры.

В Китае это доведенная с характерной кропотливостью до абсолюта советская модель финансирования культуры. Причем сегодня китайские товарищи ко всему прочему еще и в числе мировых лидеров по доходам с продаж культурного продукта.

В Европе (наиболее ярко — во Франции) это поддержка национальной культуры в основном через механизмы «квотирования, льготирования и дотирования» с целью сохранить само ее существование в условиях господства «земшарного Голливуда».

В США культурная сфера рассматривается строго как бизнес: и как бизнес, доходный сам по себе, и как инструмент глобального «ценностного» доминирования, что для США тоже бизнес. Формально основное бремя спонсорства несут частные лица и/или корпорации. Но не стоит забывать, что бизнес — это и есть системообразующий институт американской нации, «учредитель» и американского государства, и американской финансовой системы.

Вернемся, однако, к истории русского театра.

«Делом государевым» он стал с первых шагов. Конечно, первые постановки при дворе Тишайшего были не более чем царским развлечением. Однако вскоре просвещенная русская публика уже была приучена к спектаклям европейским: у нас уже всю выступали французская и немецкая труппы, итальянские комедия дель арте и опера. Именно при этих обстоятельствах делал свои первые шаги русский театр. Показательно, что театральные подмостки сразу стали местом взаимопроникновения и конкуренции русской и европейской культуры, что вообще характерно для нашей культурной жизни.

К слову, на содержание иностранных трупп казна поначалу выделяла денег куда больше, чем собственно на русскую сцену. Со временем ситуация меняется: империя делает ставку на воспитание «собственных Платонов» и рассматривает публичное искусство как инструмент такого воспитания^[20].

Театр логично превращается из самодеятельности подвижников и

забавы элиты в госучреждение, финансы на его содержание вносятся в роспись казенных расходов. К XIX веку театральное пространство России становится очень пестрым: это уже не только пять столичных императорских театров, но и театры Москвы, и казенные провинциальные театры, и антрепризы, и товарищества актеров, и множество народных полупрофессиональных театров. Плановые убытки императорских театров покрываются Кабинетом Его Величества. К концу XIX века мы видим в России и до 300 репертуарных частных театров, среди которых особняком стоит спонсируемый Саввой Морозовым Московский Художественный.

В XX же веке государство (уже советское) взяло на себя содержание всей культурной отрасли полностью и безоговорочно — от классики до самодеятельности. В конкретное время и в зависимости от конкретного вида деятельности схемы финансирования практиковались разные. Например, советское кино — рентабельное хозяйство, и на этом рынке различные госпредприятия (студии, кинотеатры, прокатчики и пр.) состояли между собой в хозрасчетных отношениях. Цирк временами также приносил немало валюты. А театр, как и повелось еще при царях, оставался дотационным — сметное финансирование, по сути, с полным покрытием расходов.

С течением времени совершенствовались формы и методики распределения госсубсидий, пройдя путь от случайного меценатства до системной политики. За последние годы удалось выработать сложную, но логичную систему параметров, которыми в ФЗ-83 (8 мая 2010 года) описывается финансирование учреждений культуры, в том числе так называемое госзадание.

В театральном деле госзадание предусматривает обязательства по количеству показанных спектаклей, премьер, гастролям, заполняемости зала, приросту посещаемости... Обратим внимание: всё (!) содержание театра — эксплуатация хозяйства, расходы на ремонт, при необходимости реконструкция и реставрация зданий, — как и при советской власти, полностью на государстве; а вот доходы (билеты, буфеты, спонсорские, сдача в аренду помещений etc) полностью остаются в распоряжении театра.

Маркетинг в культурной политике

В XVIII — начале XIX века интерес публики к русскому театру только предстояло разбудить: для начала вообще надо было приучить к русскому

языку и русским сюжетам на сцене! Понятно, никакой речи об «окупаемости» в таких обстоятельствах идти не могло — выручали казенные дотации.

В дальнейшем театры, расширяя аудитории «вглубь», за счет неаристократических сословий, одновременно пытались совместить просветительскую миссию с экономикой^[21].

Проблему доступности театра радикально решила советская власть: она просто игнорировала коммерческую составляющую. Что в ее логике было естественно: культура в целом и театр в частности считались инструментом пропаганды коммунистических ценностей и воспитания граждан в их духе. Мало того, именно в советскую эпоху наша страна стала первой в мировой истории, где всестороннее совершенствование человека декларировалось как приоритетная задача государства и даже смысл его существования.

Соответственно, гарантия равного и обязательного (именно!) доступа к произведениям искусства была тоже заботой государства. Отсюда агрессивный и эффективный «маркетинг» в сфере культуры во всех его проявлениях: и «навязывание моды» на культурно насыщенный досуг, и масштабное продвижение культурных учреждений и произведений искусства, и доступные цены на билеты, и обязательные культпоходы в рамках программы школьного образования и воспитания.

Сегодня мы думаем, как сделать востребованный театр более доступным: кое-где цена билета доходит до 25 тыс. рублей (хотя это, конечно, прецеденты эксклюзивные), а это, по сути, вводит «имущественный ценз». Но простого ответа на этот вопрос нет. И госфинансирование пока недостаточное, и проблема спекулянтов маячит на горизонте, и мотивацию театров больше зарабатывать самим, выпуская интересные и востребованные спектакли, нельзя понижать... Сложная тема.

Ценностная и содержательная составляющая

Если следовать «логике рынка», то государство по отношению к культурной отрасли выступает в качестве инвестора. И, следовательно, имеет право как минимум придирчиво оценивать качество «товара», который произведен на его деньги. Это было бы понятным, но слишком упрощенным ответом тем, кто не приемлет даже самого тактичного влияния государства на тематику и содержание оплаченного казной

культурного продукта.

Но культура, по моему глубокому убеждению, в основе своей — это не «объект рынка». Логикой «кто девушку ужинает...» здесь ограничиваться было бы ошибочно. Культура — это пространство, в котором задаются и поддерживаются важнейшие для общества нравственные координаты. И в этом пространстве государство представляет интересы избирателя, налогоплательщика, «потребителя культурной продукции» — то есть народа России. Следовательно, требования к содержанию творческого продукта — это не право государства, а его обязанность, делегированная обществом.

И до 1917 года, и после государственные интересы вообще не обсуждались: они воспринимались деятелями культуры как естественные. Никто никогда не покушался на тезис, что в императорском театре творчество — это главное. Но с ним уживалась официальная госмонополия в области сценического искусства как система контроля, охраняющая интересы государства^[22].

Я не собираюсь рисовать пасторальную картинку ни «пользы цензуры» (этой пользы нет и быть не может), ни трогательного единения чиновника и художника. Напротив, постоянная дискуссия художника и власти есть неперемненное свойство живого развития культуры.

Но, во-первых, из этой дискуссии должны быть исключены элементы самодурства с обеих сторон. Мы помним, как дискуссия власти и художника в СССР подменялась догматическим диктатом. И, напротив, мы видим, как в сегодняшней России чуть ли не «признаком хорошего тона» в творческой среде считается отрицание каких бы то ни было обязательств художника перед обществом.

Во-вторых, вестись такая дискуссия должна строго в поле признания общих ценностей — общих и для художника, и для власти, и для общества. Какие ценности мы имеем в виду?

Ценность созидательного труда.

Развитие личности как залог общего процветания.

Служение Отечеству.

Единство и преемственность тысячелетней истории России.

Историческое единство судеб народов России и дружественных народов, многие из которых ранее входили в состав Российской империи или СССР.

Ценности семьи и человеческого общежития, одинаково трактуемые и православием, и всеми традиционными для России религиями — начиная от уважения к старшим поколениям и заканчивая принципами воспитания

детей.

Мы должны поощрять и инициировать творческую деятельность в поле именно этих бесспорных и естественных ценностей. А в той части художественного творчества, которую государство прямо субсидирует, мы на этих ценностях настаиваем.

То есть государство в творчестве ничего не запрещает. Но не всё оплачивает. Подчеркну, исповедование общих ценностей не имеет никакого отношения к тупому верноподданничеству.

В свое время П. Чаадаев недоумевал: как мог Николай I смеяться на представлении «Ревизора» на сцене Александринского театра в 1836-м, когда ему показывают столь тяжелые «пороки русской жизни»? На это ему ответит критик Н. Страхов: русскому царю не могло и в голову прийти бояться того, что глупость и подлость, встречающиеся у нас повсеместно, всенародно казнятся на сцене.

Свобода и ответственность

Отказавшись от цензуры, государство сняло с себя бремя «единственно верной» инстанции. Ответственность за развитие культуры, таким образом, перераспределена между властью, творческим сообществом и гражданским обществом. И именно на этом основан сложный созидательный симбиоз всех участников культурной деятельности. И именно общество задает приверженность безусловным и естественным ценностям (рейтинг В. В. Путина, собственно, и есть проявление такой приверженности). И это подавляющее нормальное большинство очень расстраивается, когда сталкивается с публичным неуважением к тому, что для него важно и даже священо.

Поэтому не стоит удивляться красноречивым результатам исследования фонда «Общественное мнение» (май 2015):

- 81 % считает, что «развитие культуры относится к вопросам первостепенной значимости для страны»;
- 82 % из них считают, что «государство должно контролировать содержание художественных произведений»;
- зато цензуру признаёт как раз меньшинство — 19 %, а право государства «следить за политической направленностью художественных произведений» и того меньше — 3 %.

По-моему, в этих цифрах заложено предельно четкое понимание того, как должны сочетаться свобода и ответственность всех участников

культурной жизни: политическая цензура отделяется от ценностного содержания.

Именно гражданское общество возмутилось постановкой оперы «Тангейзер» в Новосибирском академическом (!) театре. И ошибка министерства не в том, что мы уволили директора, который не считал нужным вступить в диалог с общественностью. Ошибка в том, что мы с этим решением затянули. Вообще по-хорошему такая постановка должна была быть отвергнута директором еще на уровне идеи.

В мае 2015 года фонд «Искусство без границ» организовал в Москве выставку «На дне», посвященную скандальным театральным постановкам последнего времени. Каждый «экспонат» заботливо снабжен табличкой с указанием сумм, выделенных из бюджетов данному театру.

Я воспринимаю такого рода активность гражданского общества как принуждение государства к исполнению своих обязанностей в культурной политике. Мы не можем и не будем тоталитарно игнорировать мнение большинства наших сограждан.

Классика и эксперимент

Если вы заболели и пришли в районную поликлинику — вы захотите подвергнуться вдруг «нетрадиционному» лечению? Вы хотите, чтобы на вас испытали новый чудо-препарат — экспериментальный? Вряд ли. Система здравоохранения в любой стране мира построена на стандартизации методов лечения, многократно апробированных и гарантированных наукой и государством. В исключительных случаях возникает необходимость применить что-то нестандартное как последний шанс — но вас об этом сто раз предупредят и предложат сделать осознанный выбор с пониманием всех возможных последствий. Для любителей же альтернативы существует нетрадиционная медицина. Негосударственная.

То же самое и в искусстве. С той только разницей, что «нетрадиционный» художник ставит эксперименты не над телом одного пациента, а над душами тысяч и тысяч.

В то же время мы должны понимать, что в авангарде культурного развития все-таки творческое меньшинство. Мы должны понимать, что без новаторства не бывает искусства. Мы должны понимать, что многое из классики когда-то было экспериментом: да, классикой становится один эксперимент из десяти тысяч, но изводить «единого слова ради тысячи

тонн словесной руды» — есть непреложный закон творчества.

История отечественного театра еще в XIX веке дала четкий ответ на вопрос, как в рамках государственной культурной политики сочетаются традиция и новаторство: государство системно поддерживает «недостижимые образцы», но никому не запрещается экспериментировать на специальных экспериментальных площадках, на частной сцене и в иных «творческих лабораториях»^[23].

Сегодня мы уже и не помним, что классический «психологический театр» МХТ как раз в те годы считался частным творческим экспериментом. А вот «р-р-революционные» сценические безумства с обилием обнаженной женской натуры, скабрёзными фантазиями о жизни царей и разнузданным богохульством так и остались постыдным недоразумением. Таким же недоразумением, уверен, останутся и многие «вторичные продукты» нынешнего актуального искусства.

Главный урок нашего исторического опыта: чиновник не должен руководить творчеством. Обеспечивать соблюдение административных, финансовых и ценностных правил — должен. А решать, какими образами «должен» мыслить художник, — не имеет права.

На глазах нашего старшего поколения деградировала советская культура, скованная «идеологически выверенными» циркулярами. В результате классики рок-н-ролла родились в Ливерпуле, а не в Одессе. В итоге могучая, казалось бы, советская культура, целиком заточенная под идеологию, в целом оказалась и содержательно, и творчески бессильна перед вызовом западного «масскульта» и в целом нравственного кризиса конца XX века.

Однако ничем не лучше и монополизация культуры замкнутыми кастами «творческих сословий». Им ведь тоже чужды и свобода, и свежая кровь, и нередко тяга к познанию реальности. Показателен в этой связи недавний конфликт вокруг пьесы «Банщик» в Псковском театре. В новаторскую театральную технику «вербатим» (постановка на материале интервью с реальными людьми) модный современный режиссер упаковал настолько сектантские представления о стране и жителях Пскова, что оскорбился и взбунтовался актерский состав театра.

Реализация «Основ государственной культурной политики» предусматривает не просто право на творческий эксперимент, но и его госфинансирование. Такая система грантов у нас есть и в последние годы стремительно развивается.

В любом киноконкурсе на субсидии Минкульта есть позиция «Кинодебют». Увеличено в 2015 году количество грантов для современных

молодых художников и драматургов. Ведется строительство сразу трех (!) масштабных федеральных центров современного искусства (в Москве, Самаре и Калининграде) и трех центров культурного развития (в Калуге, Первоуральске и Приморском крае). Буквально на днях открыли масштабный филиал ГСЦИ прямо в Нижегородском кремле, а отреставрированный к своему 250-летию Главный штаб Эрмитажа на Дворцовой всё чаще распахивает свои грандиозные залы для выставок именно современных художников.

Говоря по правде, столь масштабных инвестиций в развитие и поддержку современных творцов всех направлений в России не знали уже много десятилетий. Да и в мире таких примеров — на пальцах перечесть.

Экспериментов не чураются даже такие столпы отечественной культуры, как Александринка и Большой театр — у обоих для этого есть Новая сцена. Но если зритель идет на историческую сцену, там он гарантированно увидит только то, что проверено временем. Главное — своевременно предупредить зрителя, на что его приглашают.

Механизмы управления

Главный механизм культурной политики — отнюдь не «покупка лояльности лидеров общественного мнения», «признанных творческих авторитетов». Это всё недорого стоит — что было доказано и в феврале 1917-го, и в августе 1991-го, когда именно обласканная казной творческая элита оказалась в авангарде сил, разрушавших государство.

Единственный гарант «созвучия» государства, общества и искусства — гражданственность самих деятелей культуры. И творческих работников, и управленцев. А это вопрос кадровой политики.

Поначалу, в XVIII–XIX веках, не было необходимости как-то специально решать вопрос подготовки кадров: первопроходцами публичного искусства на русской почве стали представители аристократии и служилого сословия — по определению самые образованные люди своего времени и одновременно «слуги государевы», носители и проводники государственной политики.

Советская власть, отказавшись от сословности, ввела принцип «номенклатуры» — систему тотального воспитания кадров в духе государственных задач. В лучших своих проявлениях эта модель кадровой политики отличалась не только «партийной дисциплиной», но и такими полезным вещами, как, например, обязательные «творческие

командировки» — погружение творческих работников в реалии повседневной жизни страны, для которой они работают.

К концу года должен заработать наш новый проект «Кадровый потенциал». Это первая попытка формирования кадрового резерва в истории русской культуры, но он всё равно наследует опыту, достижениям и урокам предыдущих столетий. На основании многомерной математической модели мы хотим выстроить единую систему подбора, учета и продвижения управленческих кадров не для госслужбы, а именно для учреждений культуры — для театров, музеев, библиотек, архивов, музыкальных коллективов.

Мы должны держать в поле зрения людей, которые гармонично сочетают творческие и деловые, руководящие навыки, умение не просто решать управленческие задачи, но и чувствовать ту среду, в которой это делается. А еще есть задачи государственной культурной политики — и понимание их, способность претворять их в жизнь тоже входят в круг требований.

...9 Мая мы видели на наших улицах и новейшие достижения оборонки, и 12 млн. (!) человек на марше «Бессмертного полка». Эти факты — явления одного культурного порядка. Как «Армата» наследует традициям легендарной советской инженерно-конструкторской школы, так и миллионы россиян ощущают себя наследниками и продолжателями легендарной славы своих предков.

Всё вместе это — Большой театр, Эрмитаж, Третьяковка, МХТ, консерватория, скромная районная библиотека и городская художественная школа — и есть пространство культуры, где формируется историко-культурная идентичность, без которой любой танк лишь кусок железа, пусть даже очень технологичный.

Перефразируя известную аксиому, скажу: если государство не кормит и не создает свою культуру, ее будет кормить и создавать кто-то другой. И тогда в конечном итоге всё равно придется кормить чужую армию.

«Без идеологии человек становится животным» [\[24\]](#)

Культурой должен руководить представитель творческой профессии — актер, режиссер, музыковед, литературный либо театральный критик.

Культура нуждается в эффективном менеджере — не суть важно, из какой сферы он придет.

Первая схема реализовывалась многократно — и, увы, малорезультативно. Вторую опробовали — плодов принесено еще меньше. Итог: последние двадцать лет культура не просто оставалась бедной родственницей в семье российской экономики — это бы еще полгоря. Хуже, что от самого слова «культура» у большинства россиян сегодня сводит зевотой скулы. Они не догадываются, что телевизионная и печатная жвачка, как и песни-однодневки, исполняемые «под фанеру», — тоже элементы культуры. Так мольеровский господин Журден не знал, что разговаривает прозой.

Культура массовая — интертеймент; культура камерная, стародавическая; культура нишевая, молодежная... Все это, так или иначе, находится в ведении Владимира Мединского, однако он — человек не частных, но обобщений. 43-летний Мединский упрям, последователен и амбициозен: это первый министр в постсоветской России, при котором явно вырабатывается определенная культурная политика.

Историк, писатель, не безопытный чиновник, медийный единоросс — Мединский являет собой середину между двумя типами культурного руководителя. Окажется ли эта середина золотой — посмотрим. Во всяком случае, пятнадцать с лишним месяцев на министерском посту он провел в качестве бесперебойного ньюсмейкера.

Даже у ярых противников Мединского — а таковых хватает — не повернется язык сказать, будто бы нынешний Минкульт — унылое безжизненное болото. Напротив, теперь это одно из самых обсуждаемых в стране ведомств. Вопросы, соответственно, возникают ежедневно. Главный редактор газеты «Культура» Елена Ямпольская собрала самые животрепещущие — и частного, и общего характера, а Владимир Мединский изыскал в своем графике время для подробного разговора.

Культура: Предлагаю стартовать с вопросов, которые сейчас на слуху у широкой общественности. Прежде всего, это скандал вокруг нового режиссерского проекта Миндадзе. Правда ли, что экспертный совет проголосовал «за», а Вы своей рукой вычеркнули фильм «Милый Ханс, дорогой Петр» из списка получивших господдержку.

Мединский: Начнем с того, что у нас три совета смотрят фильмы: экспертный — это раз, второй мы называем социально-психологическим, плюс совет Российского военно-исторического общества. Экспертный совет, состоящий в значительной степени из продюсеров, тех же самых деньгополучателей, действительно поддержал проект Миндадзе — как находящийся на высокой стадии проработки. Социологи сказали что-то средне-негативное. А вот историки выразили откровенное неприятие. Учитывая, что действие фильма происходит в канун Великой Отечественной войны, согласитесь, это существенно. События, которые описываются в сценарии, противоречат исторической правде. Более того, напрашиваются некорректные политические аллюзии на тему равной виновности Советского Союза и Германии в развязывании Второй мировой войны.

Мы запросили детализированные претензии Военно-исторического общества, я поговорил с Миндадзе, спросил: «У Вас действие происходит в 1940 году на военном заводе, это принципиально?» Он отвечает: «Да мне вообще все равно, меня любовь интересует». «А можно, чтобы любовь была на гражданском заводе, и не в 40-м, а в 33-м?» — «Можно».

Культура: То есть, для автора разницы нет.

Мединский: Для автора нет, зато для истории есть. Подобный сюжет вполне мог разворачиваться до прихода Гитлера к власти. Но за полгода до начала войны, на оборонном предприятии... То есть, получается, СССР и Германия сотрудничали в 1940 году, делая оружие в Москве, — из этого явно следует, что готовилось совместное нападение на Великобританию. А потом, видимо, рассорились как-то. Чистой воды геббельсовская теория.

Культура: Если эпоха не имеет серьезного значения, зачем вообще погружать любовную драму в исторический контекст? Для чего в картине время, если оно не играет?

Мединский: Вдаваться в эти тонкости я не буду, повторю только: Миндадзе сказал, что год не влияет на его замысел. Более того, выразил благодарность за подсказки.

Культура: Для Вас принципиально, что всякая картина, претендующая на государственное финансирование, должна пройти, в том числе, совет Военно-исторического общества и, при необходимости, иметь консультантов-историков?

Мединский: Да, если в ней затрагиваются болезненные исторические темы. Когда речь идет о временах Вещего Олега, по большому счету, нелепо добиваться исторической правды, никто ничего толком не знает, все базируется на легендах...

Культура: Но у всякой легенды есть идеологическая направленность.

Мединский: Я бы сформулировал следующим образом: нужны государству такие легенды или нет? Не вижу оснований поддерживать фильм, пропагандирующий примитивные формы норманнской теории о призвании Рюрика и полном отсутствии мозгов и самообразующего начала у наших славянских предков. Это противоречит и здравому смыслу, и государственному самоощущению. Викинги, у которых еще даже письменности не было, просвещали и огосударствляли Киевскую Русь? Просто смешно.

Что касается предвоенной темы, печально, что ее иногда рассматривают в аспекте «фэнтези» Суворова-Резуна, Латыниной и Солонина. Все эти «историки и публицисты» с разных позиций бьют в одну точку: доказать агрессивную сущность предвоенных намерений Советского Союза, который заключил союз с Германией против Европы. Якобы лишь в последнюю секунду черная кошка между ними пробежала, и союзники схлестнулись — случайно. Из этого проистекает следующее: Сталин равен Гитлеру, Советский Союз — фашистской Германии, ВКП(б) равна НСДАП, а война была между двумя одинаково отвратительными режимами. Если принимать эту логику, то СССР выглядит примерно как Румыния. Государство начало войну в 1939-м на одной стороне, закончило — на другой. Напрашивается вопрос: при таких раскладах — что мы делали на Потсдамской конференции? Примазались к великой победе сил добра: Англии, Франции, США? Переметнулись с оборотной стороны Луны? Тогда речь пойдет уже не о Шикотане и Итурупе, а о том, что мы совершенно незаконно оккупировали все Курильские острова, Сахалин, Прибалтику, Калининградскую область, пол-Карелии, Выборг. Подавай назад «Кемскую волость»! Поверьте: споры идут не вокруг истории. На историю им наплевать. Они идут вокруг денег. Денег и территорий.

Культура: Конечно. Вопросы истории — это, прежде всего, вопросы

геополитики.

Мединский: Отвоевать у нас силой Курильские острова — затея тухлая, значит надо убедить нас, что мы их незаконно захватили. Ведь мы убедили себя в свое время в том, что оккупировали Прибалтику, и Прибалтика радостно отвалилась. Кому от этого лучше? НАТО — да, прибалтам — вряд ли. Я прекрасно помню настроения 1989 года, статьи Солженицына, что надо славянам отсоединиться. Россия, Украина, Белоруссия, а остальных побоку. Сбросить с себя эти оковы. Хватит кормить Закавказье, хватит кормить Среднюю Азию... Примерно то же самое мутилось и в республиках СССР. Украина свято верила, что через пять лет станет второй Францией. А почему нет? Территория такая же, геоклиматические условия похожи, тяжелая промышленность, прямо скажем, не хуже...

Культура: *Идет уже пятая пятилетка...*

Мединский: ...А Судак и Алушта до сих пор до Биаррица не дотягивают. Ту же лапшу вешали на уши таджикам, узбекам и всем остальным, на мой взгляд, несчастным народам, пострадавшим в националистическом остервенении. Выгоняли русских врачей, инженеров: мол, мы тут сами все себе обустроим. Кто обустроит? Компрадорская буржуазия? Бывшие партаппаратчики — те, действительно, все себе обустраивают. А вы, друзья, вынуждены теперь ехать к нам улицы подметать, потому что дома работы нет и детей кормить нечем.

Культура: *Как Вы думаете, перечисленные Вами персонажи — Суворов, Латынина, Солонин — участвуют в большой геополитической игре против России из корысти или идейно?*

Мединский: Интеллигенция, как правило, действует по искренней убежденности.

Культура: *То есть гадит безвозмездно?*

Мединский: Они-то считают, что делают добро, а гадим как раз мы. Что надо покаяться, саморазоблачиться, отвергнуть преступное советское прошлое, выкопать всех — от Сталина до Гагарина, сжечь, выстрелить прахом из пушки и начать новую демократическую счастливую жизнь. Вместо Сталина будет Навальный, а вместо Гагарина, очевидно, Гозман куда-то полетит. Они в это верят. Может, Госдеп и платит кому-то, кто находится в практической политике. А интеллигенция... Я думаю, Суворов просто хочет славы. Сказать, что Жуков великий полководец, — на этом

славы не заработаешь, а если «Жуков — кровавый мясник»...

Вот, Алексей Пивоваров снял «Ржев». Вообще-то Леша талантливый парень, но этот фильм — конкретно вредительский. Человек, его посмотревший, понимает, что Жуков — абсолютная бездарь. Который просыпался каждое утро с единственной мыслью: как бы пару сотен тысяч русских мужиков положить, чтобы усатому приятное сделать. Доложить ему: «Полмиллиона грохнул!» А Иосиф Виссарионович: «Молодец, Жора, продолжай в том же духе!» Уверен, Пивоваров мыслит сложнее, но фильм получился именно такой.

Николай Досталь написал мне открытое письмо. Сразу оговорюсь, что считаю Досталь талантливым режиссером. «Штрафбат» — один из наиболее ярких сериалов за всю историю постсоветского кинематографа. Я его смотрел запоем — по 3–4 серии подряд. Актерские работы блестящие. Все здорово. Но есть, как говорится, нюансы. Первое: такого просто никогда не было. Правдой в этом фильме является лишь то, что мы воевали с Германией. Дальше — сплошные исторические натяжки и исключения. Конечно, война дело страшное, и кое-что из изображенного теоретически, где-то как-то могло произойти. Но ведь фильм целиком собран из этих исключений. После просмотра жить не хочется, хочется только в «Шереметьево-2» и как можно скорее. Потому что в стране, где так относятся к людям, выигравшим войну, жить не стоит. Но ведь это не так! Да, у нас страшная, кровавая, тяжелая история. Мы не отгорожены от остального мира двумя океанами, как Америка. Через нас Орда проскакала — и не раз, туда — обратно. Перекресток всех дорог. Ну, не повезло с нами: земля богатая и ее немерено, а народ попался заковыристый, не хотим ложиться ни под кого. Сколько ни топтали — никто не вытоптал. А если бы фильм «Штрафбат» был правдой, Русь бы не существовала уже тысячу лет. Поэтому я убежден, что государство подобные картины финансировать не должно.

Культура: *Вот интересно: про фильм «Утомленные солнцем 2» тоже говорили, что он построен на исключениях и вымысле. А разница между «Штрафбатом» и «Предстоянием» с «Цитаделью» очевидна. Заключается она именно в этом: жить хочется.*

Мединский: К сожалению, «Штрафбат» еще и талантливое кино. В этом и ужас — таланту верят на слово. Другое дело всякие «Служу Советскому Союзу» — апофеоз бездарности. Ни одного положительного героя, носящего форму советского солдата или офицера. Положительные — исключительно зэки. А все, кто с погонами, — уроды, убийцы и

дегенераты. Такое кино может сделать только человек, у которого ни ума, ни чести, ни совести. Что касается Михалкова — я, кстати, с ним спорил по неправдоподобным моментам в сценарии, но, во-первых, он вовремя сказал: «У меня притча, у меня русская народная сказка, не цепляйтесь». Авторы «Штрафбата» не говорили, что у них сказка. Они снимали «Освобождение-2». А другое кардинальное отличие — помните сцену, когда вслед за комдивом Котовым на цитадель идет...

Культура: *Энкавэдэшник. Маковецкий.*

Мединский: А за ним — остальные с синими погонами, а следом и штрафники, и зэки, и солдаты. И ты понимаешь, что это один народ.

Культура: *То есть, внутри Отечественной нет Гражданской.*

Мединский: Совершенно верно. Каждый понимает, что где бы он ни стоял, по какую сторону стола следователя, все они вместе перед смертью и перед своей совестью — одна страна.

Культура: *Вернемся к коллизии с Миндадзе. Он, безусловно, выдающийся сценарист...*

Мединский: Знакомясь с ним, я сказал: «Что за перепалку тут устроили в прессе? Я на фильм „Плюмбум“ раза три ходил в студенческие годы...»

Культура: *Однако он же — и начинающий режиссер, снявший пока лишь две картины. И говорить, что каждый проект Миндадзе должен быть воспринят на ура, и, если он захотел снимать, государство должно мчаться во всю прыть выдавать ему деньги с поклоном...*

Мединский: Некоторые «киноэксперты» так и заявили: Миндадзе, решив снимать кино, вообще сделал одолжение государству... То, что министерство отказало и якобы я лично своей рукой проект вычеркнул, — вранье. Мединский ни рукой, ни словом не вычеркивал. Но осадочек остался, все про это написали. А когда мы с Миндадзе договорились, пресса сделала вид, что не заметила. Я слушал «Эхо Москвы», чуть в аварию не попал на светофоре, когда сказали: «Мединский — это Торквемада российской культуры».

Культура: *Вы сами за рулем?*

Мединский: По выходным. Как раз шел субботний эфир Лариной. Торквемада! Хорошо не Мефистофель... Дондурей заявил, что двадцать лет

наше кино жило в состоянии свободы, когда давали денег и не спрашивали, а теперь у нас несвобода — дают денег, но спрашивают... А я объясняю: и будем спрашивать. Именитых, начинающих — всех. Открыто и на равных. Вот мы планировали «давать деньги» студентам ВГИКа. Объявили — четыре больших проекта поддержим. А давать некому, проекты плохие. Не я — эксперты единогласно говорят: ну пусто!

Культура: *Зачем потребовался официальный ответ Минкульта на выступление Дондурей в «Ведомостях»? Всем известно, что может сказать этот дежурный по либерализму. Стоит ли воспринимать его всерьез?*

Мединский: Вячеслав Тельнов, директор Департамента кино, решил ответить. Пришел ко мне, красный от обиды, потому что на самом деле министерство во всех случаях, когда мнения советов совпали, ничего ни разу не поменяло. Голосование шло абсолютно объективно. Оба Прошкиных не прошли конкурс — объективно. Чухрай не прошел — объективно. Досталь не попал даже в шорт-лист. Миндадзе — голос одного совета «за» и полтора голоса «против». Впервые за всю историю Минкульта мы проводили конкурс на получение госфинансирования кино в открытую. «Вести 24» транслировали отрывки голосования, в интернете вообще все шло в прямом эфире. Дондурей, конечно, большой знаток кино, но врать-то зачем?

Культура: *На Ваш взгляд, система питчингов оправдывает себя? Отзывы в той же самой либеральной прессе: безобразие! Больших художников, будто мальчишек, заставляют что-то доказывать! Типично русская интеллигентская манера: деньги у государства брать надо, но говорить «спасибо» — ни при каких обстоятельствах. Бери, уноси в кармане и дальше делай на них все, что захочешь.*

Мединский: Или вообще ничего не делай. А когда тебе скажут: заплати штраф по закону, отвечай: это притеснение свободы художника! Штрафы платят трусы и слабаки!

Если вы заказываете рекламный ролик с бюджетом в 50 тысяч долларов, вам сделают и презентацию, и раскадровку, и сюжет расскажут, и кто будет сниматься. И спляшут, и споют за эти деньги. Но когда зачастую те же самые люди — а у нас много режиссеров — бывших клипмейкеров и даже нынешних, приходят просить у государства 5 миллионов у. е., тут от необходимости что-то доказывать их ломает. Нет, ты должен ровно в сто раз больше: и доказать, и рассказать, и показать, и объяснить — зачем

государству финансировать этот фильм. Честная, нормальная, прозрачная схема. Привыкли, конечно, к другому: кто-то — давить авторитетом, кто-то — договариваться под столом в кабинете. Обе схемы равно эффективны. Самое печальное, что и чиновники в этом заинтересованы. Я благодарен руководству Департамента кино, которое меня поддержало, обеспечило техническую сторону питчингов. Но не всеми чиновниками Минкульта практика открытости воспринимается счастливо. После каждой подобной акции я читаю какие-то стихи в министерской столовой про министра, не дающего жить спокойно, подбрасываются письма подметные. Понятно, что мы лишаем людей достатка. Удобно: втихую с двумя-тремя «своими» продюсерами договорился за 20 % бюджета — и хорошо. Продюсер же на все согласен, лишь бы деньги получить. Спроса никакого, хоть половину можно отдать.

Культура: *Министерство культуры обнародовало целый список штрафников. Там много студий, много режиссеров, включая Михалкова и Говорухина. Причем они должны выплатить гораздо более серьезные суммы. Но шум поднялся только вокруг Бардина.*

Мединский: Абсолютно заказная кампания. Количество шума непропорционально, как говорится, цене вопроса. Бардин, действительно, присылал письмо с просьбой не платить штраф. Но он обязан его заплатить — по закону, по договору, который сам же подписал. К слову сказать, работает наш великий и глубоко мною уважаемый аниматор не за бесплатно. За три коротких мультфильма несколько лет назад получил от государства 11 миллионов рублей. Это не маленькие деньги. Поэтому говорить: мы, мол, делаем одолжение стране, — не надо.

У нас большая, действенная и дорогая программа поддержки отечественных аниматоров. А все, кто не сдает продукт вовремя, платят штраф.

Культура: *Даже если речь идет о простом по болезни?*

Мединский: Мы имеем право пойти навстречу, если предъявлен больничный. Бардин предъявил больничный, кажется, на один месяц. И еще два с половиной прикрыл какими-то справками, что уже на грани фола. На его письме поставили резолюцию: «Помочь, чем можно, на основании закона».

Культура: *То, что в прессу попало в редакции «на общих основаниях».*

Мединский: Три с половиной месяца мы ему закрыли, за полтора он

платит штраф. Если бы на общих основаниях, он бы платил за четыре месяца. Буду ли я нарушать закон и идти кому-то навстречу, исходя из громкости фамилии? Не буду. Никогда.

Культура: *Почему остальные режиссеры, получившие штрафные санкции, не визжат: «Караул! Насилуют! Грабят!»?*

Мединский: Интерес Бардина был в привлечении внимания общественности. Он устроил краудсорсинг, собрал денег не только на штраф, но и «на всякий случай», да еще получил бесплатную рекламу. Либеральные СМИ вцепились в эту ничтожную историю, чтобы в очередной раз оплевать власть. Я все хотел «Эху Москвы» сказать, которое столько часов эфира посвятило этой истории с Бардиным: ну вы же «за честные выборы», за то, чтобы закон был один для всех? При этом у вас получается — честные выборы для Михалкова с Говорухиным, а для Бардина будем делать исключения?

Культура: *Вы можете объяснить, почему отобрали кино у своего заместителя Демидова и взяли эту сферу под личное кураторство?*

Мединский: Я не отбирал. Я предложил Демидову вместо тяжелого скандального участка, находящегося под всеобщим пристальным вниманием, взять не менее ответственный, но менее публичный участок работы в министерстве. Произошло это после сочинского совещания у президента по развитию отечественной кинематографии. Иван Иванович с большим облегчением согласился. У него сейчас театры, филармонии и цирки. Департамент господдержки искусства.

Культура: *Тем не менее, вряд ли Вы приняли подобное решение только из личной симпатии к Демидову.*

Мединский: Мне все равно приходилось встречаться с кинематографистами, влезать в их проблемы. Я действительно считаю кино ключевым, важнейшим направлением работы министерства. Может, в силу того, что сам заядлый киноман. Поэтому решил: и так и так время трачу, буду уже напрямую руководить.

Культура: *Насколько я понимаю, создание картины про Льва Яшина Вы тоже курируете лично?*

Мединский: Я встречался с несколькими авторами. Пожалуйста, пишите сценарии, участвуйте в конкурсе. Когда я вышел из кинозала после премьеры «Легенды № 17», сразу позвонил Верещагину: «Леонид

Эмильевич, Вы сделали такой хороший фильм о хоккеисте Харламове, не хотите ли сделать хороший фильм о футболисте Яшине?» На что он, в духе известного анекдота, ответил: «Вдохновения нет». — «А Вы поищите!»

Культура: *Не выльется ли эта затея в тусклое подражание «Легенде...»?*

Мединский: Пока говорить рано, сценария нет. Главное — не делать классический «байопик». В чем продюсерская правильность «Легенды...»? Фильм должен быть основан на конфликте. Верещагин засунул в эту картину кучу конфликтов: советские — канадцы, Харламов — тренер, Тарасов — инструктор ЦК, Харламов — мама, Харламов — девушка, Харламов — чебаркульская команда... Выявить интересный конфликт и разрешить его — непростая задача для сценариста.

Культура: *Мало того, кто-то должен полюбить Яшина, как Верещагин любит Харламова и всю эту историю 1972 года.*

Мединский: Ну, без любви вообще хорошее кино не получается. Да и книги, и музыка, — везде нужна любовь.

Культура: *Вот именно поэтому: надеетесь ли Вы, что система госзаказа в обновленном виде сможет работать так же удачно, как зачастую она работала в советские времена? Когда требовалось снять кино о жилищной проблеме, и появлялась комедия «По семейным обстоятельствам». Не придут ли за бюджетными деньгами циники, которым все равно, что и о чем снимать?*

Мединский: Надо возвращать нормальную работу со сценарием. Еще недавно министерство давало финансирование по одной только заявке, а это неправильно. В советские годы шла постоянная многоступенчатая работа с авторами. Это можно называть цензурой, а можно — тщательным отбором алмазов из руды.

Культура: *Итак, Вы убеждены, что госзаказ необходим?*

Мединский: Глупо давать деньги просто так. Мы хотим получить услугу и готовы ее оплачивать.

Культура: *Представляете, как сейчас заорут: услугу?! Мы ему — услугу?!*

Мединский: Не мне, государству. Скажем, государство хочет получить фильм о войне в Афганистане. Мы объявили тему и сказали, что готовы

профинансировать подобное кино, давайте хорошие сценарии. Заказ разместить не удалось. Хороших сценариев не было. Зато самотеком пришло 120 заявок на тему вампиров. Темные миры, параллельная реальность...

Менеджмент и «совесть нации»

Культура: Питчинги и штрафы отчасти заслонили главное культурное потрясение минувшего лета — реорганизацию подведомственных вашему министерству НИИ. Были такие тихие заводы, куда десятилетиями никто не заглядывал...

Мединский: Никто и никогда. В питерском РИИИ мне честно сказали: «К нам, кажется, один раз заходил Соломин в бытность его министром, в начале 90-х. С тех пор мы живого министра не видели».

В каждом НИИ в среднем по 300 научных сотрудников. При этом рабочих столов — от силы 15. Остальные сотрудники находятся в творческом поиске. Три четверти работают по совместительству, причем в десяти местах одновременно. Темы научных работ — хоть отдай Жванецкому читать со сцены. Например, «Философия зайца». Это тема многолетнего исследования в одном из НИИ. Не знаю, о каком зайце речь — мартовском, трамвайном, но уже много лет им занимается группа научных сотрудников за бюджетные деньги.

Президент РАН о существовании этих институтов даже не догадывался. «У Министерства культуры есть свои НИИ? А что они делают? И сколько их? Один?» Я говорю: «Пять». «Такого не может быть! Я знаю все НИИ в стране». Вот замаскировались!

Культура: В соответствии с известной русской пословицей, которую Путин, кстати, недавно, цитировал, связываться с НИИ — все равно, что стричь свинью. Визга много, шерсти мало. Визга, действительно, уже выше крыши. А какова шерсть? Ради чего Вы все это затеяли?

Мединский: Я затеял это исключительно из принципа. Считаю, что наука в сфере культуры развиваться может и должна. И мы должны создать для ученых все условия. Интересная, хорошо оплачиваемая и востребованная работа, а не та профанация, которая существовала до сих пор.

Культура: Минкульт нуждается в науке?

Мединский: Конечно. Министерство заказывает немало исследований. Но, по данным 2012 года, все пять НИИ освоили в совокупности менее 10 % бюджета, отпущенного на науку. 90 % идет на сторону. Наши институты зачастую даже не знают о существовании этих заказов.

Культура: *Какая же им выгода — не знать?*

Мединский: Просто не умеют работать, не хотят, не интересуются. Руководители НИИ, по идее, должны жить в министерстве, выцарапывать эти заказы, утверждать научные планы. Мы не против инициативных исследований, мы очень даже «за», но ты приди и скажи: у нас находится в серьезной проработке история русского искусства. Эту «Историю...» один из наших НИИ разрабатывает уже многие годы. За десять лет издали два тома из планируемых двадцати... Скажите: «У нас есть наработки, мы готовы в два года эту многотомную историю закончить. Сделаем сайт, красивые видеопрезентации. Вот это и будет нашим госзаданием. Вы нас финансируете, а через два года получаете продукт».

Прежняя система госзаданий Министерства культуры была абсолютной профанацией. Департаменты даже не читали заявки, музей или театр что-то сам себе написал, проштамповал, финансирование прошло... Наиболее компетентными людьми в министерстве были бухгалтеры. Они решали, кому сколько дать. На мой вопрос, за что у нас получает деньги какой-то театр и почему именно эту сумму, профильный департамент говорил: «Сейчас мы свяжемся с финансистами — они объяснят». А финансисты: «Значит так, мы считаем по квадратным метрам, сколько ставок, сколько актеров, сколько дворников, сложная формула, коэффициенты...» Только сейчас мы, действительно, в реальности переходим к понятию госзадания. В кино уже перешли, дайте время — до всех доберемся.

Культура: *Руководители подведомственных Вам НИИ — Трубочкин, Разлогов, Веденин, Клявина — ушли по разному, но факт: власть сменилась везде.*

Мединский: Да. Александр Трезвов, директор НИИ реставрации умер. Единственное НИИ, к которому у нас не было никаких претензий. Веденин ушел на пенсию по возрасту, возглавляет научный совет НИИ природного и культурного наследия. Трубочкин ушел по собственному желанию, признавшись, что у него нет моральных сил реорганизовывать НИИ искусствознания. Сказал честно, мы пожали друг другу руки. НИИ

культурологии: Разлогов — востребованный киновед, половину года проводит в зарубежных командировках, являясь отборщиком кинофестивалей. Плюс у него кафедра во ВГИКе и масса других обязанностей. А тянуть полную реорганизацию — это значит сидеть каждый день с девяти утра до девяти вечера. Мы с Разловым все это обдумали и расстались по-хорошему. Я попросил Малышева создать максимальные условия для его творческой реализации во ВГИКе, потому что Разлогов — умный и опытный человек.

Культура: *Ну, и остается госпожа Клявина, которая заявляет, что все Ваши претензии к ней — ложь...*

Мединский: У меня никаких претензий к Клявиной нет. Претензии у прокурора. В Российском институте истории искусства была проведена проверка финансовой деятельности. Есть вопросы по нецелевому использованию 19 миллионов рублей. Деньги не великие, я думаю, разберутся. Могу сказать только: когда директора подведомственного учреждения вызывают в министерство, надо приезжать, а не избегать встреч. И второе. Когда тебе говорят: «Мы полностью отдаем вам на откуп собственную реорганизацию», надо что-то предложить. Клявина в течение полугода не смогла предложить ничего внятного, ни одной бумаги толковой, ни плана, ничего. Стали вызывать в министерство — может, Вы нам устно расскажете? — прячется. Ну, прячьтесь дальше дома...

Культура: *А что с приватизированными в РИИИ квартирами?*

Мединский: Понятия не имею. Какая-то мутная история. Пусть органы разбираются, я этим заниматься не буду. Здание фантастической красоты, окнами на Исаакиевский собор, никто, вопреки слухам, отнимать не собирается. Пусть работают. Главное, чтобы работали, а не балду гоняли.

Культура: *Идет череда громких и не очень отставок в культурной сфере. ГМИИ имени Пушкина, Большой театр, Политехнический музей...*

Мединский: В цирке сменили все руководство: и Росгосцирка, и на проспекте Вернадского, и питерского — на Фонтанке.

Культура: *Эта одномоментная смена караула — конечно же, не просто совпадение? В чем смысл? Вы выстраиваете какую-то определенную систему культурного менеджмента?*

Мединский: Я просто выстраиваю систему менеджмента. Прежде ее

не было.

Культура: *Антонова не годилась для Вашей системы?*

Мединский: Нет, Антонова не годилась. Это великий человек, я перед ней преклоняюсь, но в 91 год очень тяжело реорганизовывать такой огромный комплекс параллельно со строительством музейного городка. И уходящие силы, и устаревшие подходы, и абсолютно объяснимый консерватизм делают это невозможным. Мы нашли максимально мягкую и корректную форму: преемника Антоновой выбрали из списка, составленного самой Антоновой. Лошак, мне кажется, вполне справится с этой работой.

Культура: *Ок. Пойдем дальше. Менеджер Иксанов чем не устраивал?*

Мединский: Здесь к официальному комментарию мне добавить практически нечего. Объективно сложная ситуация внутри театра, много общественного раздражения вокруг этой ситуации. Сколько могли, мы ждали, что Иксанов справится с этим самостоятельно. Он хороший директор, вне всякого сомнения, опытный и умный, но, видимо, 13 лет на одном месте... Просто тяжело разрубать гордиевы узлы, возникают какие-то связи, какие-то обязательства. Не случайно Наполеон говорил, что искусство управлять государством — это искусство не дать чиновнику состариться в своей должности. Нужна постоянная ротация. Надо переводить людей на параллельные участки, где они могли бы использовать свой прежний опыт, но при этом разрывались бы старые связи, появлялся свежий взгляд. Ни в коем случае нельзя выбрасывать специалиста на улицу. Поэтому мы двигаем людей по горизонтали и вверх. И с Уриным такая ситуация, и с Лошак, и с Трегуловой, и с Запашным, и с Полуниным.

Культура: *Когда Вы смотрели в апреле «Прямую линию» Путина, какое человеческое впечатление произвела на Вас свара Антоновой с Пиотровским?*

Мединский: Ну, это ерунда... У нас в кабинетах такие свары происходят...

Культура: *В кабинетах, но не в прямом эфире на глазах у всей страны.*

Мединский: Я считаю, в этой ситуации оба не совсем правы. Вопрос рассматривается под неверным углом: нет никакой коллекции Пушкинского музея и нет никакой коллекции Эрмитажа. Все экспонаты принадлежат

государству, которое называется Российская Федерация. Поэтому ссылки на незыблемость музейного фонда, с одной стороны, а с другой, — на исторические права того или иного музея, являются абсурдом. Государство должно исходить из своих соображений. Если оно — в лице коллективного разума экспертов, чиновников, политиков — полагает, что выгодно, нужно и правильно воссоздать этот музей в Москве, он должен быть воссоздан. Если выгодно воссоздать его в Питере или в Твери, он должен быть воссоздан там. А если удобно, выгодно и правильно на данный момент ничего не трогать, а ограничиться созданием виртуального музея, значит так и следует поступить. Кстати, лидеры мировой демократии, когда требовалось воссоздавать музеи или создавать новые, перетасовывая коллекции, делают это совершенно спокойно. Посмотрите на Францию: Центр Помпиду, да и другие современные музеи возникали путем жесткой перетасовки. Часть экспонатов изымалась, что-то докупалось. Моя личная позиция: ликвидация Музея нового западного искусства в Москве была ошибкой, но скоропалительная попытка воссоздания — ошибка еще большая.

Культура: *Собственно, вопрос мой был не о Музее нового западного искусства. На Ваш взгляд, к лучшему или все-таки к худшему, что такое затасканное в 90-е годы понятие, как «совесть нации», сегодня исчезло? Последними, кого так называли, были Сахаров, Лихачев, Солженицын. Все это, на мой взгляд, фигуры неоднозначные, местами даже сомнительные. Тем не менее, их объединяла важная вещь: способность заботиться не только о шкурных интересах. Теперь же народ привык, что деятели науки и культуры в большинстве своем не видят дальше собственного носа и готовы втянуть целую страну в частные разборки...*

Мединский: Я с сомнением отношусь к термину «совесть нации». Для кого-то сегодня Юрий Шевчук — совесть нации. А для кого-то он просто мелет не пойми что. Кто-то скажет, что мой любимый беллетрист Борис Акунин — глас истины в последней инстанции. А я считаю, что он ничего не понимает в политике и в жизненных реалиях. Эдакие письма Герцена издаются. Хотя талантливейший человек.

Так что претенденты называться «совестью нации» есть и сейчас. Зачастую с не меньшими основаниями, чем академик Сахаров. Но все это — натяжки, и хорошо, что к этому стали относиться с меньшей долей серьезности.

Культура: *Вы — человек, в массовом сознании достаточно четко*

спозиционированный. Ваши взгляды определены, высказываетесь Вы всегда очень конкретно, и одной лишь фразы: «Пусть расцветают все цветы, но не каждый цветок государство будет поливать» достаточно, чтобы не оставалось сомнений, с кем Вы, министр культуры. Поэтому, когда обсуждается казус Мединского — мол, он пришел на юбилей Улицкой и перепутал ее имя, меня больше интересует, что Вы вообще делали на подобном мероприятии, в компании Шендеровича и ему подобных. А то, что эти люди с радостью ухватятся за любую оговорку и растиражируют ее до состояния вселенской катастрофы, само собой разумеется.

Мединский: У Улицкой я оговорился с отчеством. Знакомы мы прежде не были, так что ошибка досадная, но вполне понятная. Больше вам скажу: я не знаю отчества Дмитрия Быкова, Захара Прилепина, Максима Кантора...

Культура: Кантор не обидится, если Вы перепутаете его отчество, — вот в чем разница.

Мединский: Так Улицкая и не обиделась. А Шендерович — человек, глубоко ментально нездоровый, он видит обиды и козни там, где их нет. Нельзя состоять только из желчи и ненависти — это вредно для здоровья. Мне нравятся книги Улицкой, и я искренне, без подготовки, без бумажки приехал на ее юбилей. Тем более что происходило все в нашей подведомственной Библиотеке иностранной литературы.

Культура: Отмечать день рождения российского писателя в Библиотеке иностранной литературы. Оговорочка по Фрейду...

Мединский: Заехал, произнес слова. Ну, отчество один раз перепутал. Мне подсказали, дальше я говорил правильно. После раздутой в интернете шумихи сама Улицкая мне позвонила, извинилась за хамство Шендеровича...

Культура: Степень раздутости свидетельствует о том, что за столом Вы оказались, мягко говоря, не с теми.

Мединский: Знаете, в «Единой России» я считался главным либералом, а теперь как министр культуры считаюсь чуть ли не главным на всю страну консерватором. Но к деятелям культуры я отношусь не в зависимости от их политических воззрений, а в зависимости от их таланта. Поэтому для меня не «западло» приехать на день рождения Улицкой и сказать, что Акунин мой любимый писатель-беллетрист. Но когда Акунин

занимается политикой... Не надо, лучше книжки пишите. А то, если хотите, приходите ко мне в министерство, сядьте рядом, я вам с удовольствием дам какое-нибудь поручение, нужное и важное для русской культуры. Попытайтесь сделать нечто конкретное и увидите, что здесь нет никаких упырей кровавых, которые думают только о цензуре. Мы искренне работаем для того, чтоб стало лучше. Попробуйте с нами.

Я ведь пригласил Ирину Прохорову возглавить Общественный совет министерства. Давайте, поработайте практически. У меня каждый день найдутся 15 минут для разговора с главой Общественного совета по всем вопросам. Что мы делаем неправильно, подсказывайте. В чем суть оппозиции? Вы должны указывать на наши ошибки, чтобы вместе их исправлять. Мы будем вам благодарны, даже отдадим вам часть власти. Но — нет, Прохорова очень занята. А Денис Мацуев, который массу полезного делает в Общественном совете, видимо, занят меньше?

Культура: *Интересно, какой талант Вы цените в Прохоровой?*

Мединский: Она не деятель культуры, она культменеджер. Постоянно заявляет, что в культуре многое делается не так, проекты надо реализовывать иначе, подход к управлению должен быть другой. Я сказал: все Ваши идеи обсудим, что утвердим — будем реализовывать, даже авторство поставим — копирайт Прохоровой. Увы, ей это, видимо, не интересно.

Визы, туристы, пираты

Культура: *Существенный раздражитель, исходящий из нынешнего Минкульта, — антипиратский закон. Как отечественная интеллигенция привыкла к тому, что деньги у государства можно брать без отчета и отдачи, так и рядовой потребитель культурного продукта считает этот продукт бесплатным общеколхозным достоянием. Развернулось активное противостояние законопроекту о пиратстве, петиции подписываются, подписи собираются. А Вы тем временем предлагаете распространить его действие, помимо музыки, на кино и литературу.*

Мединский: Обязательно. В России нет смысла ничего писать, потому что через полчаса после издания книги ее выкладывают где-нибудь на Флибусте. Нет смысла снимать кино, потому что на второй день после премьеры, а зачастую и до нее, фильм уже в RuTracker'е. Писатель не может жить на доходы от своего труда, а кинематограф вообще не способен

существовать как коммерческая отрасль.

Какой смысл государству вкладывать деньги в то, что обречено на дотируемость?

Культура: *Ваш друг Акунин вроде бы недурно живет на доходы от детективов.*

Мединский: Ну, это единичные случаи. Можно еще Донцову вспомнить. Вот я вам скажу: все мои книги выложены в интернете. И я видел: как только новая книга попадает в Сеть, ее продажи уменьшаются в десять раз. Не просто уменьшаются, а в десять раз!

На самом деле, закон правильный. Вопрос, как всегда, в правоприменении. Если Минкомсвязь сможет блокировать пиратские сайты, значит будет работать. Если не сможет, все сведется к штрафу за распитие пива в общественных местах в размере ста рублей. Когда милиционеру не выгодно даже смотреть в сторону пьющего, чтобы не нажать себе геморрой на несколько часов, а пьющий ничего не боится. Наказание должно быть существенным и суровым, только тогда закон работает.

Культура: *Раз уж мы вспомнили Минкомсвязь, нет ли такой идеи — и как бы Вы к ней отнеслись: передать Роспечать в ведение Министерства культуры?*

Мединский: Я могу только сказать, что функционал, связанный со взаимодействием со СМИ и литераторами, исторически всегда был в Министерстве культуры. Во Франции, например, даже сфера регулирования рекламы находится в ведении Минкульты, потому что реклама есть творческий продукт, влияющий на умонастроения масс. Но у нас по-другому. Принимаем это как данность.

Культура: *Не хочется принимать. Скажем, нашей газете идти в Роспечать за помощью сейчас бессмысленно. Все, что мы делаем, — абсолютно поперек их политики. Сколько бы ни говорили, что Минкомсвязь — сугубо технологическое ведомство, Роспечать работает очень идеологично. Поэтому и на мировых книжных ярмарках Россию представляют все те же Акунин, Быков, в лучшем случае Улицкая. А некоторые писатели в знак протеста против «преступного путинского режима» еще и устраивают в преддверии ярмарок хамские дебоши...*

Мединский: Без комментариев.

Культура: Иногда это самый красноречивый ответ... Одна из многочисленных предъяв к новой политике Минкультуры — отказ от выдачи так называемых гуманитарных виз. Раньше их направо и налево получали прибывающие гастролеры, при этом как цель поездки указывалась не коммерция, а «культурные связи». Думаю, после истории с «бладхаундами», оскорбившими российский флаг, все лишний раз убедились, что в связях — в том числе культурных — следует быть разборчивее.

Мединский: Здесь дело не политическое, а юридическое. Действительно, раньше МИД по запросу Минкульты выдавал артистам, зарабатывающим деньги на территории России, льготно-гуманитарные визы. Такая система очень удобна для продюсерских компаний, но, по сути, противозаконна. Выступать по такой визе никто не имеет права. Теперь гастролеры у нас получают рабочие визы, как это делается во всем мире.

Культура: Кстати, по поводу истории с «бладхаундами»: в тех СМИ, где Вас обычно мочат, Вы удостоились хоть какого-то одобрения?

Мединский: Да. Меня даже похвалила Латынина. Сказала, что при всей ее глубокой личной неприязни к Мединскому и тому, что он делает, это редкий случай, когда он прав.

Культура: Гордитесь?

Мединский: Просто млею... Надо понимать, что никакого запрета на выступление этой группы не было. Я лишь настоятельно порекомендовал администрации Краснодарского края ознакомиться с роликом, выложенным на YouTube, и почитать то, что пишут в интернете. Сам тогда был в отпуске. Случайно увидел и пришел в ужас. Администрация тоже пришла в ужас, связалась с организаторами концерта, и группу не выпустили на сцену. Вот и вся история. Сказали: чем быстрее вы уедете, тем для вас же лучше, целее будете. Потом они извинялись, — мол, у них такой бунтарский стиль, но я советую им потерпеться американским флагом и посмотреть, что получится в результате.

Культура: Бунтарский стиль наших казаков — когда гостей слегка прищучили в анапском аэропорту — хаундам не понравился.

Мединский: На мой взгляд, это тоже было не умно. Не стоит уподобляться этим придуркам.

Культура: В ведении Минкульты теперь еще и туризм. Насколько для

Вас эта сфера важна и приоритетна?

Мединский: Чрезвычайно важна. Въездной туристический поток у нас ничтожный. Мы в этом отношении немного опережаем Гондурас, но сильно проигрываем Вьетнаму. Соответственно, целей две. Первая — развитие въездного туризма, потому что это деньги, рабочие места и так далее. Вторая цель — развитие туризма внутреннего, который у нас тоже находится в крайне чахлом состоянии. Если раньше это можно было объяснить тяжелой экономической ситуацией и отсутствием инфраструктуры, то сейчас, скорее, стоит вопрос правильного позиционирования. Инфраструктура появляется, деньги у населения есть. Экономика некоторых стран мира, Турции например, во многом зависит от наших туристов. По статистике, средний российский турист на одну поездку тратит две тысячи евро. Значит, несколько миллиардов евро ежегодно вывозится из страны. Если эти деньги инвестировать в российскую экономику, в отечественную туристическую отрасль, получится взрывной эффект.

Культура: *Вы в Twitter'е сообщили, что принята программа реставрации Соловков. Это связано с критикой, прозвучавшей из уст патриарха, — о том, что работы на Соловках идут очень медленно?*

Мединский: Программа принята давно, но сейчас мы ее активизировали. Соловки — сложная тема. Даже если сделаем все суперкрасиво, пристани нормальной нет, транспорта из Архангельска нет. Взлетно-посадочная полоса может принимать только легкие старые советские самолеты и военно-транспортную авиацию. Несколько лет назад туда приземлился иностранный частный суперджет, так потом несколько месяцев не знали, как его оттуда достать. Потому что полоса военная, ребристая. Напоминает старую стиральную доску.

Кроме того, в околоцерковных кругах существует опасение, будто бы избыток туристов нарушит уникальную атмосферу Соловков. Но, на мой взгляд, до цифры, когда туристы смогут повредить Соловкам, нам как до Луны. Сейчас основная задача — привлечь туда хорошего туриста. Не того, который в лесу костры жжет, а того, кто покупает билеты, ходит в музеи, смотрит храмы. Цивилизованный средний класс привести. Место уникальное. Будем работать.

Культура: *4 сентября, наконец, состоялось отложенное из-за паводка на Дальнем Востоке заседание правительства по multifunctional культурным центрам в малых городах. Вы были*

докладчиком. Что это за центры, расскажите.

Мединский: Указом президента от 7 мая 2012 года Министерству культуры предписано до 2018-го создать не менее пяти экспериментальных многофункциональных культурных центров в регионах. Что-то вроде новых домов культуры. Выделено на эту программу два миллиарда рублей. Но я увидел, что в регионах большой к этому интерес. Говорю: почему пять? Давайте договоримся с регионами, пусть они софинансируют строительство, кто сколько сможет — от ста миллионов и выше, и мы постараемся построить больше. Стали проектировать десять центров. Но регионы сказали: в малых городах, где по пятьдесят тысяч населения, гигантский дворец не нужен. Во-первых, его нечем занять. Во-вторых, дорого содержать. Нам бы что-нибудь поменьше, покомпактнее, поуютнее. Тогда мы кардинальным образом переработали эту программу и делаем теперь так: разрабатываем за счет министерства четыре-пять типовых проектов, и каждый регион может выбрать наиболее подходящий для себя. Таких центров — за те же деньги пополам с субъектами — мы планируем построить уже не пять и не десять, а сорок. В идеале я предлагаю размещать их в городских парках. В любом райцентре обязательно есть либо центральный сквер, либо парк. В советское время все было ухожено, потому что там стоял памятник Ленину с цветами, а сейчас цветочки повытоптали, оградку сперли на металлолом в лихие 90-е, качели сломали. И если в областных центрах парки выглядят вполне прилично, то в районах они нередко в ужасном состоянии, у муниципалитетов нет денег. А когда мы в эту зеленую зону поместим многофункциональный культурный центр, вокруг начнется жизнь.

Культура: А как Вам нравится московская культурная политика? То, что я, например, называю «капковщиной». Заточить ДК ЗИЛ под «Барбикан» и тому подобные западные кальки.

Мединский: По-разному. Много еще только формируется, надо подождать, посмотреть. Мне очень нравится реорганизация паркового хозяйства Москвы. Мне нравятся подходы — не только на уровне Капкова — подходы самого мэра к вопросам культурного досуга горожан. Например, расширение пешеходных зон в Москве. Мы, кстати, много раз это проговаривали в течение года. Раньше вообще этим, по сути, не занимались, а к концу нынешней осени непрерывный пешеходный маршрут по Москве составит 16 километров.

Культура: Чувствую, 8 сентября Вы отдадите свой голос Собянину?

Мединский: Конечно! Я ведь жил в столице и при Промысловых, и при Попове и при Лужковых...

Культура: *Кстати, Вы москвич?*

Мединский: Москвич, «привозной». Отец у меня офицер, мотался по военным городкам. Но в школу я пошел уже в Москве. Так вот, на сегодня лучшего мэра, чем Собянин, для Москвы быть не может. Это оптимальный сплав архиопытного хозяйственника с личностью, любящей и принимающей новаторские идеи. Представить на месте Собянина Навального может только больной человек. Политики будет много. А трубы кто станет ремонтировать? Кто будет готовить Москву к зиме? Прессовать строителей по ценам? Нужен грандиозный опыт управления. Альтернативой Собянину теоретически мог бы стать Лужков. Или Шанцев. Или Хлопонин. Это был бы выбор между разными подходами к профессиональному хозяйствованию. А выбор между Собяниным и Навальным — это шизофрения. Тогда точно всем придется уезжать. У кого есть деньги — на Лазурный берег, у кого нет — в деревню. Потому что в Москве тепла не будет, в деревне проще дровами протопиться.

Историк, «комиссар», «охранитель»

Культура: *Вы входите в рабочую группу по подготовке единого учебника истории. Какого результата ждете?*

Мединский: Я с этой идеей давно ношусь как с писаной торбой, еще с думских времен. Главное — чтобы учебник получился интересный. В чем проблема ЕГЭ? Там все нацелено на зазубривание дат. А они не имеют практически никакого значения. Важно знать факт и понимать, почему произошло так, а не иначе. Вторая задача — сделать историю как можно ярче, чтобы это была история личностей, событий, а не смены общественно-экономических формаций, как нас учили в СССР. Если история живая — она будет вызывать интерес. Успех образования — это когда после уроков ребенок кино посмотрел на историческую тему или, еще лучше, книжку попросил почитать.

Кроме того, я глубоко убежден, что учебник должен заканчиваться приходом Путина к власти в марте 2000 года. Все, точка. Дальше начинается обществоведение.

Культура: *По моим наблюдениям, главный повод для раздора в*

современной России — не последние 13 лет, а советская эпоха. Именно на отношении к ней люди испытывают друг друга. Как быть с этим?

Мединский: Единственно верный взгляд на советскую историю, а равно на всю отечественную историю вообще, прост и очевиден: наши предки путем неимоверного труда и больших жертв оставили нам великую страну. Мы должны знать, как они это сделали, ценить и уважать их наследие и, отталкиваясь от этого, строить нашу будущую жизнь.

Культура: Такой взгляд трудно воплотить не то что в жизни, но даже в учебнике, ибо он подразумевает равное уважение к героям из противоположных лагерей. Не секрет, что у большинства из нас довольно короткая историческая память. Мы еще способны представить себе жизнь наших дедушек и бабушек, изредка — прадедов и прабабок, но глубже редко кто видит. Вполне естественно, что к советскому периоду мы испытываем гораздо более живой и болезненный интерес, нежели к истории Российской империи. И когда Вы ратуете, скажем, за переименование улиц, на Вашей стороне оказываются типы вроде Зелинской — ненавистники всего советского. Этой ненавистью выжигаются связи между ныне живущими поколениями. Считаете ли Вы правильным все-таки выступать с подобными инициативами?

Мединский: Я говорил не о переименованиях, а о возвращении исторических названий в тех случаях, когда это обоснованно и когда по этому вопросу есть общественное согласие. Иногда, возможно, надо проявлять политическую волю, но через коленку ломать — ни в коем случае. Многие советские названия вполне достойны того, чтобы остаться на карте. Пусть тысячу лет стоит Комсомольск-на-Амуре, с идеологией это никак не связано. Профессиональных антикоммунистов иногда заносит на тему «убрать все памятники Ленину!». Я считаю, этого делать не надо. Памятник Дзержинскому тоже напрасно снесли. Памятник — он ведь от слова «память».

Культура: При этом Вы не выступите за возвращение памятника Дзержинскому?

Мединский: Нет. Это аналогично истории с Музеем нового западного искусства. Возвращение памятника Дзержинскому на прежнее место будет еще большей ошибкой, чем его снос. Это воспримут как некий символ, как вектор политического развития, накрутят вокруг много чего...

Культура: Но Вы же занимаетесь возвращением памятника

Александр III в Питере.

Мединский: Не возвращением, а переносом. Он стоит в неудачном месте. Памятник Александру III никем как символ не воспринимается, мне просто жаль, что он не украшает город. А памятник Дзержинскому можно установить в другом месте. Вот есть Высшая школа КГБ на Юго-Западной, сейчас называется Академия ФСБ, там большая панорамная территория. У них поставить — и курсанты лишний раз вспомнят, кто был одним из основателей их службы.

Культура: Хорошая идея, между прочим!

Мединский: Экспромт. А на Лубянке обязательно нужен памятник, он является доминантой площади. Но это должна быть не политическая фигура. Идея еще хуже, чем вернуть Дзержинского, — поставить там памятник академику Сахарову. Получится крен в другую сторону.

Культура: Интересно, останется ли в учебниках 2014-й как Год культуры... Какие цели на это время Вы для себя формулируете? Что должно измениться?

Мединский: Отношение властей к культуре, в первую очередь. Надо превратить загнанного в угол «бюджетополучателя» в элемент экономики. Сейчас государство относится к культуре как спонсор: «Им вечно надо денег, ну, дадим немножко». А надо, чтобы государство воспринимало культуру с позиции инвестора. Пусть мы безвозвратно выделили 50 миллионов на фильм. А он заработал в прокате 300 миллионов. Значит, эти деньги пришли в экономику. Государство собрало налоги, они несколько раз «прокрутились», и косвенно, в той или иной форме, бюджетные затраты возвращаются. Уж не буду говорить о том, что человек два часа смотрел кино — то есть мы украли два часа у пива с воблой, приобщили его к культурному досугу, жизнь продлили ему. Государство должно относиться к культуре как к области инвестиций. Только инвестировать надо в правильные вещи. Кино про вампиров? Идите в банк, берите кредит.

Культура: Экономика, инвестиции... А ведь Вас, Владимир Ростиславович, называют «комиссаром». Как Вы относитесь к пугалу последних двадцати лет — слову «идеология»? Произносите его вслух или про себя?

Мединский: Произношу. Я считаю, что идеология, то есть набор идей — это очень правильная вещь. Без идей человек становится животным. Либералы говорят, что идеологии быть не должно, они, видимо, хотят,

чтобы мы травку жевали...

Культура: *При этом сами выстроили очень жесткую идеологическую систему.*

Мединский: С колоссальной нетерпимостью к инакомыслящим! Да и какие они либералы? «Либерал» — хорошее слово. Навальный, что ли, либерал? Только и орет «всех посажу!». Они просто приватизировали этот термин. В свое время у нас были «демократы» — тоже слову не повезло. А эти ребята испортили понятие «либерал».

Культура: *Ну, так нужна нам государственная идеология?*

Мединский: Конечно! У государства должен быть набор идей, которые оно пытается продвигать.

Культура: *Заключительный вопрос. Помимо «комиссара», Вас называют еще и «охранителем». По душе Вам такое звание? Что и от кого сегодня надо охранять?*

Мединский: Добро всегда надо охранять от зла... Я не могу точно определить собственные идеологические и политические убеждения. Поэтому процитирую чужую фразу, которая мне очень нравится, ибо полностью соответствует моему внутреннему душевному ощущению: «По политическим взглядам я — русский».

«Денег мало, но сделать мы можем многое» [\[25\]](#)

В рамках секвестра российского бюджета на 10 % сокращены и федеральные расходы на культуру. О том, какое влияние это окажет на подведомственную ему сферу, в интервью «Ъ» рассказал министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский.

— Начнем с «Тангейзера»: есть ли шанс, что спектакль Тимофея Кулябина вернется в репертуар Новосибирского театра оперы и балета?

— Вопрос «Тангейзера» закрыт, все решения приняты. Необходимости вмешиваться в работу Новосибирского театра не вижу.

— Тем не менее, в ваших словах есть противоречие: руководителя одного из ключевых театров страны уволили за спорный спектакль...

— Минкульт не «увольняет за спектакль». Увольнение связано с тем, что руководитель так и не понял или не захотел понять: государственное учреждение не частная лавочка. Уверен, массовых митингов можно было избежать. Собрать на своей площадке журналистов, местных депутатов, общественников, представителей РПЦ: разъяснить, убедить, обаять.

Невзирая на личные симпатии. Стремление к диалогу, особенно в конфликтных условиях, — обязанность руководителя федерального театра.

— О руководителях федерального уровня. Министерство культуры объявило о проекте «Кадровый потенциал». Что это такое? Это не то же самое, что уже имеющийся «Кадровый резерв» для госслужбы?

— Нет, не то же самое, хотя цели преследуются похожие, только с учетом специфики культурной сферы. Наша программа хоть и предполагает подбор кадров для работы в министерстве, но в первую очередь нацелена на подбор, систематизацию и учет управленцев именно для учреждений культуры — а это все-таки не госслужба.

Нам нужно держать в поле зрения людей, которые в той или иной степени сочетают творческие и деловые, руководящие навыки. И это поле зрения мы хотим расширить — охватить в нем и разные сферы культурной деятельности, и разные регионы. Не секрет, за пределами столиц у ведомственного начальства, увы, начинается кадровая терра инкогнито.

Нам нужно построить такую математическую модель, такую

многомерную матрицу, которая учитывала бы разные параметры, ввести в нее критерии для как можно более объективной оценки качеств кандидатов на те или иные управленческие должности. Мы будем учитывать и наработки нашего партнера по проекту — Академии народного хозяйства и госслужбы, и опыт бизнеса, в том числе Сбербанк.

Планируем, что система заработает осенью. Проблема с управленческими кадрами в нашем случае та же, что и у госслужбы в целом и у бизнеса. Только, повторяю, со спецификой культурной отрасли.

— А именно?

— Вот типичная ситуация. Освобождается вакансия директора, например, в музее. Нужно кадровое решение. И начинает культурное начальство — федеральное или региональное — быстро перебирать в памяти, кто там есть подходящий помимо имеющихся замов. Созванивается с коллегами, а то и просто со знакомыми, просит кого-то авторитетного и уважаемого порекомендовать... Не скажу, что это система, но случается нередко. Сами можете оценить степень субъективизма, закрытости, случайности — и, соответственно, вероятность неоптимальности решения, принятого таким образом.

Или, к примеру, аналогичная ситуация, но с другой стороны, сидит человек тихонько годами где-нибудь в местном театре кукол или даже культучреждении центрального подчинения — в глубинке. То ли хорошо работает, то ли нет — вроде и отчетность нормальная, и просит неназойливо, и жалоб-скандалов нет. И ладно, мол, пускай сидит. Кому есть дело до этого театра и до этого директора? А может быть, он ни на что не годен или, наоборот, созрел для решения более масштабных задач? А может, в его театре или в соседнем как раз подрастает толковый амбициозный молодой руководитель, которому позарез нужен шанс? А вдруг где-нибудь в смежной отрасли: образовании, госуправлении, даже бизнесе есть талантливый управленец, который мог бы быть невероятно полезен данному учреждению культуры? Это, обратите внимание, уже не «пожарный» вопрос, а вопрос именно селекции, повседневной кадровой работы.

— *Всех сейчас беспокоит секвестр бюджета. Насколько критично десятипроцентное сокращение бюджета министерства? Будут ли резать гранты?*

— Мы все время пытаемся побольше выбить на культуру. В целом отрасль очень недофинансирована. Можно, конечно, причитать на каждом

углу, что денег мало и мы ничего сделать не можем. Денег действительно мало, но сделать мы можем многое.

Да, секвестр предполагал тотальное сокращение всего, в том числе и грантов. Мы сделали то, что я называю «бюджетным маневром», — прямо как Минфин, только наоборот.

Если возьмем бюджет министерства, то увидим, что львиная доля приходится на финансирование музеев, библиотек, институтов и театров, затем идут стройка и реставрация, затем субсидии регионам и лишь затем проектная деятельность, осуществляемая либо в рамках ФЦП «Культура», либо централизованной сметы. Вот там все что угодно: Пасхальный фестиваль, ММКФ, «Кинотавр», выставки в России и за рубежом.

Мы сманеврировали таким образом, что все наши учреждения, то есть собственно работники культуры, остались при своих деньгах. У них нет десятипроцентного секвестра. Более того, сократив, к примеру, дотации некоторым театрам на 2,5 %, мы тут же пообещали бонус до 7,5 % тем, у кого будут лучшие продажи. Музеям сохранен план финансирования в рамках 2014-го — Года культуры. А он был максимальным с 1991 года. Библиотеки тоже остаются на уровне 2014-го.

Это делается за счет тотальной экономии на всем остальном: на стройках, реставрации, программах, фестивалях, в первую очередь избавляемся от избыточного. Хотя закрытых программ на самом деле немного.

Также в министерстве запущена сложная многоуровневая система перепроверки заявок. Добиваемся больших скидок от поставщиков везде — от реставрационно-строительных работ до гастрольной, выставочной деятельности и прочее. Есть еще собственные расходы министерства. Их мы порезали сильнее всего: командировки, телефония, даже канцелярия и офисная бумага...

— *Вряд ли внутренние расходы министерства экономят серьезную сумму...*

— Речь о миллионах рублей. Вы не поверите, у нас по всем направлениям после проверок идет снижение до 30 %.

— *То есть в чем-то кризис оказался даже к лучшему?*

— В любом кризисе есть что-то к лучшему.

— *Что касается строек: какие проекты останятся?*

— Мы вынуждены заблокировать или перенести на 2016 год те новые

объекты, которые еще не начали строиться... В принципе считаю это неправильным, ведь речь идет не о еще одном Большом в Москве или еще одном Эрмитаже в Петербурге. Речь об объектах культуры в регионах, которых там и так ждут десятилетиями. Но у Минфина и Минэкономики своя логика. Они перестраховываются, ориентируясь на худшие варианты развития событий.

— *Что не будет строиться из запланированного в 2015 году?*

— Притормаживается федеральное финансирование строительства Архангельского театра кукол, ВГИКа им. С. А. Герасимова, культурного центра в Калуге, ряда региональных объектов культуры, например связанных с празднованием 100-летия Мурманска, национальной библиотеки Бурятии и др.

— *А реставрация Херсонеса не отменяется?*

— При личной поддержке президента выделено дополнительно Крыму и Севастополю 1,6 млрд. руб. на текущий год на ремонт и реставрацию объектов культуры. Общая трехлетняя программа приведения в порядок того, что было заброшено за последние 25 лет, примерно 4 млрд.

Украина не вкладывала в собственные памятники ни одной копейки. Все либо разваливалось, либо кое-как делалось за счет собственных доходов учреждений.

— *Что будет с реконструкцией ГМИИ им. А. С. Пушкина?*

— Она продолжается. С 2011 года копилось колоссальное недоосвоение средств: это был бесконечный клубок проблем. Вроде все хотели как лучше, но в итоге ничего не получалось. Ежегодно условно «возвращалось» в бюджет порядка 2–2,5 млрд. руб. И только в 2014-м дело сдвинулось с мертвой точки. Судить рано, это будем делать по «результату», но, по крайней мере, там сейчас идут работы. Пока это бюджетно обеспечено.

Кроме того, продолжается реализация проработанных и согласованных в 2014 году новых проектов Минкультуры: комплекса ГЦСИ на Ходынке, Малого драмтеатра Льва Додина в Петербурге, Цирка на Фонтанке и нового здания МХТ имени Чехова в Коломенском.

— *Каким фестивалям сократят финансирование? Что будет, к примеру, с упомянутыми ММКФ и «Кинотавром»?*

— Бюджет «Кинотавра» сокращен на 10 %, у ММКФ сокращение

поменьше.

Система финансирования фестивалей, которая когда-то работала по принципу «хорошие люди — больше денег, плохие люди — не дадим», ушла в прошлое. Введены категории «главный международный фестиваль», «главный национальный», «главный мультипликационный»... Есть топ-лист фестивалей авторского, документального, дебютного кино. К примеру, в рамках реформы увеличено финансирование фестиваля имени Тарковского «Зеркало» на 60 %, а в Суздале (мультфильмы) — вообще в 2–2,5 раза.

По региональным фестивалям принцип простой: мы даем небольшую субсидию, дальше сам регион привлекает средства.

— *Экспертизу проводите?*

— Конечно. Все решения принимаются фестивальным комитетом. Я только согласую итоги. Могу задать какие-то вопросы. В духе «А почему Михалкова сократили не на 10 %, как всех, а на 15 %?».

— *Однако бюджет Фонда кино оставлен в первоначальном виде, тогда как бюджет министерства в разделе «Кино» сильно сокращен...*

— Да, это было лично мое решение. Считаю, что «затягивать» все бюджеты на себя, а потом раздавать «с барского плеча», когда есть специализированная профессиональная институция, неэффективно. Фонд кино активно работает, у них хорошая экспертиза, правильные подходы. Мы этой системе доверяем. Но самое главное, там высокая доля возвратных денег — 40 %. С большим трудом, кстати, сохранили ее в этом году. Некоторые продюсеры, конечно, требовали «войти в положение» и сделать так, чтобы ничего государству обратно не отдавать. Но я считаю эту позицию принципиальной: коммерческое кино должно деньги возвращать.

— *Но при этом госрасходы порезаны в части документального и мультипликационного кино, то есть направлений, которые имеют намного меньше шансов окупиться?*

— Ни документальное, ни мультипликационное кино мы не резали. У вас неточные сведения. Мы поддерживаем не только коммерческие, но и социально значимые проекты. Деньги направляются туда, где они могут быть эффективно израсходованы. При принятии решений о поддержке той или иной студии мы ориентируемся на все ее предыдущие достижения — фестивальные награды, зрительский успех, не только кассовые сборы.

Кому-то, например, нравится режиссер Иван Твердовский, а кому-то не нравится. Но его дебютный фильм «Класс коррекции» собрал уже порядка 30 международных призов. Лично я этот фильм не досмотрел — не потому, что он плохой, а потому, что я не могу такое смотреть, я нервничаю. А другие от него в восторге. Однако ни то, ни другое не имеет никакого значения. Значение имеет объективная история успеха. С такой историей и режиссер, и продюсер имеют приоритетное право на госсубсидию со своим следующим проектом.

— Вам как, «Битва за Севастополь» и «Батальонъ» понравились? Ведь в сюжете полно довольно спорных фактов...

— Факты не бывают «спорными». Бывают факты, бывают домыслы, а бывают вымыслы. Если мы говорим об искусстве, то для него история — это легенда, миф. И в легенде, и в кино есть место домыслу — это нормальный творческий прием. Если вы хотите стопроцентной достоверности, смотрите документальное кино.

«Спасти рядового Райана» — это исторический фильм? Это талантливо сделанная выдуманная история. В частности, про «правильное» отношение США к своим солдатам, которые «сражаются за Родину». Очень позитивная и достойная «Оскар» история. А «Штрафбат»? Тоже про отношение страны — нашей — к нашим солдатам. Тоже профессионально. Тоже выдуманное насквозь. Только это антипод «Райана». После «Штрафбата» не просто «жить не хочется», а хочется немедленно свалить из «этой страны» куда подальше. То есть это, скажем мягко, вымысел, на котором строится «черный миф».

«Батальонъ» и «Битва за Севастополь» — это принципиально другое. Здесь нормальный художественный домысел, он не противоречит исторической правде в широком смысле, не ломает дух истории и работает на позитивную легенду.

— И кто решает, какая легенда позитивная, а какая нет?

— Экспертные советы при министерстве.

— Если история — это «легенда», зачем понадобилось снимать с проката фильм «Номер 44»?

— Его никто не запрещал — особо страждущие смогут посмотреть этот «продукт» на дисках и в интернете. Мы вместе с прокатчиками (ЦПШ) просто не допустили его к зарабатыванию денег на нашем рынке. Потому что это не кино, а мерзость. Бездарное по форме и гнусное по содержанию.

Это не вопрос цензуры — это вопрос уважения к памяти наших предков. И к самим себе.

— *На выбор социально значимых тем как-то повлияли экономические трудности?*

— Никак. В этом году 70 лет Победы. Социально значимая тема? Инвалиды — из года в год социально значимая тема. Большой фильм Мирошниченко и ВГИКа на эту тему стал официальным фильмом Паралимпиады. Есть тема мирных профессий, летчиков, — будет новый «Экипаж». Есть запрос на спорт — будет фильм с рабочим названием «Движение вверх» про Александра Белова и легендарное баскетбольное олимпийское золото Мюнхена 1972 года.

Есть и обратные примеры. 200 лет Лермонтову — важная тема? Важная, но сценариев хороших нет. Есть еще хорошая тема, даже поручение президента по этому поводу — снять фильм про Льва Яшина. Только опять — экспертный совет Фонда кино считает, заявки по Яшину настолько слабы, что мы просто сожжем деньги.

То есть, как видите, кризис не повод урезать социально значимые темы. Но и одного факта социальной значимости недостаточно для получения господдержки.

— *Сокращается ли бюджет Российского военно-исторического общества (РВИО)?*

— Безусловно. Но основную его часть составляют спонсорские средства, в том числе те, на которые РВИО организует летние спортивные лагеря, поисковые работы, поддерживает реконструкции, обустраивает захоронения. Установило, кстати, больше 1 тыс. мемориальных досок Героям в школах и 30 больших памятников: Героям Первой мировой на Поклонной, мемориал 1914 в Калининграде, Рокоссовскому в Москве и Волгограде, генералу Скобелеву, Николаю II в Белграде и Хорватии и многие другие. Это все работа с бизнесом, уговаривание. Слава богу, мир не без добрых людей.

Вообще, РВИО, наверное, одна из самых экономически эффективных организаций такого рода в стране. Каждая копейка бьет в цель. И на каждую бюджетную копейку приходится рубль частного софинансирования. Иначе такой объем работ был бы не по силам. Общество еще и зарабатывает — на издании книг, компьютерных играх. Книги «История Крыма», «История Новороссии», авиасимулятор «Самолет Илья Муромец» — потенциально прибыльные проекты.

— *Вы сами придумываете, какие памятники и где устанавливать?*

— Буквально на днях открыли в Шампани памятник солдатам русского корпуса, павшим во Франции в 1914–1917 годах. Это что, специально придумывать надо? Во Франции мы поставили еще четыре памятника, каждый из них открывался с большой помпой французскими властями. Везде префект, мэр города, почетный караул, солдаты, венки, оркестр. А ведь это были в том числе памятники, посвященные войне 1812–1814 годов. Бонапарта французы уважают, но уважают и подвиг русских, достойно и честно сражавшихся. Так же мы ведем себя по отношению к французам в Бородино.

Кстати, в Бородино недавно РВИО торжественно захоронило «последнего солдата 1812 года». Это спустя 200 лет! Он погиб при штурме Парижа. Его скелет хранился в кабинете анатомии одного из французских лицеев как учебное пособие. Неизвестный солдат был высоким по тем меркам, 186 см, и его скелет изучали как образец телосложения. Но эта удивительная история имела не менее удивительное продолжение: сотрудники Бородинского музея-заповедника недавно установили в архивах его имя и звание! Мистика... Вот так. Война заканчивается тогда, когда захоронен последний солдат...

— *Но активность министерства за рубежом памятниками не ограничивается?*

— Все, что я вам сейчас рассказывал, делает не Минкульт, а Военно-историческое общество. Роль же культуры, возвращаясь к работе министерства, как «мягкой силы» в сегодняшнем мире выросла колоссально и будет расти. Это отчетливо понимают все — и недоброжелатели, мечтающие об изоляции России, тоже. Утром они Россию обличают, а вечером идут на наших звезд балета, на Мацуева, на Гергиева, Додина — и рукоплещут России. А какие эмоции в любой стране вызывают наши фестивали с участием самых одаренных детей! Мы сохранили, поддерживаем и развиваем уникальную отечественную систему выращивания талантов. И сегодня наши дети не хуже признанных мастеров меняют отношение к России.

— *Неужели внешнеполитическая конъюнктура не снизила спрос на российское искусство?*

— Зритель нас ждет абсолютно везде. Заявки в сотню раз превышают наши финансовые возможности. А там, где нам не рады на

государственном уровне, развиваем прямые связи между театрами, музеями, филармониями. С Польшей, например. В прошлом году, в разгар санкционного давления, мы провели «перекрестные» год культуры с Великобританией, год языков и литературы с Германией, год туризма с Италией, сезоны культуры с Францией, Швейцарией, Австрией. Где-то госчиновники устарились, но что из того, что не они перерезают ленточки? Аншлаги не запретишь. Главное — нигде ни одно мероприятие не было отменено.

Возьмите Австрию — страну, где штаб-квартира ОБСЕ, европейское представительство ООН. О культурном влиянии я уже не говорю. Мы проводим с ними трехлетние сезоны культуры, такого не было за 90 с лишним лет дипотношений. На прошедшем на днях в Вене большом гала-концерте в честь 70-летия освобождения Австрии от фашизма солисты вышли на сцену в георгиевских лентах, звучала музыка Победы, мы смонтировали документальный видеоряд, как встречала Вена российских солдат, спасших от разрушения этот прекрасный город, как Советский Союз помогал Австрии вернуться к мирной жизни. В зале, кстати, были и официальные лица, австрийский истеблишмент, представители других государств, наши соотечественники. И под песню «День Победы» весь зал встал.

— *О новых международных проектах при сокращении бюджета говорить не приходится?*

— Почему? Мы вот, например, запустили программу — наиважнейшую — по поддержке русских театров за рубежом. Кто им поможет, если не мы? А ведь это проводники русского языка, русской литературы, русской театральной школы. Проект недешевый, но мы нашли деньги. На действительно нужное и важное мы обязаны находить средства. Это и есть наша работа.

Интервью взяли Елена Кравцун и Юрий Яроцкий

«Россия никогда не сдавалась»^[26]

О том, как поднять культурный уровень общества, кто и зачем передёргивает историю, и о многом другом шёл разговор главного редактора «АиФ» Николая Зятькова и министра культуры Российской Федерации Владимира Мединского.

Единая команда

— Владимир Ростиславович, в последнее время много говорят о том, что культурный уровень россиян падает. Коммунисты утверждают, что это результат либеральных реформ. Правые заявляют: это, мол, из-за ужесточения авторитарного правления. А ваше мнение?

— Знаете, если посмотреть на историю России, мы увидим, что и власть, и элита всегда были недовольны уровнем культуры и образования населения: мол, мы бы с удовольствием, но народ-то не поймёт — не созрел ещё. Где сейчас те элиты, уже и не упомнишь. А Россия — вот она.

Если же говорить о конкретных проблемах — безусловно, они есть. И разбираться надо в каждом конкретном случае. Например, по статистике, люди стали меньше читать. Это очень плохо. Человек читающий способен к культурному самообразованию. Если же он только смотрит телевизор, способность к самообразованию у него атрофируется. Высокохудожественное кино в кинотеатрах вытесняется кинопродукцией, являющейся фоном для потребления попкорна. Эти проблемы конкретны и понятны, их надо решать. А просто говорить о том, что «раньше» с культурой было хорошо, а сейчас — плохо, мне кажется, несправедливо и нерационально.

— Понятие культуры широкое. Но пока есть ощущение, что, как в знаменитой юмореске Аркадия Райкина, каждое ведомство в России занимается сугубо своими проблемами: музеи одному министерству подчиняются, книгоиздание — другому, телевидение — третьему, образование — четвёртому. Но ведь образование связано с культурой не менее тесно, чем театры. А телевидение!.. Процент населения, которое смотрит кино в кинотеатрах, несопоставим с тем, кто каждый вечер усаживается перед «ящиком». Так, может быть, расширить полномочия

министерства, передав ему дополнительные гуманитарные функции?

— В мире есть разные модели госуправления в сфере культуры. В США, к примеру, нет ни министерства культуры, ни Госкино, но Голливуд при этом правит миром. А в Китае Госкино — это мощнейшая организация. В Великобритании ведомство культуры сравнительно невелико, сфера его полномочий — в основном господдержка, госучреждений немного, а во Франции министерство культуры — ведомство с огромными полномочиями — координирует все государственные СМИ и даже регулирует сферу рекламы. В Испании одно «гуманитарное» министерство просвещения отвечает и за культуру, и за образование, и, заодно, за спорт.

Схемы могут быть самыми разными, но эффективной будет та, в которой люди работают как единая команда, а не сваливают друг на друга решение проблем и ответственность, не отбирают у своих товарищей мяч или клюшку, пытаясь первыми забить гол.

Так вот, я работаю в команде и на том участке поля, который мне поручен. И точка.

— Многие ваши предшественники, сев в министерское кресло, ужасались: как можно с таким маленьким бюджетом что-либо сделать? Вы тоже страдаете из-за нехватки средств?

— Мы не страдаем, мы пытаемся обходиться тем, что имеем. Москву тоже в 1941-м было бы легко защищать, если бы у каждого бойца была личная «Катюша» и по три модернизированных танка Т-34 на взвод пехоты. Но реалии были другие: фашисты шли на нас железной лавиной, а у тех самых героев-панфиловцев, существование которых сейчас пытается опровергнуть директор Госархива, были только «коктейли Молотова», противотанковые гранаты и одна пушка, раздолбанная буквально в первые минуты боя. Но, тем не менее, они столицу отстояли. А мы сейчас, сидя в кондиционированных кабинетах, копаемся в их истории, да ещё ноем, что нам мало финансирования, разъезжая при этом на неплохих германских автомобилях.

— Общее сокращение бюджета на вас сказалось?

— Как на всех. Зато в прошлом году финансирование отрасли было максимальное за всю историю культурной сферы — сильно помогло решение президента провозгласить 2014 год Годом культуры. Благодаря этому и более рачительному хозяйствованию мы смогли за последние два года в целом увеличить среднюю зарплату в отрасли почти вдвое. В цифрах это выглядит так: средняя зарплата в муниципальных учреждениях была

10 тыс. руб., сейчас — 18,5 тыс. руб. (в федеральных — с 25 тыс. рост до почти 50).

Хотя в сфере культуры говорить о средней зарплате вообще тяжело. Недавно спорил с министром финансов: пытался объяснить ему, почему многим деятелям культуры нужно платить зарплаты гораздо выше среднего. Ведь научный работник Эрмитажа — не «средний», и преподаватель Вагановской академии балета — тоже не «средний». «Понимаете, — говорю в сердцах, — нас с вами, чиновников, не приглашают руководить ни Всемирным банком, ни культурой в масштабе Евросоюза. А вот наши артисты, музыканты, режиссёры сверхвостребованы во всём мире. Вот когда за наших чиновников будут сражаться так же, как бьются за Гергиева и Темирканова, Плетнёва и Спивакова мировые симфонические оркестры, а за артистов Большого и Мариинского — лучшие оперные и балетные площадки мира, тогда мы и будем рассуждать о том, что „зарплата всех поголовно работников культуры должна быть не выше средней по стране“».

— *Но можно ли сводить финансирование культуры только к зарплатам?*

— Разумеется, нет. Хотя, согласитесь, это самый по-человечески понятный индикатор того, как государство относится к своим обязательствам в культурной сфере.

Посмотрим на другие индикаторы культурной сферы. В 2014 г. число посетителей российских музеев выросло до 102 млн. человек (по сравнению с 86,6 млн. в 2012-м). В этом году мы планируем довести этот показатель до 110 млн. Отчасти за счёт бесплатного доступа в музеи школьников и студентов, за счёт распространения этой практики на большинство регионов страны.

А если взять такой масштабный проект, как Национальная электронная библиотека, инициированный РГБ несколько лет назад, то сейчас на портале «нэб. рф» уже более 1,6 млн. текстов, причём большинство из них вы нигде не найдёте в Интернете. В 2014-м расходы на развитие НЭБ составили 325 млн. руб. В 2015 г. объём финансирования снизился, так как проект с июня заработал в полном объёме, и на пополнение фонда предусмотрено 102 млн. руб., а на дальнейшее развитие — 73. Кстати, аналогичный французский проект «Галлика», идеи которого мы использовали при разработке НЭБ, только в нынешнем году профинансирован на сумму, в разы большую, чем стоимость всего нашего проекта.

Далее. В детских школах искусств у нас сегодня учится около 1,5 млн. детей — это в полтора раза больше, чем в 2012-м.

В сфере реставрации строительства: если в 2012 г. объектов (театров, музеев, филармоний, храмов, памятников истории), отреставрированных и сданных «под ключ» с учётом средств федерального бюджета, было всего лишь 7, то в 2014 г. уже 70 (кстати, национальный рекорд!), а в этом году — планируем — 117. Есть и программа по развитию исторических поселений, повышению их туристической привлекательности — она охватывает исторические центры более чем 40 городов. В прошлом году это были Белёв в Тульской области и Плёс в Ивановской, в планах этого года Севастополь, Выборг, Гороховец, Старая Русса, Зарайск, Торжок, Коломна, Суздаль, Арзамас, Крапивна, Смоленск.

Поверьте, это не просто отчётность «о расходовании средств», а результат осмысленной и стратегической государственной культурной политики.

Подвиг был!

— Вернёмся к очень важной теме, которую вы затронули, — про заявление о том, что не было ни 28 панфиловцев, ни их подвига. Зачем проводятся такие «научные исследования»? Кому они нужны?

— Прежде чем отвечать на вопрос «зачем?», давайте ответим на вопрос «что?». Что было и чего не было?

Первое. Никаких «рассекреченных» документов директор Госархива г-н Мироненко не опубликовал — все они давно опубликованы и с тех пор находятся в научном обороте. Кроме того, в архивах находятся (и они также давно опубликованы!) стенограммы записи бесед со всеми выжившими участниками боя и ещё множество документов. Они подтверждают, что были и сам бой, и почти два десятка сожжённых немецких танков. Справка военной прокуратуры от 1948 г. тоже не является истиной в последней инстанции — в ней верно лишь то, что не все участники боя погибли. Но это никем и не отрицается!

Второе, и самое, возможно, главное. Опубликован рапорт командира 1075-го стрелкового полка И. Капрова: да, в тот конкретный момент у данного разъезда указанным количеством пехотинцев боя не велось. Но на протяжении плюс-минус нескольких дней в этом районе его полк держал оборону и, в частности, упоминаемая рота тоже, и тоже — примерно в этом месте — по показаниям Капрова — бойцы «действительно дрались

геройски». В начале боёв, длившихся несколько дней, было в роте 130 человек, из них погибло 100. Вот такая страшная цифра!

Так что панфиловцев было не 28 и даже не 130. Их было в годы войны тысячи. А точнее — миллионы...

В нашей истории никаких мифов и легенд придумывать не надо — в ней столько примеров массового героизма, что этому можно поражаться ежедневно.

— *Мы в редакции пришли к похожему выводу: если этого подвига не было и другого не было, тогда мы должны были бы жить все эти десятилетия под игом Гитлера.*

— Знаете, как-то смотрел британский, кажется, 40-серийный фильм «Мир в войне», снятый ещё в конце 60-х — начале 70-х, с огромным количеством интервью участников практически всех событий Второй мировой. Как вы думаете, сколько серий из общего числа посвящено войне на Восточном фронте? Две! Первая — «Барбаросса», про начало войны. И — «Сталинград». Ну, ещё там были эпизоды, как мы помогаем англичанам брать Берлин. Всё! Как будто больше Россия во Второй мировой и не участвовала. Зато бомбардировкам Лондона, героизму англичан, мудрости Черчилля посвящены десятки часов.

Серия «Барбаросса». Немцев — участников боёв зимой 41-го под Москвой — спрашивают: почему вы остановились в 30 километрах от центра Москвы? Можно же было уже из пушки стрелять по Кремлю! Те отвечают: мы шли-шли, а потом вдруг раз — и морозы, а у нас нет зимней одежды. Ружья замёрзли — не стреляют, танки замёрзли — не едут, масло замёрзло ружейное. И, пока мы пытались всё это как-то разогреть, на нас попёрли дикие сибирские орды. Вот это объяснение поражения! Я считаю, что версии а ля господин Мironenko, по сути, работают на такую западную пропаганду. Посадить бы таких «исследователей» в машину времени и туда, в заледенелый окоп под Дубосеково, в ноябрь 1941-го, при -40° и шквальном огне немцев! Пусть считают там панфиловцев, сколько их было в конкретный момент в траншее: 28 или 128.

— *Но как теперь рассказать — не столько миру, сколько нашему подрастающему поколению, — как на самом деле всё было?*

— Это долгий разговор. Прежде всего, надо признать, что информационную войну мы полностью проиграли. На разных этапах мы ещё что-то могли сделать — у нас были очевидные достижения, которые показывали страну с лучшей стороны: запуск спутника, полёт Гагарина в

космос, успехи науки, образования. Но в целом мы, начиная с 1950-х, всё время отступали. И крах 1991 г. лишь зафиксировал это поражение в умах. Почему-то после подписания Беловежских соглашений ни одна воинская часть не вышла на защиту СССР. Ни на Сенатскую площадь, ни на Красную. СССР был обречён. Империи рушатся не на поле боя — они рушатся в первую очередь в сознании.

И процесс восстановления уважения к себе, к делам предков, восстановления уверенности в своих силах — он сейчас только начинается. И те совсем небольшие испытания, которые последние полтора года переживает страна, нам только на пользу. Они позволяют трезво взглянуть на ситуацию, снять розовые очки, перестать думать о том, что в мировой политике руководствуются какими-то «общечеловеческими» ценностями. Это миф. Есть ценности цивилизационные, социальные, клановые. Есть политические и финансовые интересы.

И в реальности Россия всегда была и остаётся для Запада большим раздражителем и геополитическим конкурентом независимо от того, кто в данный момент у власти. Мы являемся геополитическим конкурентом просто в силу нашей громадности. На карту посмотрите! В силу тех ресурсов, которыми владеем, в силу удивительной и достаточно редкой исторической стойкости. Возьмите период истории начиная с Сергия Радонежского, когда татаро-монгольское иго, по сути, перестало существовать: за 600 с лишним лет Россия ни разу не капитулировала и никогда не находилась под чьим-то управлением. В мире не найдётся и десятка государств с такой непрерывной суверенной историей. Это надо помнить. И именно для сохранения такой памяти у каждого народа есть культура.

«Государственные учреждения культуры сами себя обеспечить не могут»^[27]

В этом году министр культуры РФ Владимир Мединский решил отказаться от традиционной итоговой пресс-конференции в декабре. Однако в интервью ТАСС он рассказал о грядущих кадровых перестановках, «живописании бомжей» на «Артдокфесте», а также о том, как он относится к Facebook и критике в свой адрес.

— Сейчас непростая экономическая ситуация. Какие, на ваш взгляд, направления культуры могут пострадать в этой связи в первую очередь?

— Так получилось, что мы к этому подготовились. Самая затратная часть нашего министерства — строительство и реставрация. Еще два года назад мы поменяли принцип ведения реставрационных и строительных работ, решили, что не будем больше хвататься за все подряд, размазывая деньги тонким слоем по максимальному количеству проектов.

При прежнем подходе все эти проекты реализовывались крайне долго, а цены постоянно индексировались. И условно говоря, к моменту, когда мы наконец заканчивали реставрировать последний придел в таком-то храме, в его основной части уже начинало что-то осыпаться. Теперь мы перешли на другой принцип работы: строго под ключ с фиксированной сметой, без повышения расценок. И это уже позволило нам завершить множество проектов.

То же самое и в отношении строек. Прежде чем ввязываться в очередные макропроекты, надо завершить те стройки, которые тянутся долгие годы. И мы их доделываем. Только в этом году уже сданы десятки объектов, не успеваем ездить, перерезать красные ленточки: Театр оперы и балета в Йошкар-Оле, там же — кукольный театр, несколько цирков, филармония в Саратове, филиал «Петергофа» в Тамбове, Центр современного искусства в Нижнем Новгороде, музейный комплекс в Саранске, Республиканская библиотека в Петрозаводске, Ратные палаты в Царском Селе, Центр Грабаря и Литературный музей в Москве, БДТ Товстоногова в Санкт-Петербурге... Список можно продолжать очень долго. И поэтому могу вас заверить, что у нас не должно появиться множества замороженных проектов.

Государственные учреждения культуры сами себя обеспечить не могут

— Какие сферы культуры получают наибольшее финансирование в будущем году и какие смогут обеспечить себя сами?

— Государственные учреждения культуры сами себя обеспечить не могут. О каком самофинансировании может идти речь? Если только ввести шоковую терапию. А это недопустимо, потому что с ультралиберальным подходом большинство театров, музеев, заповедников, библиотек просто прекратили бы свое существование.

Мы, безусловно, стимулируем их усилия по посильному зарабатыванию средств. Так, за 2013–2014 годы внебюджетные доходы в отрасли культуры увеличились в среднем на четверть. А в некоторых учреждениях — в несколько раз.

Очень многое зависит от директора, который должен энергично пресекать хождение «мимо кассы», привлекать спонсоров, формировать попечительские советы, фонды целевого капитала. Поэтому с 2014 года в контракте с руководителями федеральных учреждений культуры есть пункт о росте внебюджетных доходов и показателей посещаемости. Кстати, раньше директора назначались без всякого рассмотрения планов развития, без того, что модно называть KPI.

Хотя задания не могут устанавливаться по одной линейке, все учреждения разные. Есть Петергоф, который исторически обеспечен значительным турпотоком, есть историческая сцена Большого театра, где, как шутят (несправедливо), что бы ни показывали, все равно будет полный зал.

Но многие находятся в гораздо более сложных условиях. В разных странах разные модели финансирования культуры: от почти стопроцентной господдержки, до почти стопроцентной доли частного капитала, как в США. Думаю, нам нужно не затевать реформирование ради реформирования и копировать чужие модели, но развивать и совершенствовать ту, которая у нас складывалась исторически.

— В этом году на приобретение музеями экспонатов был выделен 1 млрд. руб. По какому принципу шло распределение этих средств? Сколько планируется выделить на 2015 год?

— Распределением средств занимаются экспертные комиссии. В этом году много покупали, в том числе и предметы современного искусства. Но в целом, честно говоря, я не очень удовлетворен работой. На мой взгляд,

мы оказались к ней не готовы. Не всегда закупки идут через аукционы у продавцов «первой руки», часто идет перекупка у российских арт-дилеров, вздуваются цены, отсюда много взаимных склок, жалоб, обвинений, подозрений в ангажированности экспертов и даже чиновников министерства. С некоторыми мы даже расстались за это время, дошло и до этого. Говоря откровенно, мне кажется, что закупка музейных ценностей должна впредь носить эксклюзивный характер. Наши собрания в музеях переполнены, экспонируется 4–5 % от всех коллекций, а иногда и меньше. Остальное в запасниках.

На мой взгляд, наоборот, надо пытаться максимально выставлять то, что находится в запасниках, развивать филиальную сеть, и этим мы сейчас занимаемся. А тратить федеральные деньги на закупки бессистемно — неправильно. Тем более сейчас, в период кризиса.

— *То есть будет меньше денег на закупки? Их сильно сократят?*

— Да, сильно. Речь пойдет только об эксклюзивных вещах.

— *А что касается экспонатов современного искусства?*

— Я ничего против этого не имею. Но считаю, что нужно покупать то, что, условно говоря, всегда можно продать. То, что будет только дорожать. Нельзя покупать то, ценность чего сомнительна. А что касается поддержки современного искусства — в театре, в живописи, — в 2014 году мы ведь удвоили финансирование проектов. И в следующем году это постараемся сохранить.

— *Кстати, когда будет окончательно сформирован бюджет?*

— Сейчас вносятся последние уточнения. Бюджеты театров, музеев, библиотек довольно существенно выросли за последние годы. В том числе за счет «внебюджетки» и дополнительных средств на повышение заработной платы. И сейчас наша задача сделать так, чтобы государственное субсидирование наших учреждений в 2015 году не уменьшилось.

— *Закон о меценатстве, который должен привлечь в сферу культуры дополнительные средства, был наконец-то принят в этом году. Когда он, по вашему мнению, заработает в полную силу?*

— Очень важно вернуть традиции чествования меценатов в России на высшем уровне. На уровне присвоения высоких государственных наград, личного внимания первых лиц государства, города.

А вообще, благотворительность никогда не может быть вызвана соображениями экономической выгоды, это всегда внутренняя потребность, которую надо максимально поощрять.

— *А будут ли все-таки у меценатов какие-то преференции в смысле бизнеса?*

— А это уже следующая история. Безусловно, определенное налоговое поощрение для меценатства должно быть. И нынешний закон пока больше декларация, он нуждается в экономическом разделе. Это прекрасно понимают и Валентина Ивановна Матвиенко, и Сергей Евгеньевич Нарышкин. Соответствующие инициативы обязательно будут вноситься.

— *Какие еще законопроекты будут внесены в следующем году?*

— Самое главное — должен быть принят закон «О культуре».

— *Так ведь это уже получается не ваш закон, а Комитета по культуре Госдумы.*

— На самом деле депутатский законопроект соответствует нашему тексту на 80 %. Однако для нас главное «не шашечки, а ехать». Поэтому какая разница, кто будет формальным разработчиком? Главное, чтобы документ оказался стоящим.

— *Это не рассорило вас с Комитетом по культуре? Елена Драпеко довольно жестко высказывалась по поводу варианта, предложенного Минкультуры.*

— На тот момент Елена Григорьевна просто была не в курсе решения, которое мы приняли на совещании под председательством Валентины Ивановны Матвиенко с участием Станислава Сергеевича Говорухина и Зинаиды Федоровны Драгункиной. А именно тогда мы решили, что готовы взять за основу депутатский законопроект и вносить в него свои поправки. При условии, что депутаты также дополнят свой законопроект некоторыми положениями из нашего, а также внесут поправки в иные законы, которые стоит менять параллельно.

Это должно быть пакетное внесение. Так что никаких авторских амбиций у нас нет. Повторюсь, вопрос только в том, что закон должен быть полезным, а не декларативным. И, на мой взгляд, то, что сейчас предлагается, достаточно полезно.

— *После вашего отчета в Госдуме многие СМИ процитировали слова*

критикующего вас Иосифа Кобзона. Как вы думаете, удастся ли вам прийти к взаимопониманию с Иосифом Давыдовичем?

— Иосиф Давыдович, когда мы встречались с депутатами фракции «Единая Россия», высказал мне претензию, что не может до меня дозвониться. Я тысячекратно и совершенно искренне извинился и с удивлением спросил у других депутатов, кто еще не может дозвониться. Ни одной поднятой руки не было.

— *В последнее время вы часто и в довольно жесткой форме говорите, что министерство не будет финансировать проекты людей, занимающих «антигосударственную» позицию. Но почему именно сейчас? Ведь раньше же финансировался «Артдокфест» Виталия Манского, хотя сам он давно высказывает свои взгляды. Что произошло?*

— В общем, сам я всегда, с первого дня работы в министерстве, проводил такую политику. Другое дело, всегда считал и считаю, что надо называть вещи своими именами. Не хочу врать: мол, фестиваль Манского «эксперты не одобрили». Эксперты — это полдела. Это и моя принципиальная позиция. И все, точка.

— *Но нет ли в этом вашего субъективизма?*

— Вся наша жизнь субъективна. И мнение экспертов тоже. Манский далеко не вся российская документалистика. Посмотрите, что пишет пресса по поводу победителей последнего фестиваля. Про живописание бомжей на подмосковных помойках или историю про Донецк, ДНР, рассказанную, как пишут рецензенты, «с изящным британским юмором». Не пойму, правда, чего изящного или смешного находят документалисты в человеческой трагедии.

И уж совсем неприличная, извините, история с высказываниями Манского о собственных соотечественниках в украинских СМИ. А постоянная апелляция Манского к Лени Рифеншталь вообще пугает. То ли слава ее не дает покоя, то ли размер финансирования, но я не готов разбираться в его подсознательном.

— *А какова сейчас ситуация с так называемым скифским золотом? Правда ли, что голландцы пролонгировали страховку на коллекцию из крымских музеев до решения суда. Министерство следит за ситуацией?*

— Да, там все отложилось до решения суда, чтобы этот вопрос не подвергался излишней политизации. Это спор между крымскими музеями и украинским Минкультом. Поскольку музейный фонд един и неделим,

любое изъятие чего бы то ни было из фонда, тем более третьей стороной, стало бы актом безусловной кражи. Моя частная позиция: если суд примет решение в пользу Украины, то юридически это будет на уровне революционных экспроприаций большевиков. Но еще раз подчеркну: Минкультуры России в этом процессе никак не участвует.

— Не повлияет ли дело ЮКОСа на дальнейшие обменные выставочные процессы? Сейчас многие организаторы выставок опасаются, что наши экспонаты будут арестованы в европейских странах, а потому боятся их вывозить.

— К счастью, прецедентов такого рода нет, хотя опасения, действительно, есть. Музейный обмен держится на доверии между музеями. К примеру, к 250-летию Эрмитажа Британский музей передал для выставки одну из знаменитых древнегреческих статуй Парфенона, которая никогда не вывозилась за пределы Великобритании. Британцы опасаются, что ее могут арестовать греческие власти (греки до сих пор считают ее похищенной в стародавние времена с территории своей страны). Но кредит доверия между Британским музеем и Эрмитажем, получается, выше, чем между Великобританией и странами Евросоюза.

Это тонкая материя. Если каким-то образом какие-то музейные экспонаты будут арестованы, поверьте, это вызовет катаклизм на рынке международных выставочных обменов.

— А с Украиной что? Вы неоднократно говорили, что Россия не будет что-то запрещать, готовить ответные черные списки украинских деятелей культуры. А культурные обмены будут продолжаться?

— Те времена, когда мы часто дружески обедали с украинским министром культуры, к сожалению, прошли. Они живут своей жизнью. Бог даст, наладится когда-нибудь.

Зато в этом году мы самостоятельно широко отметили 200-летие Тараса Шевченко в России: были конференции, издание книг, открытие памятника. Для нас Шевченко и Лермонтов — фигуры одинаково близкие.

А они вот «Мамы-3» запрещают...

— И многие другие российские фильмы.

— Причем «Мамы-3» запретили из-за того, что этот фильм якобы «насыщен идеологией имперского шовинизма». Говорят, именно так было указано у украинских киноведев. Это все начинает напоминать какой-то дурной анекдот. Дожили. Имперский шовинизм и «Мамы-3»...

— *Вы как-то говорили, что с Польшей у нас отменен Год культуры, но при этом на уровне деятелей культуры диалог продолжился. С Украиной так не получается?*

— Если будут хорошие проекты — пожалуйста, поддержим. Препятствовать не будем ничему, в том числе и выходу в наш прокат украинского кино. Как не были против фильма, где в главной роли снялся Владимир Зеленский. Мы не собираемся мешать прокату этого, кстати, российского фильма из-за частных высказываний одного, видимо, не самого сообразительного украинского шоумена. И уподобляться Госкино Украины мы не собираемся.

— *А будете ли вы возвращаться к вопросу о введении квот на показы зарубежного кино в российских кинотеатрах?*

— Мне бы очень хотелось создать режим максимального протекционизма для российского кино, но сейчас, к сожалению, не лучшее для этого время. Для кинотеатров наступает непростой период, многие из них, расположенные в торговых центрах, платят большую аренду и сейчас передоговариваются из-за скачков курса. Кроме того, не секрет, что при экономических кризисах сфера развлечений страдает в первую очередь — в некоторых регионах уже зафиксировано снижение доходов кинотеатров. Так что давайте подождем результатов года.

Но в любом случае, без господдержки как создания фильмов, так и проката отечественное кино Голливуд не поборет. Это Давид и Голиаф, вещи, несопоставимые ни по объему рекламных денег, ни по напористости, ни по уровню планирования. И к этому вопросу мы обязательно вернемся позже.

— *У вас сейчас есть какие-то учреждения культуры, к которым вы присматриваетесь, и где можно будет в будущем году ждать кадровых перестановок?*

— Есть. Но обратите внимание, мы пустым перетряхиванием кадров не занимаемся. Принимаются лишь те решения, которые уже давно перезрели: где-то возраст, где-то личное желание уйти, где-то просто чудовищные результаты проверок.

— *Вы читали интервью Сергея Капкова, где он говорил, что деньги на новое кино нужно давать напрямую «Мосфильму» и «Ленфильму» в качестве субсидий и госзаданий?*

— «Ленфильм» является ОАО и просто не может получать госзадание. Кстати, в этом году они впервые выиграли конкурс и сейчас снимают три фильма по заказу министерства. Если получится хорошо, то будут снимать и дальше. Кроме того, государство сейчас выделяет «Ленфильму» существенный кредит на приведение в порядок киностудии. Но и «Мосфильм», который является ФГУПом, тоже не может получать госзадание и должен выигрывать конкурс.

При этом проекты «Мосфильма» для нас являются приоритетными, и у меня есть план, как увеличить его долю на кинорынке.

Хотя, быть может, имеется в виду, что нужно «Мосфильм» и «Ленфильм» просто сделать посредником между государством и большими частными кинопроизводителями: Верещагиным? Бекмамбетовым? Сельяновым? Акоповым? Зачем?

— *Еще говорят, что нужно снижать цены в кинотеатрах...*

— Я не очень понимаю, как мы можем директивно снижать цены в частных кинотеатрах, которых большинство. Кстати, согласно проекту закона «О культуре», мы, Министерство культуры, не можем снизить цены даже в государственных театрах и музеях. В законе черным по белому написано (и это та часть, за которую бились все руководители учреждений культуры), что ценовую политику они определяют самостоятельно. Мы можем рекомендовать, можем давить, чтобы учитывались интересы граждан. Но устанавливать расценки на билеты в том же Большом театре министр культуры не может. И, наверное, это правильно.

Критика или жалоба — это подарок

— *Известно, что вы активный пользователь Twitter...*

— Не то чтобы активный.

— *И тем не менее. Наверняка вы читаете и Facebook, и видите, что там про вас пишут.*

— Facebook я не пользуюсь принципиально. Так же, как и другими соцсетями. Не читаю, не подписан, не участвую. А Twitter иногда читаю, потому что это действительно удобно: короткие сообщения. Бывает, в машине по дороге домой пролистываю.

— *Мне по-человечески интересно, как вы реагируете на критику?*

Ведь очень часто ваши высказывания вызывают в сети бурю эмоций.

— Критика или жалоба — это подарок. А если критика конструктивна, отвечает на вопрос, что делать, готов таких критикующих на руках носить. Но вот недавно ехал и слушал программу «Эха Москвы», в которой долго повествовалось, как я использую административный ресурс, свою должность, заставляя директоров частных книжных магазинов продавать свои книги, выкладывать их на витрины. Редкий случай оппозиционной паранойи, помноженной на завистливую безграмотность.

Информирую: мои книги, к счастью, были лидерами продаж и в «доминистерские» времена, а магазины приоритетно выкладывают только то, что хорошо покупается. И хотя я уже три года ничего не пишу, по инерции еще что-то продается, идет допечатка.

Беседовали Светлана Вовк и Наталья Барина

Задача культурной политики — вырастить «поколение победителей»^[28]

О том, насколько реально введение против России санкций в области культуры, а также о том, что происходит с проектом «Основы государственной культурной политики», в интервью Юрию Яроцкому рассказал министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский.

— *Насколько реально, по вашему мнению, введение санкций против России со стороны западных стран в области культуры?*

— Мы уже несколько лет де-факто живем в формате взаимных санкций с США — после фантазмагорической истории с коллекцией Шнеерсона. У нас практически нет музейного обмена. Но, например, это не препятствует гастрольной политике: недавно в Америке триумфально выступал наш ансамбль народного танца, планируются большие гастроли Михайловского театра, с неизменным триумфом — Валерий Гергиев, список можно продолжить... В общем, культурные санкции — вещь неработающая.

— *Это касается США, а со стороны ЕС?*

— Это сумасшествие, ну кому это надо? Что выиграет Эдинбургский фестиваль от того, что туда не приедет Мариинский театр? Очевидно: серьезное обеднение собственной программы, падение интереса зрителей. Фотографиями маэстро увешана половина Шотландии. Никакого беспокойства по поводу санкций у меня нет.

Конечно, есть малые избыточно энергичные государства, которые пытаются доказать свой европейский выбор, находясь на форпосте самых бредовых идей. Они пытаются делать что-то в таком роде, но это не санкции, а так, мелкое пакостничество. И относиться к подобному надо так, как и подобает большой великой культурной державе — со снисходительной иронией.

— *Вы имеете в виду запрет на въезд некоторых российских музыкантов на фестиваль «Новая волна» в Юрмале?*

— Латвийские власти испытывают сильный комплекс унтер-

офицерской вдовы. Ищут способ, как бы самим себя наказать. Мы пришли в Юрмалу с хорошими проектами и хорошими деньгами. Но теперь есть опасения, что деньги, звезды и туристы устремятся в более подходящее место.

— *Но проблемы, насколько известно, возникли и с более крупными проектами — например, с годом Британии в России?*

— Проблемы есть у политиков, которые игнорируют большие культурные мероприятия. Кстати говоря, так было и до начала украинского кризиса. Например, в рамках программы года Британии, накануне открытия Олимпиады, в Сочи был гала-балет с участием британских артистов. На него не приехал ни один из высших чиновников Великобритании. Им, может, неинтересно успешное выступление их соотечественников, ну и ладно. Хотя приглашали. А мы с Дмитрием Николаевичем Козаком приехали, нам очень понравилось.

— *Кроме того, власти Польши отменили российско-польский год культуры?*

— Удивительные люди. Русскую культуру в целом польские власти отменить не хотят? А мы любим культуру Польши. Помню, в детстве пересмотрел немало польских фильмов, до дыр зачитывал Сенкевича, с нетерпением ждал новых серий «Ставки больше, чем жизнь», «Четыре танкиста и собака». А помните — «Камо грядеши», «Огнем и мечом»? Кстати, Сенкевича на Украине за компанию с «Поддубным» и Булгаковым еще не запретили? Как-то там запорожцы показаны, мягко скажем, не слишком выигрышно — на фоне польского рыцарства...

— *И все же перекрестный год культуры отменяется или нет?*

— Мы обязательно пригласим к нам польские театры, польских музыкантов. Поеду на открытие российско-польского фестиваля кино. Будем поддерживать «Зелену Гуру».

— *Последние месяцы активно обсуждались «Основы государственной культурной политики». В итоге многие считают, что проект, предложенный министерством, в аппаратной борьбе проиграл тексту, разработанному в Администрации Президента...*

— Мы не могли проиграть проекту Администрации, потому что никакого соревнования не было. Министерство, как и многие другие организации, лишь направляло свои предложения в общий

предварительный проект. В большей части они были учтены. Никакого «собственного проекта» в Минкультуры не было, и быть не могло.

Документ будет еще обсуждаться в ОНФ, Госдуме, общественным советом Минкультуры. На мой личный взгляд, сейчас версия документа очень неплоха. Кое-чего не хватает, постараемся дополнить.

Задача современной культурной политики — вырастить в России «поколение победителей».

Сохранение культурного наследия, государственная поддержка искусства, единое культурное пространство — все это элементы единой задачи: как оживить ценности нашей культуры, способные объединить страну и духовно развивать каждого человека. Как их сделать привлекательными, современными и транслировать молодежи.

— *И при этом тезис «Россия — не Европа» остается для вас актуальным?*

— Во-первых, никогда этого не утверждал. Во-вторых, чем больше русский любит Россию, тем ближе для него традиционная Европа. Вспомните Пушкина: главный европеец в России — это государство.

— *Что вы имеете в виду, когда предлагаете начать выращивать «поколение победителей»?*

— Об этом, кажется, писал «русский немец» — великий Иван Ильин: после крушения Советов будет период страшной анархии, но Россия сможет восстать из пепла, если выкует в постсоветском аду новый тип личности. А какое главное изменение мы видим в России в эпоху Путина? То, что Россия начала побеждать. Несколько десятилетий мы не побеждали — нигде. Привыкли к поражениям, чаще — к унижениям. Даже стал вырабатываться тип постсоветского человека — аутсайдера. Плюс псевдоинтеллигентская ересь, что православие — религия лузеров. Да ничего подобного! Православие призывает человека одерживать победы на каждом шагу, всю жизнь. Христианство требует от человека решительной победы над собственными слабостями. Над эгоизмом, ленью, унынием.

При Путине совершился именно этот поворот русской истории: Россия начала побеждать свои слабости. А ведь русскому человеку главное — поверить в свои силы. Спрыгнуть с печи, где сиднем — 33 года...

Даже враги чувствуют, что Путин исполняет миссию. Не просто вытащил страну из девяностых. Он дал реальный образ будущего, где Россия — страна победителей.

— *О каких именно победах вы говорите?*

— Для великого народа нет ничего более мучительного, чем память о победах «былых времен» — при отсутствии побед в настоящем. Без надежды на будущее.

Сейчас со стороны может показаться, что Россия в XXI веке вошла в фазу какого-то невероятного везения. Увеличение рождаемости и снижение смертности, рост личного достатка граждан.

Никогда в истории граждане России не жили столь зажиточно — и при том столь свободно. Мир на Кавказе. Постоянный рост зарплат военных, учителей, врачей, теперь наконец и работников культуры.

А триумф в Сочи?! Вспомните поистине невообразимую тройную победу наших лыжников в последней гонке последнего дня Олимпиады.

А Крым? Никто и мечтать не мог.

— *Как вы как министр культуры отнеслись к концерту Макаревича в украинском Святогорске?*

— Знаете, мне больно об этом говорить. Мое поколение выросло на его песнях. Впрочем, никто бы никогда не обратил внимания на эти его концерты, если бы не предшествовавшие постоянные политические заявления музыканта против всего: выборов, Крыма, «Новороссии», политики на Украине. Видимо, у народа накопилось...

— *Вы согласны с предложением лишить его российских госнаград?*

— Нет, не надо. Лишиться уважения бывает стократ хуже, чем госнаград. Президент награждал Макаревича-артиста, не политика.

— *В какой степени министерству удалось изучить ситуацию с культурными учреждениями в Крыму?*

— Сейчас там ситуация, честно говоря, ужасающая. Четверть века Киев не вкладывал туда вообще ничего.

Ряд учреждений жил на самофинансировании: сколько выручили на услугах, столько и заплатили сотрудникам. Более того, внебюджетные средства, заработанные Воронцовским дворцом, Херсонесом и другими крупным музеями Крыма, хранились на спецсчете в Киеве. Так вот, эти деньги киевский режим, коротко говоря, украл. То есть не только не давали денег, но даже похитили то, что музеи заработали самостоятельно.

Президент уделяет вопросам культуры особое внимание. Он отдельно встретился с работниками культуры Крыма, выслушал их, после чего дал поручение составить список приоритетов в части возрождения крымских

объектов культуры. Сейчас отрабатываем и согласовываем этот список с Крымом и Севастополем.

— Можете уже назвать какие-то приоритеты?

— Из больших проектов, например, строительство концертного зала в Симферополе — сейчас в Крыму нет ни одного современного концертного зала. «Ласточкино гнездо» нуждается в серьезных противоаварийных работах.

— Меняете ли вы местный менеджмент?

— Никого не меняем. Но зарплаты работников музеев и библиотек там обязательно вырастут. И мы будем оказывать крымской культуре системную помощь.

Такова исстари внутренняя природа России: щедро вкладываться и помогать тем «Украинам/ окраинам», кто попросил помощи и защиты.

В отличие от других, наша огромная страна прирастала землями не железом, не на крови уничтоженных аборигенов. В большинстве случаев народы вливались в Россию, вспомните историю, мирно, а многие еще годами упрашивали, чтобы их приняли под царскую руку. Грузины. Украинцы.

И в этом многонациональном и многоконфессиональном мирном единении был залог прочности российского государства.

Замечу, что жизнеспособность нашей державы, которая ни разу за последние шесть веков, со времен преподобного Сергия Радонежского, не утратила своего суверенитета, совершенно уникальна.

Какие еще государства на планете вы можете привести в пример шестивекового непрерывного суверенного развития? Без протекторатов, поглощений и безоговорочных капитуляций? Британия? Так... Может, еще Швеция... Похоже. Таиланд? Надо бы покопаться в истории... Пальцев одной руки хватит перечислить. И — мы. Царство Московское — Российская — Советская империя — Российская Федерация.

— А как выглядит в Крыму ситуация с туризмом?

— Считалось, что ежегодно в Крым приезжало 6 млн. туристов. Но крымчане над этой цифрой смеются, говорят, завышена чуть не вдвое, на самом деле никто никогда никого не считал.

Большую часть составляли либо неорганизованные, либо социальные туристы с Украины, которые ехали за счет украинских фондов соцстрахования. В первом случае это «Жигули» — беляши — частный

сектор, во втором — наполнение недорогих пансионатов.

Турист из России совершенно другой. Тратит деньги другого порядка. Если останавливается в гостинице, требует другого уровня комфорта. Он уже избалован Турцией, не говоря о Сочи, и готов платить за сервис.

Я уверен, что туринфраструктура Крыма в течение ближайших нескольких лет серьезно модернизируется, поднимется, иначе у нее просто нет шансов. В этом году в Крыму уже где-то 2,5 млн. приездов, по итогам года мы превысим цифру в 3 млн. При этом российских туристов в этом году стало в два раза больше.

— *Насколько министерство участвует в разрешении кризиса, связанного с участившимися банкротствами российских турфирм?*

— Надеюсь, всем понятно, что персонально страховать туристов и отвечать за их выбор и риски — не государственная задача. Это бизнес, здесь работают законы свободного рынка. Туристический рынок перегрет, цены демпинговые — и коллапсы закономерны.

Но у нас социальное государство, поэтому мы вытаскиваем из-за границы застрявших там туристов, Ростуризм координирует работу Фонда турпомощи. Будем совершенствовать законодательство и далее.

— *Смена руководства Ростуризма была связана с кризисом?*

— Наоборот, назначенного буквально накануне временно исполняющего обязанности руководителя агентства подбирали именно для того, чтобы больше продвигать внутренний и въездной туризм, привлекать в отрасль инвестиции. Однако ему пришлось в пожарном режиме заниматься кризисом, связанным с выездом.

— *В последнее время два российских фильма получили призы на крупных международных кинофестивалях — «Левиафан» Андрея Звягинцева и «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» Андрея Кончаловского. Формально у обоих из них согласно недавно принятому Госдумой закону должны возникнуть проблемы с прокатом из-за наличия нецензурной лексики. Не нуждается ли принятый закон в коррекции?*

— Давайте посмотрим, как этот закон будет работать — по сути, еще ни один фильм из-за него не порезали. «Левиафан», впрочем, будет перемонтирован, какие-то реплики оттуда уберут. А вообще вопрос сложный. Вот в фильме Кончаловского действительно у героев местами речь не для печати, но это непрофессиональные актеры, их слова — органичная часть фильма, все говорят очень... образно. С другой стороны,

детям это было бы смотреть все же нездорово. Нужно находить какую-то разумную грань, как это делается во всем мире.

— *Но во всем мире для этого существуют просто разные возрастные категории фильмов...*

— К сожалению, возрастной ценз не гарантирует ограничения допуска в кинотеатр. Я помню времена, когда нас, еще детей, в кино не пускала злая билетерша.

Сейчас, конечно, никто контролировать допуск в зал не будет. Притом часто автор, когда ему нечего сказать, начинает использовать нецензурщину для дешевого эпатажа.

— *Недавно депутат Госдумы от КПРФ Вадим Соловьев направил на ваше имя обращение, в котором просит возродить худсоветы на телевидении. Что вы думаете о такой инициативе?*

— Ко всему, что способно фильтровать творческий продукт до момента его выхода, отношусь крайне отрицательно. По сути, это возвращение цензуры. За творческий продукт отвечает руководитель учреждения — директор или худрук театра, руководитель телеканала. Если это изменить, добавить какие-то непонятные согласовательные органы — только ответственность размоется. Логика я здесь не вижу.

В некоторых европейских странах, правда, существуют специальные общественные организации, которые принимают жалобы, и при нарастании какой-то критической массы либо каких-то слишком очевидных фактах имеют право направить по факту (!) уведомление о нарушении морально-этических норм. Если уведомление игнорируется, возможна судебная процедура вплоть до ограничения вещания.

Так гражданское общество пытается в условиях отсутствия цензуры следить за моралью.

— *То есть вы — против цензуры?*

— Цензура ушла в историю, она принадлежит прошлому. Это слово я воспринимаю именно как историческое понятие. Но, говоря образно, у каждого человека должен быть свой цензор. Внутри, в душе. Нельзя давать доступ в свой внутренний мир мусору, разлагающему душу.

Знаете, кто долгое время был главным цензором всей иностранной литературы, поступавшей в Россию? Федор Тютчев. Кстати, запретил переводить на русский «Манифест коммунистической партии». Этот сверхобразованный интеллектual был паладином классических ценностей

христианской Европы.

Боюсь, в современном мире мы в духовном и культурном плане тоже становимся более традиционалистами-европейцами, чем сами граждане Евросоюза, значительная часть которых убеждена, что Рафаэль — это одна из черепашек-ниндзя.

Я убежден: беснование наших противников усиливается именно потому, что сегодня Россия морально сильнее. Мы везем гуманитарную помощь — параноикам видится военный конвой. Если вместе с детским питанием и лекарствами мы повезем в Донецк Кубанский казачий хор и «Бурановских бабушек» — они скажут, что это замаскированный русский спецназ для наступления на Львов.

— *Тем не менее, Минкульт неоднократно и, на мой взгляд, обоснованно критиковали за попытки запретить фильмы или спектакли.*

— Во-первых, Минкультуры не имеет ни времени, ни права, ни желания что-либо запрещать — спектакли, выставки, фильмы и так далее. Мы можем лишь отказать в государственной поддержке. Не более.

Во-вторых, если ты министр культуры, то обязан защитить не только свободу граждан, которые занимаются творчеством. Но и свободу тех налогоплательщиков, которые требуют, чтобы культура развивала их детей, а не развращала.

Мы не имеем права вываливать на россиян фотовыставки анусов или перфомансы голых «художниц», рожаящих яйца с краской (как случается в современной Европе). Да и прочие псевдокультурные продукты, эстетизирующие извращения, наркоманию, суицид...

Когда промышленное предприятие загрязняет среду, нужны эксперты-экологи. В нашем случае не обойтись без культурологов, психологов, педагогов, историков.

— *Но ведь и раньше при Минкультуры были экспертные советы!*

— Были, да застоялись. Эксперты сдружились меж собой, а также с чиновниками, привыкли голосовать единогласно. В этом году мы обновили состав министерских экспертных советов по театру и современному искусству. Но я бы, честно говоря, добавил в каждый совет еще по паре многодетных матерей.

Посмотрим.

— *Ваше назначение на пост министра культуры в 2012 году многими критиковалось, премьеру Медведеву тогда даже пришлось вас защищать в*

эфире «Первого канала». Как вам кажется, получается ли оправдывать связанные с вами надежды?

— Станный вопрос. Я их обязан оправдать. Премьер ставит стратегические задачи, делегирует полномочия, а проработку деталей доверяет своим министрам. После чего, правда, спрашивает по полной. Так что переложить ответственность на кого-то невозможно.

— Работа Министерства культуры под вашим руководством активно критикуется. Какие жалобы поступают чаще всего?

— Больше всего жалуются на то, что мы до сих пор не запретили «Дом-2». Смешно, но это правда.

Понятно, что телевидение — это по ведомству Минсвязи, а не нашему. Но, кстати, мы в рамках наших полномочий начали поддерживать хорошие телефильмы, докудрамы, телесериалы (из уже идущих — «Первая мировая», «Бесы», «Романовы», «Молодежка»), те, которые знакомят с историей России, классикой, продвигают семейные ценности, формируют характер.

Готовим большую литературную премию. Причем лауреат в качестве одного из призов будет автоматически получать заказ на написание сценария для кинофильма. И Минкульт возьмется этот фильм финансировать.

— Есть материальные результаты проходящего сейчас Года культуры?

— Год культуры был ориентирован, прежде всего, на то, чтобы дать импульс культуре в российских регионах. Вы посмотрите: повсюду серьезно за 2013–2014 годы — по статистике, почти вдвое — выросли зарплаты работников культуры. Запущено множество новых проектов. Каждую неделю в стране открываются новые объекты: музыкальные школы, театры, филармонии, музеи!.. Региональные власти почувствовали значимость культуры как отрасли, и это, пожалуй, главный результат года культуры.

Примечания

1

«Российская газета», 22 января 2014 г.;
<http://www.rg.ru/2014/01/22/istoria.html>

«Православие и мир», 1 февраля 2012 г.
<http://www.pravmir.ru/obrazovannyye-i-neudovletvorennyye/#ixzz3abHqyBnH>

«Известия», 19 февраля 2014 г.:
<http://izvestia.ru/news/566035#ixzz3ab6KrUS6>

«Известия», 27 марта 2014 г.:
<http://izvestia.ru/news/568228#ixzz3aayBS9VI>

Заявление министра культуры, 15 апреля 2015 г.
<http://www.mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/zayavlenie-ministra-kultury-rf-v-r-medinskogo-k-otzyvu-prokatnoy-zayavki-filma-4>

Стенограмма опубликована: «Однако», 20 мая 2015 г.
<http://www.odnako.org/blogs/navstrechu-100-letiyu-revolyucii-zveno-v-istoricheskoy-preemstvennosti-epoha-gigantskih-dostizheniy-i-platforma/>

«Известия», 3 июля 2015 г.; <http://izvestia.ru/news/588424>

Журнал «Однако», 15 мая 2012 г.;
<http://www.odnako.org/magazine/material/vladimir-medinskiy-ediniy-podhod-k-istorii-zadaetsya-libo-gosudarstvom-libo-kem-ni-popadya/>

Выступление В. Р. Мединского на презентации романа «Стена» в г. Смоленск // «Рабочий путь», 26 апреля 2012 г.; <http://www.rabochy-put.ru/culture/14738-vladimir-medinskijj-po-strastjam-i-geroizmu.html>

«Православие и мир», 6 апреля 2011 г.; <http://www.pravmir.ru/mify-vojny-i-mira/#ixzz3abDMV1Mi>

«Комсомольская правда», 10 ноября 2014 г.;
<http://www.kp.ru/daily/26305.5/3183560/>

Доклад министра культуры РФ В. Р. Мединского о реализации ключевых направлений плана Года культуры в России в рамках правительственного часа в Государственной Думе РФ 16 декабря 2014 года. Источник: <http://www.pravmir.ru/vladimir-medinskiy-minkulturyi-nikomu-nichego-i-nikogda-ne-zapreshhaet-no-realizuet-gosudarstvennuyu-politiku/>

ТАСС, 10 февраля 2014 г.; <http://tass.ru/opinions/interviews/1599462>

Стенограмма онлайн-интервью с министром культуры РФ В. Р. Мединским в редакции «Газеты. Ру», 10 октября 2012 г. <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s4801185.shtml> Ведущие — журналисты Мария Цыбульская и Алексей Крижевский.

Источник: «Московские новости», 8 июня 2012 г.;
<http://www.mn.ru/culture/20120608/320078397.html>

Уполномоченный по правам ребенка в РФ.

Эфир на канале «Россия» 15 октября 2013 г. Стенограмма:
<http://www.pravmir.ru/voskresnyj-vecher-s-vladimirom-solovevym-vladimir-medinskij-tekstvideo/#ixzz3abA1SjSS>

Источник: <http://www.pravmir.ru/vladimir-medinskij-vs-vladimir-pozner-video-tekst/#ixzz3abCxWzx3>

«Известия», 17 июня 2015 г.;
<http://izvestia.ru/news/587771#ixzz3iOxt5ak8>

1752 год. Первое представление в Зимнем дворце ярославского Театра Федора Волкова. Указом Елизаветы актеры определены в Шляхетский корпус «для придания блеска природным дарованиям».

1756 год. В Санкт-Петербурге учрежден первый публичный Русский для представления комедий и трагедий театр. Это случилось в день св. Александра Невского, поэтому театр стали называть Александринским — его и сейчас так называют.

Московский художественный театр задумывался в 1898 году как «театр разночинной интеллигенции». В первый сезон средняя цена билета в МХТ была намного ниже, чем в императорских театрах. Однако расходы всё росли, выручка ограничена размерами зала, поэтому с убытками приходилось бороться повышением цен на билеты — то есть отказом от «общедоступности». В итоге МХТ стал самым дорогим театром в России. Он даже ввел практику сверхдорогих абонементов, которые так раздражали основателей театра при его создании, ведь не для сытых и богатых они ставили спектакли.

Должность «цензора российской труппы» была учреждена в 1799 году. С 1804 года возникли первые цензурные уставы — именно на понимании интересов государства и основанные. А знаменитое Третье отделение, которое возглавил граф Бенкендорф, было создано 1826 году («Впредь можно писать о театре, что желаете, но показывая мне», — распорядился граф). Среди цензоров были и И. А. Гончаров, и Ф. И. Тютчев.

«Императорский театр... должен явиться хранилищем образцовых произведений» [с помощью которых происходит] «доставление эстетического удовольствия зрителям через возможно совершенное исполнение драматических произведений, обладающих несомненными художественными достоинствами». [По отношению к частным театрам Императорский] «как учреждение Царское должен быть блестящ, должен во всякое данное время служить недостижимым образцом для частных антреприз». «Правила для управления русско-драматическими труппами Императорских театров» (1882 год).

Елена Ямпольская // «Культура», 4 сентября 2013 г. <http://portal-kultura.ru/articles/person/8642-ministr-kultury-rf-vladimir-medinskiy-bez-ideologii-chelovek-stanovitsya-zhivotnym/>

«Коммерсантъ», 12 мая 2015 г.; <http://www.kommersant.ru/doc/2724339>

«Аргументы и факты», 5 августа 2015 г.;
<http://www.aif.ru/culture/person/1568569#>

ТАСС, 27 декабря 2014 г.; <http://tass.ru/opinions/interviews/1675367>

«Коммерсантъ», 18 сентября 2014 г.;
<http://www.kommersant.ru/doc/2569559>